

ВЛАДИСЛАВ ШИХОВ

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

Владислав Шихов

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

Ижевск

Алкид

2017

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ш65

*Автор благодарит
Александра Александровича Ушакова
за помощь в издании книги.*

Шихов, Владислав

Ш65 Четвертая книга. Ижевск : Алкид, 2017. –
328 с. : фот.

ISBN 978-5-6040579-0-2

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© В. Ф. Шихов, 2017
© Издательство «Алкид», 2017

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

Тени

Руны

Блаженство расставаний

Две рыбы, пять хлебов

«...Прочел Ваши стихи, они мне понравились разнообразием тем и лирических сюжетов, предметностью и связью с мировой культурой и историей. Отметил венецианское стихотворение (хороши “три камешка в подошвах”), “Дятел”, “Ныряльщик”, “Тоскана”. Да и другие тоже заслуживают похвалы, хотя встречаются неудачные строки и слова, “листьё”, например, или “возложены в гробницы”. Думаю, что Вы человек талантливый и стихи пишете не случайно. От всей души желаю Вам успеха и верю в него.

С глубоким уважением, Александр Кушнер».

«...“Помпеи” — прекрасное стихотворение. Вы — молодец. И сама метафора, и все подробности, и интонация. “Вот редкий шанс спросить у смерти: кто ты?” — замечательно. Такие стихи, конечно, должны быть напечатаны. А. Кушнер».

(Из писем Владиславу Шихову
от 14 августа и 30 декабря 2017 г.)

ТЕНИ

* * *

Вся комната озарена —
Аквариум солнечных пятен.
Когда не хватает звена,
Навязчивый сон неприятен.

С душой в мешковину зашит
И камнем подводным придавлен.
Как призрачный дом, мельтешит
Над грудой заросших развалин.

И темных теней легион
Сознание усиленно гонит,
Пока в голове эмбрион
При старом знакомом не вздрогнет.

Декабрь 1999

* * *

На темный, на апрельский наст,
На ельничный, на, боже мой, несчастный
Уж больше небо не подаст
Свой снег последний и прекрасный.

В холодном воздухе поток
Не засквозит, не запорошит.
Неужто вправду зимний срок,
Как в спячке, незаметно прожит?

О, как испуганно твоя
Душа глядит, не понимая,
Что вот уж близится земля,
Еще глухая и немая!

* * *

Весну мы встретили едва,
Как без убора голова
Уже взорвалась в вихре ветра.
И, задыхаясь на ветру,
Мы жадно слушали игру
Такую грустную, как ретро.

Весну мы встретили, когда
Уже почти ушла беда,
Но оглянулась напоследок.
И вновь беспамятные дни,
И тени темные одни,
И свет зеленый тонких веток.

* * *

Чем дольше остаешься здесь,
Тем прошлое всё незаметней.
Пчелиным светом увеличен лес
Сквозь призрак лиственности летней.

Еще тревожит дальний гул
И ветви чистые, как ветер,

Но как свободно развернул
Ноябрь сырых деревьев веер.

И стало видно, как душа
Уже пределов тех коснулась,
Как медленно, как не дыша
К тебе испуганно вернулась.

* * *

Констатация смерти. О трупных
Пятнах, глазу простому доступных,
Речь пока не идет, но
Смерть всегда бесподобна,
И поэтому не умолчать,
И гортань разбивает печать.

Реставрация памяти. Рядом
Ты была всегда, смерть, но взглядом
Мы увидеть тебя не могли,
Точно как притяжение земли.
Только лишь на последний показ
Возникает способность у глаз.

Демонстрация прошлого. Буду
Помнить вечно тебя, не забуду,
Как твой нежный и детский испуг
Прижимался тесней, чтобы вдруг
Без тебя смерть меня одного
Не повергла в свое торжество.

Январь 2000

* * *

Щелчки кузнечиков в нагретой
Траве, как шорохи, сухи.
Они певучи, как либретто,
И ароматны, как духи.

Но только шаг, и врассыпную,
Но только шаг, и сколько слез,
В тебе поднял волну взрывную
И навсегда меня унес.

* * *

О, горе не бывает гостем неожиданным!
На шорох трав пустой, беззвучный, резкий
Я вздрагиваю. Может, нам даны
Прозрачные пророческие фрески?
Но слепота, но Геркулесовы столбы
Земли неведомой реченья застолбили.
И сладко так, что ноги отрубил,
Изнывшие от вековой ходьбы
По гористым ступеням водопада
В морозный лес и тристианский храм.
Укройся здесь от слова и от взгляда!
Сюда ко мне на грудь слоны, покинув стадо,
Приходят умирать от старости и ран.
Душа моя дымна и похоронна!
На полюсах не лавровый венец,
Но скорлупы колючая корона.
Вспонимай меня, мой маленький творец!
Эпоха раздевается, и гадкий
Утенок бытия остался наконец,
По-прежнему такой же гадкий,
В твоих руках трепещущий птенец.

И пуст простор, и вызвучать нельзя,
Как всех морщинка нас соединила,
Но я вернусь на поздний зов вабила*,
И бедным ангелам я разорву глаза.

13 декабря 1993

* * *

Пишу карандашом по белому столу
В том месте, где еще, возможно, листья
Хранят мечту. Как долго шла амнистия
Лучами кольцевания сквозь мглу,
Боясь под черным ветром ошибиться.
Так я боюсь тебя. Стираю рукавом,
И темные разводы — пробы крови.
Я долго обнимаю тебя львом!
И обжигаюсь языком на первом слове:
«Люблю тебя». Пишу карандашом
В том месте, где, возможно, завтра мама
Расплещет чай, и рассмеется странно,
И вдруг почувствует, как это хорошо
Смеяться над собой, играя постоянно
Игрушками приснившегося сына,
Которые давно забыл один чудак,
Когда безумствовал впервые он, да так,
Что медленно, и больно, и бессильно
Снимала траур тьма, а он снимал свой фрак.

Май 1992

* *Вабило* (от глагола *вабить*) — два скрепленных вместе крыла, которые сокольниковый кружит на веревке у себя над головой, приманивая сокола назад.

* * *

И я для верной смерти не был назван,
Когда глашатай небо бытия
Перекликал, но всё же с каждым разом
Всё больше будет мыслей про меня.

На сретенье я не был тобой узнан,
И праздновал опустошенный год,
И оседал душою трудной грузно
В песочные часы своих невзгод.

Когда же ты почувствовала, санта
Любимая, что вот твоя судьба,
Я с каменной надменностью Атланта
Бессмысленно удерживал тебя.

23 февраля 1994

* * *

И доля львиная листвы уж на земле,
И день хрустит в прокрустовой гробнице,
И сквозь вершины свет в глаза мои, в золе
Неприкасаемый, проходит, как убийца.

И лес сейчас блистательней, чем Петербург,
И смотришь ястребом, но где же, словно сказка,
Грибница есть, и на лицо ложится вдруг
Посмертная из паутины маска.

И воздух так пчелин, и если не беда,
То что же мне тогда такое снится?
И воздух сыновей, и не дышали никогда,
И воздух так пчелин, и ты его царица.

29 августа 1994 года

* * *

Как шелест выше, Машенька, как шелест
Примешан к воздуху, щемящему еще
О прошлой вечности, а ровно через
Мгновение пустынно-горячо
Почувствуешь сиротство. Беспокойны
И бесподобны жизненные сны.
Когда еще накатят эти волны
Сырых снегов на шелест тишины?
Лишь ветровые взрывы занемогших
И занемевших листьев бросят в дрожь.
И невозможно дожидаться больше,
И медленно с оглядкою уйдешь.

* * *

Апрель артезианский дорог мне
За страсть молчания, за воздух холодящий,
За бытие твое, за сорок дней
Отчаянья — восторг непреходящий
И радость небывалая моя.
Сильней тебя обнять, чем розовые банты!
Благословенна светлость бытия —
Лазоревая бабочка из смальты.
Сквозь листьев шумный мех сияние сквозят
Лучи светло-зеленые — приснитесь.
Когда меня нашел твой нежный взгляд,
Во мне произошел вдруг фотосинтез.

28 апреля 1995 года

* * *

По древнему воздуху города
Мы жадно с тобою идем.
Душа замирает от голода,
Но мы от него не умрем.

Мы купим себе по горячему
И яблочным соком запьем.
Душа замирает отчаяньем,
Но мы от него не умрем.

И мы не узнаем, что всякая
Внезапно проходит, как сон,
Хоть даже с вершины Исаакия,
Мы больше уже не умрем.

* * *

Весеннего снотворного холодная вода,
А воздух, словно вольная, дарован,
А воздух, если пасмурно, то ворон,
А воздух, если солнечно, звезда.
Как медленно, но расцветает лед
На кромках мира зимнего, и бремя
Берет свое от времени со всеми
Болезнями и песню отдает.
Мы превратимся, девочка, в теней
Отчаянье под соло фа капели.
Под невозможный голос Фаринелли
Такое чувство, что еще темней
Весеннего снотворного холодная вода,
Но если бы без слез (о, *lacrimosa*),
Тогда бы ночь была совсем несносна
И неизбежна прошлая беда.

* * *

Дубовый лист из Павловского парка
Остался, как и было суждено,
В своем гнездовье. Было очень жалко
Оставить мне хотя б без одного
Листочка эти бедные пенаты,
Живой до невозможности простор.
Ведь впереди и так одни утраты,
Ведь впереди и так один раздор.

* * *

А когда унынием все внутренности съедены,
Больше места занимает дух,
Безутешно плачущий свою беду.
Пусть во мне еще и крылья демона
Осыпаются, но губы — как воздух.

Пусть за мной еще и волчий след
Ослепительно, но горним *Gloria*
Пой, пойми, поймилуй вора мя,
Ибо время, дабы не найти один скелет,
Вечно опаздывая, приходит вовремя.

24 октября 1994

* * *

Брысь, деревья, в чашу леса,
Там продолжим разговор.
Чтобы враз попутать беса,
Нужен яростный напор.
Нужен голос злее, зычней

И уверенность про то,
Кто из нас косноязычной
И чудовищнее кто.
Кто заглядывает в выси
Удивленной малышей,
У кого глаза — как рыси,
Брови — кисточки ушей?

1991

* * *

А вы, патрицианская кровь! Вы, кото-
рым суждено жить со слепым затылком,
оглянитесь на те издевки, что сзади вас.

Персий «Сатиры»

Мир измениться не успел,
Как он уже назад вернулся,
А кто спиною повернулся,
Всё так же в сторону смотрел.
Не прекращая песню петь,
Рыбак жевал краюху хлеба.
И билось спутанное небо,
На дно затягивая сеть.
И как диктатор-естество
Живущим не дает проходу,
Так мир — зеркальное стекло —
Передавал свою природу,
Не измененную окрест.
Лишь в тот момент, когда воскрес он,
Так страшно содрогнулся весом
Над каждым атмосферный крест.

* * *

Что тьма светла, себя сама, сова, хвали!
Коль ты со мной была для отчуждения,
Так не кричи теперь «*лама савахфани*»
До воскресения, до пробуждения.

Еще сквозь пелену смертельную смотри,
Как на кресте последние движения,
Как до поверхности вспухают пузыри
Светилами вселенского брожения.

25 мая 1993

* * *

Прости меня. Беспамятства огонь
Тебя взметнет на целую ладонь,
На рост апостолов, на высоту деревьев,
С горячностью и обжиганьем перьев,
Но тем не менее поднимет до небес
Твой вечный свет и на руках твой вес.

Прости меня. Беспамятства вода
На солнце испарится без следа.
И мы с тобою отряхнем с одежд
Лишь пыль, что остается от надежд.
Как рана разрывная, боль и кровь,
Слезу остановить не может бровь.

Прости меня. Беспамятства воздух
Еще хранит твой драгоценный дух,
Как глаз моих внимательных сетчатка
Кисть облегает, словно бы перчатка.
Как газовая камера духов
Украшена иконами мозгов,

Но вот выносят неживой мой крик,
Бросая гнить, как миллион других.

Прости меня. Беспамятства земля
Всё примирит — и горе, и угля
На времена распавшиеся камни.
Храни себя, любимая, и дай мне
Еще твое явление постичь,
Как содранный с креста, упасть навзничь,
Почувствовать, как будет там, потом,
В пространстве запредельном и пустом.

Июль 1999

* * *

Всё призрачно, как баркарола,
И невесомость,
И, как вода, в другое горло
Попавший голос.

Хоть воздух пройден до горячки,
Но где калитка
В мир, оставляющий болячки,
Как дом улитка?

Мир, оглушенный одержимым
Добыть останки
И насладиться содержимым
Консервной банки.

Мир, ожидающий Второго
Конца начало,
Чтоб, как вода, в другое горло
Душа попала.

* * *

Пройдешь по старой улице, как гость,
И пронесешь воспоминания, как знамя,
Пытаясь возвратить погаснувшее пламя
В ее родную кровь и дорогую кость.

Смерть равнодушно выставит на свет
Твое безумное отчаянье и сотни
Других за сотнями. *Et nulla fides frontis* —
К наружности доверия здесь нет.

В моменты узнавания существо
Не сразу выдает, а говорит частями.
Ты обрастешь, как перьями, тенями,
Когда от трех источников светло.

И в детской длани средь других шаров
Воздушных вновь свой облик не покинешь,
Среди парящих горестно повиснешь
Живою головой средь неживых голов.

Февраль 2000

* * *

Кисть виноградная дремоты словно тень.
Чем холодней и пасмурнее день
И на душе усталость от тревоги,
Тем сладостнее спать в своей берлоге.
Не знаешь час и забываешь сны.
Будильник, как взрыватель тишины,
Уносишь заморозить в холодильник.
Такой твой ход одобрил бы Ботвинник,
Дарующий хоть шанс достичь ничьей
Меж светом дней и темнотой ночей.

2000

* * *

Звучанье шороха, как хора,
В холодном солнечном лесу.
Пустой мозаикой собора
Застыли листья навесу.

Недвижна осень. Только светом
Волнуют тени тихий сон.
И вновь присутствуешь при этом,
И вновь отсутствуешь потом.

И вновь судьбе нужна измена,
И вновь над головой пройдет,
То оступаясь по колению,
То не касаясь темных вод.

6 ноября 1998

* * *

Не это превращает тело в тушу
И обрубает кости топором,
Но это останавливает душу
На перекрестке вечном и пустом.

Не выбраться из белых полотенец
На солнечный, на горестный мороз.
Как тяжело вспеленутый младенец,
Перевернуться силится мой мозг.

И кто-то темный из моей утробы
Опять уходит навсегда на свет.
И смысл в том (еще бы мне, еще бы!),
И смысл в том, что смысла просто нет.

* * *

Губы твои — волчата
Верные. В них не лисья
Хитрость под осень печатать
Желтые слабые листья.

Губы твои — волчата
Нежные. Только затронешь,
Чувствуешь — радость чья-то,
Каждая — вечный детеныш.

Губы твои — волчата
Вешние. Солнечно, ясно.
Горе еще не почато,
Память еще не ужасна.

24 мая 1991

* * *

Оснежь застывший занемевший лес
Беспамятью и сном смертельно дальних.
Теперь, когда я поневоле странник,
Ты губы мне целуешь до небес.

Не принимая горные высоты,
Нельзя опустошительней скорбеть.
Воздушные переполняют соты
Единственные мысли о тебе:

«Люблю тебя, как даже бы не мог
Свет с высоты смиренно исходящий.
И больно трубный поднимает рог,
Как плоть живую, голос твой молящий».

1999

* * *

Над садом дней летание теней
Надсадней вскриков опаленных.
И бьется, вьется бабочка смертей
О траурницу легких воспаленных
Нежнее всё, пленительней, тесней.

И что за миг! В один крылатый лист
Они слились волною золотою.
И твой ли лик, и твой ли лик цветист
Такой рыдальной пустотою?

И ты одна останешься мне тайной,
Родней судьбы, сильнее судьбы.
И тайной лет (о, если бы летальной),
О, если бы, о, если бы!

1999

* * *

Мне зимние дни мои, о, Мнемозина,
Мне зимние сны мои, о,
Незримые львы, словно смерти низина,
Вернули меня одного.

И мне унизительно, о, Мнемозина,
И мне унизительно, что
Не помню пронзительно так и бессильно,
Не помню, не помню про то.

1999

* * *

Спокойно прощается снег,
И веток морозные кольца.
О вишне оставишь мне бег
Сквозь веки слепящего солнца.

И вечер, и горечи смерч
Навечно, на веру, на память
Весенняя мечется речь
Оставить, о вишне оставить.

О вишне оставишь мне, но
О вишне оставишь мне, а не
Всевышний свой свет. Как темно!
И не различимо дыханье!

1999

* * *

И верный труд, Мари, и верный труд,
И дом родной, и небо понемногу
Тебя от одиночества спасут.
Сквозь листья времени и сквозь тревогу
Вокруг тебя иные прорастут,
За что и будешь благодарна богу.

Из нимбов сад, Мари, из нимбов сад
Ночами пусть тебе послужит освещеньем.
И клетки памяти моей, как листопад,
Без света догорят прощаньем и прощеньем.
О, им бы взгляд, Мари, о, им бы взгляд,
Что стал бы мне последним ощущеньем.

2000

* * *

Весь снежный мир, Мари, весь снежный мир
Еще немного и пойдет ко дну — «Титаник».
Я глаз не отведу, покуда ювелир
В хрустальный башмачок не превратит хрусталик.

Я буду видеть всё. Ковчег начнет тонуть.
В горячем воздухе, безумии, смятенье
Из трюмов бросятся — не продохнуть —
Серебряные звери и растенья.

Шторм разметет остатки корабля.
Узнав друг друга, ты, спасенная на мачте,
Мари, и ты, прощальная душа моя,
От потрясения даже не заплачете.

1999

* * *

Всё более телесный снег весенний
Слепит и лепит тесный по утрам
Сонливый воздух и, скорей всего, последний
С тобою вдох, а выдох где-то там.

О, если б знала ты, что исчезать из виду
Больней, чем погружаться в огненную тьму.
Твою ожесточенную обиду
Я не пойму никак, что не пойму.

Сейчас иное осознав устало,
Душа теряет все свои черты.
Как раньше бытия нам не хватало,
Теперь уже не хватит пустоты.

2000

* * *

Вин нежных поляны, как слайды, в потоках
Сквозящих чуть сладкой тревогой лучей,
И снежные виды черемух настолько
Прилежны для вечно смежённных очей.

И воздух, духами насыщенный, вязкий,
Не двинешь, но всё же, но медленно как
Уносят во мрак африканские маски
И вешние листья, и тени во мрак.

И прежней любви, если даже сорвется
Несвязная речь, то далекой трубой.
И солнечней солнца, и солнечней солнца
Мое задыханье смертельной тобой!

2000

* * *

И сонный, и сумрачно-солнечный день
Симфонией, словно в оркестровой яме,
А лес недоволен, но всё же одень
Дорожную пыль дорогими тенями.

Когда обернешься, как нравится ворс
Зеленой поляны, попавшей под губы,
Подувшие с севера. Гул как возрос!
И как далеки эти мягкие трубы!

Когда обернешься, насколько белей
Часть неба твоя перед той, грозовою.
И днища виднеются у кораблей
Еще неподвижные над головою.

* * *

Когда меня охватывает хаос
И больше вынести нельзя,
Смертельное влечение и слабость
Рвут волосы, слепят мои глаза.

И вечное лечение бесполезно,
И головы пылает лазарет,
Пока его не поглощает бездна
И вновь не воскрешает дивный свет.

* * *

Черемухи холодный мрамор
И воздух липовый пчелиный —
Всё это ты, всё это карма,
Всё это словно вдох единый.

Твоя божественная прелесть
Мои сменила безнадежность
И одиночество. О, невесть
Откуда в сердце эта нежность!

Душа судьбе так благодарна,
Что ты мой друг, мой друг любимый.
Всё это ты, всё это карма,
Всё это словно вдох единый.

2000

ЛЕВ

Пусть мертвые органы будут органом,
И ты проведешь по раскрывшимся ранам
Огромную лапой, и, оцепенев,

Ты бросишься прочь, унося с собой звуки,
О камни сдирая, пока эти духи
Тебя не покинут, останешься — лев.

* * *

Как воздух липовый пленит
Душистой и прохладной тенью!
Как, поддаваясь промедленью,
Моя душа почти что спит.

И сновидений водопад
Смывает зной огнеопасный,
Мои скитания, напрасный
Вернуться попытаться взгляд.

2000

* * *

Окрестность спит. Свой крестный ход
Холодный продолжает ветер
На север *forever*, на север,
На север *forever*, на лед.

И я не помню, сколько лет
Сменяет дни мои конвейер
На север *forever*, на север,
На север *forever*, на свет.

Но ты умеешь так смотреть,
И глаз твоих пушится клевер
На север *forever*, на север,
На север *forever*, на смерть.

2000

* * *

На город бесподобный водопад.
Он в вечном состоянии обмана.
И львы ленивые по-прежнему лежат
Уже на дне сплошного океана.

Я вижу Исааковский собор,
Из бездны различаю, как слетают
Архангелы и в горе страшный хор
Молящихся на купол поднимают.

Я бесконечно за тебя молю,
Чтоб твой и мой тебя светили нимбы
И чтоб тебя, как душеньку мою,
Заметили и обязательно спасли бы.

* * *

Воздушные шары — деревьев невесомость.
Восторженно боишься своего
Вторжения (откуда эта робость?)
И ощущаешь, богу какво.

В морозном зное, словно бы дриада,
Украшена игрушками душа.
Пушится хвоя, после снегопада
С подавленных ветвей сугробы сокруша.

И ты сияешь, сольность мироздания!
И смерти до того насыщен уж раствор,
Что не принять безмолвного страдания,
Развитого в *andante* соль минор.

Декабрь 1994

* * *

Слепит глаза мне луч, лущенный
От темноты, от скорлупы,
Как будто взгляд твой не прощенный.
За ним — колосья и снопы.

За ними кружит лист камчатный,
Напоминающий ладонь.
Мгновения станок печатный —
По векам плавает огонь.

Хранит ли он, веками полный,
В себе те образы конца,
Когда мешались пот холодный
И кровь с тернового венца.

* * *

Когда снимаешь маску из воды,
То вместе с нею ты снимаешь сонность.
И дальняя, и ясная спокойность
Является свободная в сады.

Я это говорю на случай тот,
Когда меня уже с тобой не будет,
Когда тебя пчелиный, шумный мед
Опасностью огромною разбудит.

И страшное отсутствие меня
Обрушит мир, но все-таки дыши ты,
Хоть веки невозможно приподнять,
Как будто бы они пришиты.

РЕКВИЕМ

И рек виденьем не обыкновенный день ем,
Но словно слов твоих венозную промозглость,
И жеребеночек — молиственный мой голос
Не поднимается с колен стихотвореньем.

Лишь вдохновенных вен вознесся кипарис.
Сиятельными листьями колышет.
И веточка о веточку — каприс,
Но кто не хочет слышать — не услышит.

Но ты придешь, родимая, уж коль
Молюблю так. Могильные гурами
И меченосцы скорбные, покой.
И, потянувшийся к твоим цветам губами,
Сырой землей поднимется мой конь.

12 мая 1994

* * *

Твой лик цветист, о, птиц великий вождь,
Огнем поверженным. Куда еще и деться,
Как не под барабанно-трубный дождь,
На сотый раз выплескивающий младенца.

Я чуждый мир своим не превозмог,
И градом покидают птицы скалы.
Пусть в каждой капле загорится мозг,
Искривленный в твои инициалы.

Тебе для очага, для газовой плиты
Огонь хранить, жечь сердца Эрмитажи.
Возьми мой череп пузыречком драже
И сотряси светила скорбной кислоты.

К тебе, Ромашенька, иначе не попасть,
Как в бурные потоки бросить спичку,
Гнать воплями и воем невеличку
И разбивать запруды гробной пасть.

Я выдержу к тебе свой Млечный путь
Таким спасителем, как всей землё Ной.
И, выдохнув тебя, мне больше не вдохнуть
Ни светомрение, ни тяжкий хлад Вселенной.

12 апреля 1994

* * *

И стыдно, и стадно. И я говорю не с тобой,
Хотя при тебе, о тебе и как будто с тобой.
Не скрою смертельность, и смертность, и нежность.
Слова величают великий разбой
Души над рассудком, но есть неизбежность
По суткам мифийствовать про неизбежность.

Весь мир состоит «не из дыр и из дыр»,
И ты повторяешь, как эхо, «из дыр»,
Но ты испугалась того, амазонка,
Что я обольстител, что я из проныр.
И вот уже вспорота грубо мошонка
И на ладони твоей два мышонка.

Март 1993

* * *

От марева лишь шнур бикфордов
До грозных ливневых погод.
Как через Альпы шел Суворов,
Клубится тучный небосвод.

И вдруг на головы поспешно
Дробит и жарит, не задень!
И кажется, что безутешно
Заходится на целый день.

Хватает же на час мгновенный,
Блестит уж солнечная нить,
Спешит игла машинки швейной
Миры в потоке соединить.

Но мешкает двуликий Янус,
Каким лицом ему смотреть.
Раскрыв окно, ты, словно лакмус,
Высовываешься на треть.

Рукою ловишь зыбкий холод,
И вот — как чаша залита.
В водовороте шумном город
Как на спине стоит кита.

Я твой целую мокрый локон,
А ты следишь, как с этажей,
Как люди падают из окон
Блесной зеркальных миражей.

Июль 1999

* * *

Мой ум боготворит умерших женщин мгла.
Жрецы на щит из черных бабочек подняли
Меня, торжественно одетого в тела
С роскошными прохладными грудями,
В которых нет пока ни капли молока,
Чтоб я умыл лицо от птичьей сажи.

Ты голосишь пустынями песка
И требуешь Эреба: «О, восстань же,
Единственный ты мой носитель языка
И волчьих, злобных губ, и зазвучи, как раньше
Звучал, когда ты был печален так и страшен.
И был бледнее смех коней твоих, *Или!*
И, сатаня, наконец взалкал ты брашен
Из годовалых мальчиков любви.
И это всё пророчества твои».

11 августа 1993

* * *

Никто не слушает борьбу. Я — посторонний,
А ты — как треугольник равносторонний.
И без тебя вновь искушает дух
Желаньем искусить. Я знаю этот звук,
Предчувствие которого всегда томило
Предчувствием другого. Сладкий запах ила,
И рыбаки в сетях, и осознанье
Того, что врёменное и временное сознанье
Уже и после времени не проходило.

Май 1993

* * *

И время от времени я содрогаюсь
Течением времени, если точнее,
Я не засыпаю, но, будь я хоть Аргус,
Ты выпьешь смертельность летейских ночей
Из каждого глаза, и я содрогаюсь
С тобой на коленях. Каких скрипачей
Достал из могил черно-мраморный август!

Et tempora semper mutantur; et tu Mutare. И будь я двуликим, как Янус,
Но ты отгадаешь, как некий авгур
По птичьему крику, что я задыхаюсь,
Что юноша я или тени культур
Во тьме переживший, я всё повторяюсь
Губами, болящими речью скульптур:
«Любимая, я без тебя разлагаюсь
Под кожей тел и под космосом шкур».

14 августа 1994

* * *

Мир возникал мечтанием возникнуть,
А в сердце развивалась пустота,
Чтоб ты в него могла легко проникнуть,
Минорная мелодия, прикинуть
В уме полет последнего листа.

Смерть, умирая, медленно сжиматься
Не прекращает. Так петлю затягивает нить
На лапках птиц, когда они еще кружатся.
И если этого сейчас не прекратить,
То это может долго продолжаться!

И лучше бы не знать, чем забывать
Мне счастье относительно тебя, как неба,
Живым иль мертвенным, пчелинка, пребывать.
Мне легче было бы осознавать,
Что никогда меня такого не было.

24 декабря 1992

* * *

Любимую речь я лью на лютый
Мороз о том, как с ветром пил свет ром,
Как ты была минутой перед смутой,
Но пожалей меня, но все-таки запутай
Любимую речь мою о том,
Как вырос я, как в скважину замка
Втянулся, дал тебе я руки,
Фаланги вновь сошлись после разлуки,
И все движенья тела — позвонка
Лишь поворотов режущие звуки
В незапертой двери. Пускай волна
Волну волною на волну толкает.
Как при тебе сейчас она смешна,
А без тебя страшна, а кровь тесна,
Перетекает и перетекает
В любимую речь мою, на лютый
Мороз о том, как с ветром пил свет ром,
Как ты была минутой перед смутой,
Но пожалей меня, но все-таки запутай
Любимую речь мою о том...

8 декабря 1992

* * *

Словно Шива многорукий в ночь играет на гармонии
Дома детства твоего, любимая. Как звук уныл!
Из нажатых клавиш-окон вырывается и, кроме
Самого себя, находит мысль о том, что тьмы и тьмы
Окружать так вечно будут, и что пройденный им воздух
Каменеет, и чем больше оставляет тело кровь,
Тем стает всё откровенней. Смерть находит нас по росту,
А немой, лишившись рук, немеет вновь.

Мы с тобой мир посетили совершать одни приколы.
На меня глядят все, словно вызывающе я голый,
И не видят, что неголый. Я возможная одна
Для тебя одежда страсти, небывалая весна
Яблони в саду осеннем и рассеянном, как море
Воинов, бегущих в страхе перед бивнями слонов.
Измени же эту горечь ливнем листьев в позднем горе!
Я не знаю своих первых и твоих последних слов!
Я не знаю их значенья! Ты же знаешь и без воли
Знать. Я даже за тобой не повторю.
Я поэтому почти что и не говорю, а коли
Говорю, то говорю так, словно и не говорю,
Словно это Шива ранний в ночь играет на гармонии
Дома детства твоего, любимая, реквием свой,
И, как яйца, бесконечно выдувает он в короне
Губ смеющихся протяжный древний вой.

15 февраля 1993

* * *

Как выше головы стоит болиголов!
И твой уход уже в зачатке,
И если будет он, то будет он таков,
Как отслоение сетчатки.

И ты боишься, что я не молю:
«Прости меня, любимая, прости ты».
И сотрясают голову мою
Твои удары, как метеориты.
«О, боже мой, как я тебя люблю!»

5 ноября 1994

ЗЕМЛЯНИКА

В году несбывшемся я земляники
Не собирал душистой на лесной
Поляне, где засвеченные блики
Опутанной оборванной блесной.

На корточках ты, словно неваляшка,
Качаешься от вечного толчка.
Чернобыля отцовская фуражка
Пропитана до самого значка.

Под веками накопленные, сами
Являются картины без конца,
И медленными верными губами
Последнее и вечное с лица.

* * *

И светопись, и помраченье
Воздушное, и холодок.
И неизвестное значенье
Стирается за слогом слог.

И тень проходит, словно лопасть
Тяжелая, над головой
И поворачивает пропасть,
Означенную чуть листвою.

Здесь, в этой смешанной округе
Укрыла беглый день кора.
И долго ищутся в испуге
Слепых лучей прожектора.

* * *

Песочный берег. Жаркий лоб,
Тобой кипящий. Я прощался
И без костей в твой узкий гроб
Обрушивался и отвращался.

И падал я, оцепенев,
И оставлял тебя одну ли?
До тошноты качался зев,
Когда вдруг мир перевернули.

* * *

Как лентой клейкою, я чередую горной
Небесное взневолю полотно,
Чтоб и не хлопало и не рвалось упорно,
Чтоб в раковинах глаз твоих зерно
Не вобрало в себя смертливость шторма
И сочное извилистое дно,
Где, словно мысль, уже давным-давно
Покоится ладья дремучего Харона
И от нее возносятся ростки
И, словно лодочки, зеленые листки.

17 января 1994

* * *

И словно улитка на грозную гроздь
Дождя долгожданного, на свет твой белый
Взглянуть выползает усталый мой мозг.
И вечно на рукопись, как на пробелы,
И вечно на пятна родимые звезд,
И вечно на кости придавленных клавиш,
Покуда рваными ритмами своих каблучков

Его ты дышать не заставишь,
Покуда на взмокшей дороге веков
Его наконец не раздавишь.

29 декабря 1992

* * *

Какая зима! И мне так горячо!
Я шапку снимаю, про всё забывая.
Мне рыба, как пуля, толкнулась в плечо,
Как пуля случайная и разрывная.

Бегу сквозь дыханье сплошное, навывлет.
И жадно находит и быстро растет
Морозное древо. Когда же нахлынет,
Разбитый фрегат на себе унесет.

И выдох клубится как крики «Осанна!»,
И вдох — как возможность себя обрести
Еще на мгновение и неустанно,
Как за Агасфером, за тенью брести.

Когда же смятенье, задрав на крючки,
Потянет всем скопом живых и воскресших,
Тогда фонари затрещат, как сверчки,
Вдоль тесной дороги сомнамбул ослепших.

1999

* * *

Дирижирующий веткой
У костра глотает дым,
Кашляет. Он как наседка
Над цыпленком золотым.

Разгорается за щепкой
Щепка листьями куста,
Чтоб еще одной прищепкой
Укрепилась темнота.

Словно нимб, нагретый воздух
Укрывает от беды,
Что по темному захлесту
Водит тени и следы.

2000

* * *

Последней бабочкой бессильной
К земле едва припавший лес
Сырою пахнет древесиной,
Листвой, низвергнутой с небес.

Весь солнечный, дыша озоном,
Весь как большой воздушный шар,
Куда со шлепаньем и звоном
Перенесет нагретый пар.

И сердцу больно от теснины,
Когда, переборов испуг,
Ты от иудиной осины
Веревку перережешь вдруг.

* * *

Малиновые сотинки и соты.
Случайно тронешь невидимку — и
С чуть слышным звуком до сухой земли
Какой божественной лишаются высоты!

А в воздухе невыносимый жар,
Как будто варится душистое варенье.
И ястреба сонливое паренье,
И невесомый солнечный удар.

Скорей туда, под сумрачные ели,
Где ветви тяжелы и широки.
Сидишь в кругу игольчатой трухи
И веки поднимаешь еле-еле.

Ни памяти, ни мыслей. Лишь одно —
Как солнечных рогов набеги беспощадны.
И чувствуешь, как пчелы полотно
Плетут последнее из нити Ариадны.

* * *

Не вынесу соль на спине чернокрыло,
Крестальной усталости дуб.
И, словно загар, твоё тело покрыло
Вино повелительных губ.

И я позабыл, что так сердце смертливо,
И что головы моей скит
В тоске несусветной во время отлива
Расколется на лепестки.

24 июня 1994

* * *

Прозрачнее, преступнее, пустынной
Кастальского дыхания ключи.
Когда оно со временем остынет,
То превратится в снежные лучи.

Пусть под ногами прелых листьев мякоть,
Но, кажется, что я легко лечу,
Но, кажется, изнемогаю плакать,
Когда я после губ твоих молчу.

И ты одна — огонь существованья,
И больше счастья в жизни не дано,
Как новой встречи смутно обещаешь
В иное время в облике ином.

1999

* * *

...весь я не умру...
Александр Пушкин

Завидна мне ты, участь Агасфера!
Как будто барабан у револьвера,
Обзорное восходит колесо.
Открой глаза, допей из чаши всё!
Осечка за осечкой — ничего,
Достаточно заряда одного,
Чтоб наконец разрушить Карфаген,
Чтоб не было ни потолков, ни стен,
Ни улиц, ни дворов, ни площадей,
Как клеток памяти, а в них людей,
Живущих по законам, что в утробе
Природа диктовала словно зомби.
Желудок набивать, справлять нужду,
Испытывать и страхи, и вражду,
Рожать детей, ходить на задних лапах
И узнавать тлетворный тяжкий запах,

Когда уж третий день на белый свет
Нос не показывал старик сосед
Из одиночества консервной банки.
Кому — катанье, а кому-то санки.
Смерть незаметно входит в наши двери,
И человеки воют, словно звери,
Бросаются в бессилии, и разом
Обрушивается безумный разум.
Смерть одержима захватить живое
Любым путем, как будь то ножевое
Иль просто наступили те года.
Жизнь не берет у смерти никогда.
Единственно, что можно сделать здесь —
Не умирай совсем или умри не весь.

2000

* * *

...там человек сгорел!
Афанасий Фет

По камням обрыва карабкался страх,
Что я расстанюсь с моим телом.
И хворост не зажигался никак,
Хотя уже пахло горелым.

Мне первому Бог свою длань распростер
Уйти из времен Птолемея.
Не мой вокруг Вас закружится костер,
Но ваши глаза, пламенея.

»
ТЕНИ
»

* * *

И вырезан, и вырван гарпуном
Из мира прежнего, я туго опоясан
Твоим признанием, внимательным вином,
Как будто кровью, мышцами и мясом.

Лишь изредка, как сон дождем пробит,
Охватит и привидится такое —
Опять меня осатаневший кит
Уносит в подсознание мировое.

* * *

Мы — демоны. Мы — скрипачи. Как вечер,
Так снова неменяемый смычок,
Сплошной норд-ост, сплошной колючий ветер.
Куда еще, как не на крайний север,
Где не оставит след твой каблучок.

Прими хотя бы душу эту вкратце,
Когда так скучен долгий весь рассказ:
Жжет губы лоб; друг к другу не прорваться;
Любимые не любят; мы можем рассмеяться
На слезы, что полны ослепших глаз.

Судьба ясна, пути исповедимы,
Но из последних сил, но спасу нет,
Куда еще зовет неотвратимый,
Сорокоустый, немолчный, родимый,
Непонимающий твой свет, твой свет, твой свет.

* * *

Ты столько раз губам моим внемли
Губами, сколь лучей у солнца.
Мои в пыли погибли корабли,
Мои погибли корабли в пыли
На самом дне Вселенского колодца.
Ты столько раз солги, потом умри
Сама в себе, сколь темноты у солнца.
Найди в библиотеке словари
В пыли. Немая, ты заговори
На языке победном марафонца.
В начале будет непонятно слово,
Почти неслышным, но потом смелей
Рождение смысла — радостно, сурово.
Тогда, возможно, я увижу снова
Со дна колодца днища кораблей.

1992

* * *

Избитый стрелками часов,
Болит ночами позвоночник.
Души сомнительный подстрочник
Не знает лучше голосов,
Чем голос яблока в мирах
Неудержимо-центробежных.
В своих движеньях неизбежных
Я не испытываю страх.
Я постепенно расскажу,
Какой бывает бесконечность
И как меня встречала вечность,
Отрапортую, доложу.
Задержан милиционером
За то, что я орал как мог —

Низвергнутый восстаньем бог
Теперь зовется Люцифером.
Смотри на серый мир сквозь лист
Осенний, жаркий да кленовый.
Я для тебя уже не новый
Смеющийся пропагандист.
Прости меня, и всё пройдет —
Расправит крылья позвоночник;
Души сомнительный источник
Свое безумие поймет.

1992

* * *

Как знает глаз свою необходимость,
Так всё тебе известно обо мне.
Моя рука еще не задымилась
Восстанием, тебе уже приснилась
Стрела, горящая в моей спине.

Но я смеюсь, показывая склонность
Возделать темноту, как чернозем,
Конями бледными. И для тебя не новость,
Что корни жгут меня за непокорность
Жить так, как мы и жили, и живем.

Я вижу — губы пробуют былинки
Задумчиво, подобно тетиве,
То улыбаются, то без запинки
Стихи слагают, то, как паутинки,
Дрожат под ветром на плакун-траве.

То, наклонившись над моей спиною,
Ласкают жадно тягостную мглу,

То дуются на целый мир сырою
Прикусанной березовой корою,
То дуют на горящую стрелу.

21 июля 1992

* * *

Мне всё случайностями резко сведено
Ко дням сердцестояния. В них сердце не одно
Стирало в прах и мраморные плиты.
Я с улицы смотрю в свое окно,
Там, бог мой, никого, и там темно,
Но вдруг свеча пошла — наверное, бандиты,
Воры! И в голове моей вино
Мгновенно превратилось в сталактиты.
Как интересно жить! Не стану им мешать,
Дам время им опасностью дышать.
Сейчас бы музыку мгновению подстать,
Чтоб атомы томительно запели
И чтоб вокруг свечи вдруг начали летать
И дуть, что силы есть, пронзительные щели.

8 ноября 1992

* * *

В вечерней комнате от окон
Снимают медленно кресты
И заворачивают в кокон
Из пустоты и немоты.

Но скоро мышь начнет, я знаю.
Люблю я серую за то,
Что сколь ее ни проклиною,
С ней не бывает ничего.

* * *

Как дико являться забывшей земле,
Мария, простым исключением из правил,
А я за тебя всё пространство поставил
И времени чашу коронную мгле.

Как странно рождаться в родимой семье,
Где все, умирая, всё ж не умирают
Так часто, что дома себя настигают
Вином под листвою и хлебом в золе.

Я вымрачен светом в чужой стороне,
Но я принимаю твои легионы
Дыханья и сердца живые законы.
И это единственно ценно во мне.

* * *

Коль ты симфония, то февралю сим фоном
Могущества приличит колыбель
Из недр земных, и смотрит Персефона
В меня уже шесть с хвостиком недель.
Я время думаю. Я размышляю время,
И солнечность я праздную, капель.
И радуюсь я воинами всеми
Души моей, и ожерелья змей
В огонь бросает, напевая, племя:
Любаль моя, люболь моя, любель.

12 февраля 1994

* * *

И временел за северным сияньем
Сияньем северным — пусть разум не поймет,
Но верится — вернется и вернет
Сияньем северным за северным сияньем.
И пустотой нахлынувшей раздавлен,
Расплющен и распластан — словно плот
Сквозь перекаты кладбищ и развалин,
Сквозь дымный сад качается, плывет,
И неизвестно, кто кому оставлен.

22 марта 1994

* * *

И Гефсиманский сад сквозь веки,
Сквозь пелену твою, Господь.
И дерево на человеке
Распяли, расщепили плоть.

Благодари теперь Иуду
За то, на что себя обрек.
Как сквозь игольное верблюду...
И двинулся, и поволок.

И до сих пор не отпускает,
Как будто сына на осле,
Как будто тень свою катает,
Еще катает по земле.

* * *

Я марширую под весенний маршик,
Что отбивает мастерски капель, —
Волнительный, исполненный мурашек,
Как первое свидание, апрель.

Несет земля последние сугробы,
И мимо без восторга не пройти,
И невозможно так, и невозможно, чтобы
Всё невозможное явилось во плоти.

Как долго я, гордец лотосоокий,
Секретик времени искал, и как темно!
Пока рука случайно на востоке
Не натолкнулась на твое окно.

22 мая 1994

* * *

Пучина звать голос теряла. Пустело
Полкожи на теле разбитом моем,
Как будто весь сон волочилось тело
На длинной веревке за диким конем.

Как Лета, тянулась кровавая лента,
Пока не сорвало, не бросило в ров.
О, боже мой, как же теперь с континента
Собрать, боже мой, по кусочкам покров?

И хватит ли сил и наития детских
Мозаик за каждой ячейкой пустой
Вернуть и из лужи полей Елисейских —
На сердце бы — остров Елены Святой?

10 ноября 1992

* * *

О, боже мой, как лиственны ветра!
И как молиственны, как страшны.
Когда голодные замешивают мрак,
Уже предвидят солнечные брашны.

Тебе тепло в объятии моем
Морозные покойно слушать хоры,
Когда мерцают призрачным огнем
Печальные пчелиные просторы.

Как будто это отблески воды
Еще переливаются по борту,
Пока ладья смятенья и беды
Перегрызает Лету, как аорту.

* * *

Как потемнел невыносимо жаркий
И душный день! Добавь еще заварки!
И мяту, и смородину добавь,
И горестную жизнь, и сладостную *life*.
Помешивай в граненом бурге бурю,
Подобную, кипящую, другую,
Когда вздымавшийся за валом вал
Собою сплошь пространство покрывал,
Но всё одно, сморгнув, как из-под века,
Ковчег маячил взглядом человека.
Со всех сторон, насколько было глаз,
Пучина вековечная неслась
Вслепую, без разбора и без вех
На глаз единственный для вся и всех.

* * *

Кто мог бы пристальней смотреть
Тебе в глаза и не ослепнуть?
Никто. Наверно, только смерть.
Мне нужно время, чтоб окрепнуть,
Чтоб наконец в себе унять
То опаданье черных веток,
На фоне звездного воздетых,
И то, что словом не сказать,
Как ощущение первых клеток.

Кто мог бы безнадежней вслед
Тебе смотреть и оставаться?
Никто. Наверно, только свет.
Я не могу вот так расстаться!
И я удерживаю жгут,
Тобой растянутый до точки
В конце аллеи, жизни, строчки,
Пока вдруг залпом не сожгут
И не развеют все кусочки.

24 октября 1992

* * *

Пусть свет приносит ветер, ветер приносит свет.
Всё небо пульсирует призрачным светом
Вокруг тебя летающих планет.
И между тобой и тобой никого и ничего нет.
На белом полотне твоих памятных лет
Я буду вырезан и сожжен силуэтом.

Как старый садовник, на рваный надлом
Накладывает варварскую повязку,

Так я одеваюсь страшным и сторожу твой сон,
В котором осликом катаю тебя верхом.
Потом впрягаюсь в виноградную коляску,
И вечно путешествует твой Дом.

21 октября 1993

* * *

Как в той игре, пока стоит спиной,
Другие скрытно борются с длиной
Отрезка до искомого плеча,
Добраться и ударить сгоряча.
Когда же резко обернется вдруг,
Кого заметит, тот испустит дух,
А кто замрет подобьем монумента,
Тот далеко пойдет — *festina lente...*
Как ветер гонит листья по развилке,
Всё схвачено глазами на затылке.
Как любопытно с вычетом потерь
Распознавать, где был и где теперь.
Вот третий, подтолкнув едва второго,
Сам стал вторым — уж такова основа.
А этот вздумал — слово непечатно —
Один вперед, но три шага обратно.
А до тебя совсем рукой подать,
Пора уже медузою обдать.
Когда тебе позволят победить,
В твоём обличье будет смерть водить.

2000

* * *

Освещенный снегом лес,
Заклоченный до небес
В многограннике алмаза,
Темнотой дерев рябит,
Преломляется, скользит
По сетчатке края глаза.

Ожидает, не дыша,
Но уже не мрет душа,
Ей приелись повороты —
Захватить, застать, загнать,
Обреченно опознать,
Обошла уже кого ты.

* * *

Мир словно шар стеклянный, полый, полный
Воды и перьев снежных, но ни зги
Не рассмотреть, коль потрясений волны
Заклочены как в черепае мозги.

Пока не проморгается, покуда
Не разойдется светом в темноте,
Какая новогодняя простуда!
И первые движения, как те!

Когда же просияет, ты поверишь,
Как в детстве маме сладко, и себя
Игрушкою последнею повесишь
На елочке душистой бытия.

* * *

И головная боль смывает берега,
Течением уносится, как тень, нога
Того, кого, наверное, не вспомню.
Однако ждали, замирая, одного,
Потом гадали двух, потом под Рождество
Уже предчувствовали тройню.

Пусть иудейский глаз, как бабочки наряд,
Пусть бледные так оскорбительно скорбят
И, умирая, рвут дыхание на слезы,
Но всё же в темноте колодца львов
Толкается и движется покров,
Меняя положения и позы.

1993, 1999

* * *

Какие летаргические сны
Под старой лодкой целый день, покуда
При первом звездном отблеске волны
Не понесутся тени ниоткуда.

Сопроводив народ в обратный путь,
Как голову, как камень в скальном гробе,
Теперь отверзнуть, опрокинуть грудь
От слабости, от времени, от скорби.

В четвертой страже только заспешит,
Не чувствуя, не чуя этой самой,
Какая в смутных приступах кишит
В реликтовых под зыбкой амальгамой.

Средь призраков не распознать ни зги,
Но, забываясь, отмечаешь тайно,
Как исчезают на воде круги
И снова проявляются попарно.

* * *

Для комаров мы только кровь,
Признание плоти — кто живой, кто мертвый,
А кто другой. Каким воскреснешь вновь,
Когда в тебе любовь личины, лики, морды
Из-под волны потянет к небесам,
Захлебываясь в толчее геенной,
Любовь, меняющая по часам,
Строй восходящий партитуры генной,
Любовь — не замечаемая тень,
Но вдруг не подчинившаяся жесту,
И комариный плач возьми да и одень,
Как к дереву привязанную жертву.

8 ноября 1992

* * *

С чего бы чваниться, с чего бы?
Хлебни из чаши круговой,
Хлебни еще, широколобий,
И поменяйся головой
И с тем соседом, что с отметкой
Неприкасаемых бровей,
И с той красивой соседкой
Из фараоновских кровей,
И с той танцующей, покуда
Еще гудит восторгов суд
И призраки за блюдом блюдо
На головах несут, несут, несут...

* * *

Прозрачным утром сквозь дремоту бубен
Знакового трамвайного кольца.
Наполовину легион изрублен
Змеящихся голов вокруг лица.

Ты веки мне, родная, не поднимешь
Еще полгода — горе не беда,
Но то, что ты в глазах, как в записи, увидишь,
Разрушит мирозданье навсегда.

КРЫСОЛОВ

...чтобы готова была для Него
лодка, по причине многолюд-
ства, дабы не теснили Его.

Евангелие от Марка

Скорей не звук, но ощущение — тобою дышит и тобою,
Как храм, освобождает дудочка из-под строительных
лесов.

И броуновское перемещение всю затушевано дырою
Песочных, а сказать точнее, крысиных городских часов.

От берега морского лодочка уже отчалена настолько,
Чтоб ускользнуть от ледниковых, от вулканических
голов,

Зараз по дну сносимых давкою неисчислимого потока,
Не ощущая ни молитвы, ни сущей музыки, ни слов.

* * *

Как антарктические льды,
Обламываешься, дрейфуешь,
А если повезет — почуешь,
Как по воде идут следы.

А если в горе неизбеж-
ный зов теней, ты не ответствуй,
Как на спор, донеси скелет свой,
Как контрабанду за рубеж.

ПОХОРОНЫ

Мороз за тридцать, а людей
На это человекоместо
Набилось словно бы сельдей,
И дышат через щель подъезда.
Пора бы вынести снаряд,
Смертельной завершиться сделке,
Но похоронный чтут обряд
По выпавшей секундной стрелке.
Вот кто-то выдохнул: «Несут!».
И в то же самое мгновенье,
Как извержение, как суд,
Как молния, как наводнение,
Как выстрел изнутри сквозь лоб,
Стекольчатый неуловимым
На головы свалился гроб,
И всё покрыло этим взрывом.

2000

ТАНЕЦ

Оставленный волной молочной,
Лежишь на отмели речной
И ощущаешь под проточной,
Как под работою ручной:
Сквозь всё, что раньше облегало,
Как фотография на свет,
Как тайнопись, и как лекало,
И как реликтовый скелет,
Мир проявляется — то ватный,
То безобразный, то ничей,
То плачущий, то как приватный
Преступной группю врачей.

2000

* * *

Морозный воздух как вощина,
Опустошенный, не живой,
И как оставленный мужчина
С отвергнутою головой.
Когда бы вынули медузий
Ошметок — мозг рукой твоей,
Воспоминаний и диффузий,
Кровосмешений и теней.
Когда бы не режим постельный
Еще три дня, но в полотне
И то, как крестик ты нательный,
Задержанный при беготне.

ОБРАТНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Когда необратимо потемнело
Покровом кожным перебитых ног,
Богатый человек поднял на место тело
И дожидаться пал во прах дорог,
Когда они пройдут, как им диктует воля
Писания, как их неволит текст,
Когда того, вернувшегося с поля,
Заставят донести чужой тяжелый крест,
Когда тот *hoto* весь, как поцелуй измокнув,
Войдет, как сын, и ужаснется вслух,
И передаст сырой кусочек опресноков,
И обмакнет, и снова будет сух.

ЯЗЫК

Как отрешенье немоты,
Своим реченьем нужен ты,
Облатка смертных, плащаница,
Как главный на похоронах,
Когда и скорбь, и стыд, и страх,
Когда так трудно говорится,
Когда миришь свою вину
С трудом, по крохе, по зерну,
По капельке куда как скупю,
Когда без речи быть невмочь
Со смертью *tet-a-tet* всю ночь,
Со вкусом лба родного трупа,
Когда с рожденья и до двух
Младенцев всех о камни бух,

И воздух, как из чаши, выпит,
И, как судьбу, диктует текст
Нести страдания, как крест,
Как шепчут ангелы, в Египет.

1999

МУЗЫКА

Как калька шелестящая, сей мир
С того перемещенного на доли,
С того прерывистого, как пунктир,
Твоей, как лист березовый, ладони,
С того, перемешавшего, как стог,
И души, и тела и худо-бедно
В себя вместившего, как дай мне Бог,
Адажио, аллегро и крещендо.
Теперь до иступления в зрачках
Следи весь нотный перечень отличий,
Пока не натолкнешься, точно как
На дерево пропавшее лесничий.
Во времени мы до того глухи,
Хоть всей Вселенной зазвучи под ухо,
Успеть бы кровью закрепить, как амброю духи,
Твое ко мне явление, как духа.

* * *

Светильник приглушен пленкой,
Но ускользает из пелен.
Как барабанной перепонкой,
Я смертным миром разделен.
Звук обретает очертанья,

Соприкасаясь с тонкой, с ней,
И нарастают причитанья,
Как хлопот крыльев, всё сильней.
И, словно сон, из слов рисунок,
Из позабытых голосов
На протяженье третьих суток
Я, как песок твоих часов,
Не ощущаю притяженья,
Как за грехами тяжкий грех,
Несет обратное движение
Всё снизу вверх и снизу вверх.

1999

* * *

Прихожу на кладбище смеяться
Над всеобщей участью родов
И со скаредной заимодавца
Исчисляю разницу годов.
Жаль, на этой памятке лица нет,
Ничего, ни имени, ни дат.
Кажется, еще чуть-чуть и встанет
Насыпью, кротовиной солдат,
Или кто там. Воздух эпитафий
До тех пор замороженно пью,
Как одну из лучших фотографий
Намертво смолой не прикреплю.

* * *

В холодильнике — будильник,
Надоело слушать время,
Протирать глаза у неба,
Плыть по венам на байдарке.

Спрячь свой голос, как малинник
Прячет снеговое бремя.
Как жуешь краюху хлеба,
Так молчи сонет Петрарки.

Как убийство, скрой свой голос,
Отпечатки и улики,
Всех свидетелей, весь город,
Всю страну задуй, как свечи.

Отведи по водам в область,
Где, как тени, все безлики,
Где не помнит речи голод,
Где не помнит голод речи.

* * *

Вдох-выдох, словно лыжник, по морозу
Сквозь черно-белый лес уже с лихвой,
Но обреченный на метаморфозу,
Еще хватаешься за облик свой.
Куда себя ты денешь от двойчатки
Иглы сосновой на пустом снегу,
От повидавшей на своем сетчатки,
Едва на треть усвоенной в мозгу,
От леса, что, как айсберга вершину,
Пропитываешь взглядом, как ручьи
Закопанную снова мешанину
Из снега и раздробленной земли.

2000

* * *

По-прежнему пугаешься своей
Единственной из несть числа теней
И спишь всегда с закрытыми дверями,
С задернутою шторкой, с головой
Укрывшись одеялом, как волной,
Прошедшей разноцветными морями.
Когда бы точно так в обычный день
Твои останки, вещи, дребедень
Водой размыло, словно с акварели.
Не то ведь сонмище родных, чужих
Оставят на тебе какой-то штрих,
Как ни касались бы, как ни смотрели.

1999

* * *

Как никогда сегодня небо гулко!
Дома не убегут, когда я крикну им,
Что я — публичный дом. Полночная прогулка
Приятна тем уже одним,
Что в сердце молодом не хватит духа
Оставить всё как есть, оставить на потом.
Вот сквозь пролеты этажей старуха
Бесстрашно претя с мусорным ведром.
Мне интересней знать, что у нее в ведре,
Чем знать, что на душе твоей усталость.
Покорности ни капли не осталось
По правилам участвовать в игре.
К тебе не дозвониться. Снова зуммер
В тахикардии бесконечно бес.
Что я скажу? Что я в безумье умер
И только на прощание воскрес?
Твой голос светит белою звездой

На лбу крутом коня-первопроходца.
И это называется бедой
И по-другому больше не зовется.

Я обрываю голос твой, чтоб он
Не оборвался сам, как будто топором
Ударил я звезду на лбу крутом,
Повесив трубку. Но куда идти теперь?
О, как скрипит проржавленная дверь!
На то, что света нет, я, опрокинув урну,
Стою и выражаюсь, хоть и нецензурно,
Зато с большой душой и без театра.
Счастливый человек я, человек.
Мне кажется, что будущее завтра
Наступит только через век,
К тому ж в дерьмо наступит непременно
По грудь, по пояс, точно по колено.
Когда бы дождь пошел! Дурная кровь
Питает духа совершенное *andante*,
Но что это за писк, вот повторился вновь
Из мусорного бака, как из ада Данте.
Наверно, крыса. Подойду — убью,
Согрею на груди, усыновлю,
Когда опять окажется ребенок,
Едва живой торчащий из пеленок.

1992, 1999

* * *

Снег отмечается у редких фонарей лишь,
И ты, как раньше пионерил, пионеришь
Сквозь старый город, что давно не молоко,
Но и до маслица довольно далеко
Еще брести в забытую, былую,

Через дворы толкаясь, напрямую,
Всё время увлекаясь неизбежной
В делах подобных силой центробежной,
Покуда не осядешь сиротливо
Ошметком грязи на решетку слива.

1999

* * *

Долженствующее произойти
Происходило непрерывно,
И ощущение взаперти,
Как будто бы в утробе рыбной,
Сопровождало через весь
Палящий город, через сумрак
Потусторонний, и бог весть
На протяжение скольких суток,
На протяжение скольких снов
Одна и та же всё сначала,
Хотя могла бы и без слов,
Словами к жизни возвращала.

* * *

И тени, как разводы акварели,
На солнечном, под соснами, снегу,
И луночки следов твоих осели,
Как будто бы в моем мозгу.

И время снова красками простыми
Наносит, и мешает, и вершит,
Но образ твой под веками моими,
Как в ладанку, с молитвою зашит.

И если бы не это ощущение,
То как тогда возможно было б мне
Дышать, и жить, и верить в возвращенье,
Хотя б на той, на темной стороне?

* * *

Нет никакой опасности. Закрой
Бессонных трех ночей глаза корой
И спи сосновым саженцем под снежным
Покровом сном покойным, безмятежным.
И пусть их там пугаются. Таков
Удел людей на рубеже веков:
Смертельное влечение, борьба
С пришельцами из космоса, пальба,
Серийные убийства, наконец,
Восстанье роботов, живой мертвец,
Стихийных бедствий поголовный мор,
Обыкновенный, так сказать, набор,
К чему ты постепенно, но привык,
Но если бы вдруг русский твой язык,
Как некий разум, стал тебе враждебен
И каждый звук звучал бы как молебен,
Куда бы делся ты и как бы поборол
В себе самом божественный глагол?

2000

* * *

Тот сон, потом как выяснилось вещей,
Был утомительный скорее, чем зловещий
И был запутаннее тех еще волос,
Что под ногами за день набралось

У парикмахерш в солнечном салоне,
Пока не замели их все на склоне
Февральских дней и не набили твой
Мешок под тяжко преклоненной головой.

* * *

По прошествии дней понимаешь, какая отрада,
По прошествии дней, по прошествии солнечных дней
Понимаешь, что больше тебе ничего и не надо,
Кроме этих нагретых и дымчатых этих теней.

Как накатят сосновых двойчаток пречистые волны,
Уносящие в сон, уносящие в вечный простор,
До чего же тогда далеки и протяжны валторны,
До чего же темны и тревожны они до сих пор!

По прошествии дней понимаешь, какая разлука,
По прошествии дней, по прошествии солнечных дней
Понимаешь, что больше и в музыке нет твоей звука,
Кроме приступа волн, кроме шума балтийских ветвей.

2000

* * *

Как зарастает родничок,
Так время умалает память:
Твой шаг, твой след, твой каблучок,
Твое стремление оставить
Еще в губе моей крючок.
Когда сквозь сон по крыше дождь
Иль ты срываешь дверь по стуку
Сердечному, кого ты ждешь?
И, как беременную суку,
Тоску выгуливать идешь

И ощущаешь с высоты,
Со стороны, как вдоль дороги
Деревья, словно бы кресты,
Проходишь — тот на четном слоге
Нечетный приступ немоты.

* * *

И я там был. И я в апрельский день
Присутствовал на выносе из морга,
Где тело возлежало, словно тень
Столпившихся у самого порога.

И холодно сквозила в мир иной,
В *terra incognita* господня сила,
И надпись «воскресенье — выходной»
Лишь прописную истину гласила.

* * *

В бору сосновом ранним утром
Как тихо падает игла,
Как в невесомости, как будто
Резными гранями стекла.

Устелена земля пречистым,
Пресветлым ровным полотном.
То тeneвым, то золотистым
Глаза качаются крылом.

И сон приходит по тропинке,
И различаешь уж едва,
Но, как пылинка на пластинке,
Всё ускользает голова.

Май 2000

* * *

Я гимны дарю морозному утру,
Ботинки — дороге, тебе — камасутру.
Как дым уносимый, как сонные дети,
В потоке теней исчезающих в смерти.
Как в ладанке, что-то на сердце, в помине.
Следы своих ног на затверженной глине
Дорогой обратной едва различая,
Как хочется чая, горячего чая!
Такого палящего, словно в Египте —
Чаинки, как литеры те в манускрипте,
Смешались, как в битве, хаос величая —
Как хочется чая, горячего чая!
Чтоб силы хватило к тебе твердым знаком
Дойти, дорогая, в обличии всяком —
Латынью, кириллицей, азбукой Морзе,
Как Гаршин писал, как та жаба по розе,
К тебе, дорогая, разбитой на части
Начального слова, божественной страсти.

2000

* * *

В конце концов и даже очертанье,
И силуэт твой канет меж теней,
Но чем прилежней прячешь причитанье
В глубокой яме, тем оно сильнее
Доносится, когда, казалось, стихло,
И выбилось, и отошло на нет,
И надо мною выставили титло,
И сократили бесконечный свет.
Но, Господи, когда ты вновь читаешь

Молиственную книгу бытия,
Ты полностью все слоги повторяешь,
Присохшими губами шевеля.

2000

* * *

...эта тень, бегущая от дыма...

Федор Тютчев

Прочитай мне, как сказку, страничку из небытия.
Из глубин — *de profundis* — последняя память твоя
Снимет призрачный слепок с тебя, дорогой имярек,
Темнотою айдесских теней и испариной рек.
Так вот кости добычи бросают, пресытившись, львы,
Как прообразы тех отражений зеркальной Невы.
Пусть в реченьях твоих будет столько присущих иным,
Недоступных уму, но доходчивых, словно бы дым,
От которого, сколько бы я ни дышал бы еще,
Будет легким скорбящим моим от любви горячо.

* * *

Я пьету свою не помню и молюблю светомощность
Пребывания с тобою за хаос и обреченность,
За твой голос-неизбежник.
Кто-то должен это сделать, передать губами новость
Барабанной перепонке, как неновость песен прежних,
Словно ветер, с моря дувший и пропитанный травой,
Сыром пахнувшей и первой горлом хлынувшю кровью,
Словно преданный обычай,
Для последнего дыханья затянуть себя с любовью,
Для подводного течения, как пузырь надутый бычий.

* * *

Дождь незаметен, но земля в глазах
Темнеет между взглядами от Марка,
И в форточку, отверзнутую так,
Как если чуть отклеенная марка,
Доносит шум, обещанный с утра,
Но явленный неспешно по карнизу,
Как слезы вверх несомого ведра,
Как смех ведра спускаемого книзу.
Сквозь толщу вод куда как донесешь!
Коль в дверь битком, тогда раскрыли кровлю
И опустили на постели дождь,
Расслабленный потерянною кровью.
Скажу тебе не так, как встань, ходи,
Возьми постель, скажу тебе иное,
Хоть мог бы так, но будет впереди,
Чем это изречение земное,
А потому восстань, возьми постель,
Ходи по водным улицам, но где бы
Ты ни ходил, пусть световой туннель
Над головой скитается сквозь небо,
Сквозь город, что, как ветхие меха
Вином бурлящим, надвое распорот,
Как хлебы предложения, стиха,
Неубранными съеденные в голод.
Скажу тебе не так, хоть мог бы так.
Продай что есть. Раздай другим и следуй,
Как выше и предложено в строках,
Но ни суму, ни сменную одежду,
Ни медь с собою не бери за страх.
А все напластования сетчатки
Течением отмоются, как прах
И как на месте мести отпечатки.
Судьба есть суд. Судьба есть суть. Тебе

Не знать ли это — дикий мед, акриды,
Но не оглядывайся при ходьбе,
Коль за тобою вслед кариатиды —
Как за царицей-маткой пчельный рой,
Как прокаженные, как божьи силы
И как бомбардировщиков пристрой,
Как кладбище, влекущее могилы,
Как окон быт несущие дома
Под веками тяжелыми. В секрете
Так под стекло, под землю, в закрома
Сокровища упрятывают дети
И то и дело ходят посмотреть,
Но трудно отыскать расположение,
Коль головокружительно из жизни в смерть
И неменяемо сопровожденье.
Стоишь, не зная, изнутри, извне
Ты смотришь, с той иль этой половины
За мальчиком, маячащим в окне,
Держащимся оконной крестовины
Как центра мироздания всего,
За мальчиком, по своему хотенью
Иль просто кто-то там позвал его,
Уже скользящим немощно — за тенью.

2000

РУНЫ

Владислав Шихов выбрал трудный поэтический путь. Для современного поэта, пишущего по-русски, открывается много путей куда более легких. Ирония, пародия, гротеск, все виды эксцентрики, все виды «деконструкции»...

На этих путях почти гарантированно создаются теперь успешные тексты и складываются успешные имена. Владислав Шихов делает другое. Он не отказался от того образа поэзии, который вызывает в памяти прежде всего имя Мандельштама (но конечно, этим именем не исчерпывается): от поэзии, живущей в «пятой стихии» — стихии человеческого творчества.

*Нам четырех стихий приятственно господство,
Но создал пятую свободный человек.*

Все четыре стихии мира, весь обиход у него пронизаны памятью об их бытии в творчестве: в греческой античности, в средневековой, новоевропейской и русской

культуре. Не буду приводить примеров: читатель увидит это на любой странице «Рун».

Трудность этого пути в сравнении с магистральным путем «спекуляции на понижении» состоит не в том, что автору такого рода — и его читателю — необходимо быть культурно вменяемым, то есть проделать значительную работу ума и сердца. Самое трудное здесь — приняв такую эстафету, оказаться по меньшей мере на ее уровне, а говоря всерьез, и в определенном отношении превзойти предшественников, делая «то же, но еще шибче, еще горячее», словами Пастернака. Традиционным можно назвать лишь то, что выдерживает суд традиции, как определил это Т.-С. Элиот. В наше время, которое любит называть себя «бедным», «поздним» и т. п., выдержать такой суд — суд Эхила и Шекспира, суд Бодлера и Ахматовой — представляется просто невероятным. Но если мы что и любим в поэзии, то это ее способность делать невероятные вещи! Этого просит душа, это просит время, уставшее от разрушительства. Этого мы и пожелаем автору «Рун».

Ольга Седакова

5 апреля 2005

Москва

* * *

Дождь незаметен, но земля в глазах
Темнеет между взглядами от Марка,
И в форточку, отверзнутую так,
Как если чуть отклеенная марка,
Доносит шум, обещанный с утра,
Но явленный не сразу по карнизу,
Как смех ведра спускаемого книзу,
Как слезы вверх несомого ведра.
Сквозь толщу вод куда как донесешь!
Коль в дверь битком, тогда раскрыли кровлю
И опустили на постели дождь,
Ослабленный потерянною кровью.
Скажу тебе не так, как встань, ходи,
Возьми постель, скажу тебе иное,
Хоть мог бы так, но будет впереди,
Чем это изречение земное,
А потому восстань, возьми постель,
Ходи по водным улицам, но где бы
Ты ни ходил, пусть световой туннель
Над головой скитается сквозь небо,
Сквозь город, что, как ветхие меха
Вином бурлящим, надвое распорот,
Как хлебы предложения, стиха,
Неубранными съеденные в голод.
Скажу тебе не так, хоть мог бы так.

Продай что есть. Раздай другим и следуй,
Как выше и предложено в строках,
Но ни суму, ни сменную одежду,
Ни медь с собою не бери за страх.
А все напластования сетчатки
Течением отмоются, как прах
И как на месте мести отпечатки.
Нет памяти о прежнем. Уж тебе
Не знать ли это — дикий мед с росой,
Но не оглядывайся при ходьбе,
Коль за тобою вслед, подобно рою
И веренице времени, легло
Пространство в дымке, что в господнем свете.
Так тайно прячут в землю, под стекло
Свои сокровища испуганные дети.
И то и дело ходят посмотреть,
Но трудно отыскать расположение,
Коль головокружительно из жизни в смерть
И невменяемо сопровождаенье.
Стоишь, не зная, изнутри, извне
Ты смотришь, с той иль этой половины
За мальчиком, маячащим в окне,
Держащимся оконной крестовины
Как центра мироздания всего,
За мальчиком, по своему хотенью,
Иль просто кто-то там позвал его,
Уже скользящим немощно — за тенью.

* * *

Лучи прощальные сухие, как трава,
Подернутая инеем, как мехом.
Что с Господом ты говоришь, что с эхом,
По сути, те же всё одни слова.

По сути, те же сумерки и век
И хор блистательный из камня, неба, снега.
Не чувствуя, как нестерпима нега,
Когда один из нас не человек.

Не чувствуя ни плоть, ни естество,
Но только лишь сморгнешь, как будто веко,
О, Господи, как будто было млеко,
И нет уже, как не было его.

10 ноября 2000

* * *

Глазея удивленными глазами,
Мы проплывем воздушными шарами
Над темною водой и через мост
Васильевский покинем, как погост.
И в памяти возникнут снова кадры,
Как мы с тобой по Невскому до лавры —
Ты за рулем, а я, как парашют,
На кузове повиснув, — свой маршрут
Вершили верный, объезжая урны,
Опустошая их, как города те гунны.
Благословенен сей сизифов путь,
Но как тут поневоле не вздохнуть!
Куда бы лучше было, если б крест
Не дал бы нам покинуть вечных мест.

Декабрь 2000

* * *

Как в парнике весеннего двора,
Когда, мой друг, еще нам не пора
И тихий воздух полон алкоголем,

Такую бодрость чувствуешь уже,
Как будто на последнем рубеже
Ты наконец с судьбою ознакомлен.

Снег обнажает сущность бытия,
И ледяная водит колея,
Покуда непонятно не разбудят,

Как будто это вдруг включили душ,
Шумящее переселенье душ,
И ничего страшней уже не будет.

7 января 2001

ЭВТАНАЗИЯ

Еще благодарю тебя за отпечатки
На книге этой и за чувственность сетчатки,
Скользящей пристально, как пальцы, собирая
Тисненные на коже знаки Брайля.

Еще благодарю за сосуществованье,
За участь равную и за чревовещанье
От голода, от смутного, от страха,
Что, возвратившись в прах, ты не избегнешь праха.

Еще благодарю за бдение, за вежды,
За призрачные на тебя надежды,
Когда смертельно страждет лишь одной —
От жизни избавляющей — больной.

14 января 2001

* * *

Под вечер лишь проходит голова,
Как люди, проходящие деревья.
И я бы начал говорить слова,
Но если бы, но если бы не зверь я.

Я начал бы торжественную речь
Простыми и доступными словами,
Но до сих пор, как запертая печь
Освенцима, набитая телами,

Но до сих пор, какие только Бог
Некрологи, постскриптумы, угрозы
Смертельные, какие только мог
Предположить, как вид метаморфозы...

Февраль 2001

* * *

Побудь еще, дух глу́хий и немой.
Без воздуха за темной пеленой
Деревьев, брошенный на ужас,

Я бодрствовал, пока не позабыл
Существование, а ты со мною был,
Еще ничем не обнаружась.

Когда же проявился мир теней,
Я только мог единственно твоей
Быть барабанной перепонкой

И, содрогаясь, ощущать собой,
Как затихает за протяжною трубой
Зашедшийся беззвучно плач ребенка.

23 мая 2001

* * *

Как смешан наш язык, но знаю я твои
Дела, как скорбный труд родной земли.
Из любопытства ты пришла сюда,
Меня же привела последняя беда.
Как дерево сей храм, а дерево барокко,
А дерево возносится высоко.
Ты близоруко щуришься в очки,
Где вместо стекол бабочки почти.
Французской кистью лепленные губы
Мне слышатся, как золотые трубы.
Я тоже говорю, но голос безутешен,
Я тоже повторен, но больше перемешан.
Когда бы ты шум раковин ушных
Услышала — из приступов сплошных
Кипящее нахлынувшее море,
Уключин скрип и звуки «го-ре, го-ре, го-ре»...

27 мая 2001

* * *

Как беспокойно тройня спит!
Как медленно, но лезут зубы!
И шевеление, и скрип,
И собочки звучат как трубы.

Я забываюсь лишь на миг,
И вот уж дух воспоинает,
Но то ли стон, но то ли вскрик
Меня из мертвых поднимает.

Как мечутся под шерстяным,
Как будто чувствуют ошую
Каким-то чувством там шестым
Опасность смутную, большую.

Как будто снова Ирод-царь
Бьет вифлеемскую тревогу
И всех младенцев, словно тварь
Единую, — на жертву богу.

ВЫХОД

Беспамятные дни блаженнее, чем сон.
Вместимость горечи и радости донельзя.
Я вышел из себя, как будто вышел вон,
И в сад бежал сломя, и голосом отверзся.

И приложился бы к народу своему,
И вырвел бы всю я внутренность наружу,
Но азъ еще не есмь, но быть не по сему,
Но я еще себя никак не обнаружу.

Когда же моего скитания клубок
Иссякнет наконец — какая перемена, —
Я встану в длительную очередь, как бог,
Как на ступень из метрополитена.

27 января 2001

НАСЛЕДСТВО

Я оставлю в наследство коллекцию видеофильмов —
«Андалузского пса» и «Танцующую в темноте».
И, когда понесут меня крылья на свет серафимов,
Повторять без конца буду только названия те.

До чего же мне мил, до чего же мне все-таки дорог
Невменяемый — пусть изомрут от печали — рассказ,

Летаргический сон, боже мой, наркотический морок —
Как чудовище из легиона чешуйчатых глаз.

Может быть, что и ты, боже мой, под гипнозом момента
Засидишься, забывшись, и не дозовешься отца.
Пусть и жизнь прервалась, но ведь длится всё темная лента
На кассете, на треть не дописанной мной до конца.

* * *

Как хитроумный муж-воитель Одиссей,
С такой же пеленой, с такой печалью редкой,
Трехлетний отпрыск мой прослеживает веткой
На дне песчаном луж путь шелковый червей.

Господним летом день и сумрачен, и свят,
И призрачен, как тень, и Черным пахнет морем.
Как после жизни, мы скитаемся *post mortem*,
И, озаря сны, сквозь нас огни сквозят.

Ты высоко сидишь на папкином хребте,
Мой дорогой малыш, и чмокаешь конфеткой,
Не замечая, как следят лучом, как веткой,
Скрываясь в облаках, неведомые те.

3 января 2003

* * *

Смерть подошел, и, втягивая ноздри
Трубящие, меня он заподозрил.
Я вспомнил о тебе, не смог тебя забыть,
Хотя мне всё равно, с кем быть или не быть,
Но ты всегда была и не была со мною,
Но музыки безумною волною
Приснившийся твой сын меня потряс.

Какое множество бесчисленное раз
Ты умирала вдруг, но больше возрождалась.
Как это с нетерпением ожидалось,
Смерть подошел и выстрелил мне в глаз.

11 мая 2000

* * *

Три версии убийства. Ни в одной
Уверенности нет, нет доказательств,
И ни один не гнется под виной,
И пухнет мозг уже от разбирательств,

От фактов, от дознаний, от улик,
И следствие неспешнее улитки,
Еще немного — и какой-то блик
От тысячной, наверное, попытки.

Не дай мне бог убитым быть тобой,
Как этот мачо, жадный и неверный,
Заказанный любовью, как судьбой,
И кровью не очищенный от скверны.

* * *

Как растворяется рассудок
В сосудах красного вина.
В неумимости прогулок
Спина бессилия видна.

Я так искал чужие нимбы
В потоках сердца своего,
Я так сдвигал ночные глыбы,
Что воскресало божество.

Когда ж пришла ты через силу,
То в ужасе пустых пелен

В беспамятстве заголосила:
«О, боже мой, он унесен».

Перебирая капли крови,
Ты плачешь, я же, невесом,
И стрелами ложусь на брови,
И обнимаю долго львом.

* * *

Какой морозный сон, как будто это полюс,
Как будто по следам за мной немейский лев.
Я только ветками сосновых дней укроюсь
И только слово выдохну, как барельеф.

Как хорошо лежать упавшим тяжко навзничь
И гласом божьим, повторенным до того,
Что звук теряет смысл и ничего не значишь,
Да и не можешь значить больше ничего.

Потом меня найдут на снежном перевале
И прочитают кровь разъеденной десны:
«Ты не умрешь пока моя мари печали
Великонежная прекраснее весны».

* * *

Мой альтовый концерт, концерт в старинном стиле,
Реликтовый скелет в закаменевшем иле
Еще как будто жив, и ты зовешь на помощь,
Но никуда уже не деться от чудовищ.
Как поедают кровь и запивают кровью!
Как занимаются безумною любовью!
Какой великий жор! А ты уже бесплотный,
Звучащий соль минор неясный почерк нотный.

Октябрь 2002

САД КАМНЕЙ

...явилась ты...

Александр Пушкин

Не помнишь ты, как чудом оказалась
В пустом саду оставленных камней.
Здесь ничего. Здесь сумерки и хаос
Всего необходимей и верней.

Здесь так устроено. С какой бы точки —
Четырнадцать всегда лишь на виду,
Пятнадцатый меняет оболочки
И ускользает, словно на беду.

Вот первый камень — вечный тихий свете.
Второй — скорбящий почерневший лик.
А эта тройня — словно наши дети,
Запечатленные в счастливый миг.

Шестой — табу, изгнанник и скиталец.
Седьмой — предтеча, прашур и пророк.
Восьмой сверкает, как протуберанец,
За музыку, за болевой порог.

С девятого идет другой порядок:
Тревога и смятение, еще
Горячка, смута, горечь и упадок
Притягивают взоры горячо.

Но как бы бесконечно ни металась
Твоя душа последний подсмотреть —
Нет ничего, лишь сумерки и хаос,
И никогда не явленная...

12 августа 2002

* * *

Как хищного зверька, бросок земли лопатой
Из ямы глубиной два роста твоего,
И ты пугаешься душой своей горбатой,
Хотя уже не будет больше ничего.

События любви — как вдавленный на коже,
На кости лобовой горячий тонкий след
Нательного креста с твоей груди, и что же,
Еще чуть-чуть, и всё, и нет уже, и нет.

Но если продолжать с пристрастием особо,
С прискорбной пустотой, то раскопаешь гроб,
Вернее, что еще осталось от гроба
И от меня — крестом запечатленный лоб.

* * *

Сад голосом твоим отверзся
И говорил как никогда.
И был в смятенном горе весь я,
И приближалась беда.

Как мне понять твою жестокость,
Как принести такую дань,
Как донести себя, как емкость,
Слезой наполненную всклянь?

Какая, Боже мой, свобода!
Освободительная страсть —
На руки Каина-народа
При снятии с креста упасть.

2 июля 2002

* * *

В земле великой Уц в садах полдневный жар,
Надрывный глас пилы так долго и так сухо,
Как будто кружится чудовищный комар,
Никак не может приспособиться на уxo.

Спасение одно — взведенный мозжечок,
Как губку, погрузить во глубину лесную.
Здесь, как видение, является звучок
И земляника салютует одесную.

Дорога заросла, и валятся столбы,
И на песке из черных бабочек полотна,
И по наитию к судьбе иль от судьбы,
Но дальше всё идешь, и всё бесповоротно.

* * *

«А у меня второй язык
Растет, увы, болезненно,
Но будет по всем признакам
Таким, как у Есенина,
Примерно дециметра три
С раздвоенным концом...» —
Так говорил мне мой больной,
Смотря в глаза доверчиво,
И, чтобы не прослыть лжецом,
Медлительно выверчивал
И хлестко поджигал потом
Все звуки типа «цом».

* * *

А я уже там, где никто не поможет.
Но ты повторяй, повторяй, повторяй...

Ольга Седакова

Сад ветренен, велеречив и страшен,
Я вышел из пристанища куда
И, светом фонаря едва окрашен,
Всё больше погружаюсь, как звезда.

Без памяти роскошествуя, лето
В конце концов оставило скелет,
В конце концов, спасибо и за это,
В конце концов, ведь это тоже след.

Еще я жив во власянице стужи,
Хотя изжит и исключен, как ять,
Но, господи, как хорошо здесь вчуже
Среди деревьев деревом стоять,

Смотреть, как время добавляет ретушь
И так же крохоборется, как сад,
Хоть нет уже неистово, хоть нет уж,
Хоть в Библии уже листы горят.

Но всё одно — пусть ночью или денно,
В конце концов, дух глухий и немой,
В конце концов, еще скорбишь смертельно,
В конце концов, побудь еще со мной.

30 июля 2002

* * *

Заговори, такое чудо,
На чудном языке.
Заговори, я не забуду,
Я выжгу на руке.

Твои сандалии простые
Схоронены в песке.
И ходят ножки золотые
По солнечной реке.

И я хотел бы за тобою
Пуститься налегке,
Но с этой духовой трубою,
Но с горем в узелке...

* * *

Она сказала: «Помнишь, в нашем старом,
Глухом дворе жил вор по кличке Байрон,
Хромой мужик, держащий трех собак?
Скоропостижно умер — просто так».
Потом добавила: «С тобою в классе
Училась девочка Тургеневская Ася,
Веснушчатое солнышко, душа.
Недавно тоже в мир иной ушла».
А я смотрел кино, хотелось закурить,
Но не было огня. Нельзя так говорить,
Так горестно, так долго и так весте,
Презрительно о сути каждой вещи,
Не принимая смерть, в обряде похоронном,
Не горлом даже — пионерским горном,
Не в силах изменить и в страхе пропустить
Деталь малейшую — самих себя простить.

* * *

Холодная, пустынная квартира
Без *video* была б совсем пустой.
Как хорошо, что обреченность мира
Размыта набежавшей темнотой!

Не отрывая взгляда от экрана
(Антониони, Бергман, Бунюэль),
Я долго пью, как время, из стакана
Густой, как кровь, заледеневший эль.

И вновь без образа, как без одежды,
Ты переходишь вброд поток ночей,
Великонежная, ступая мне на вежды,
Полна слезой, исполнена очей.

Наверно, так и покидает тело
Скорбящий дух, дыхание, душа.
И остается только онемело
Взывать, как далеко ты отошла.

11 ноября 2002

* * *

За пазухой судьбы,
В укромном уголке
Не слышен зов трубы,
Лишь горе в узелке
Звучит, как серебро,
Стучит, как черствый хлеб.
И медленно народ
Идет, как будто слеп.
И, как надежный друг
На полотенцах гроб,

Влачит, как тяжкий плуг,
И мой наемный горб.
Ни сына, ни отца —
Не помня никого,
Прими же до конца
Такое *status quo*.
Как реквием, пропев
Испуганные сны,
В метаморфозах, лев,
Тебе еще даны
За руки — по крылу
Вороньему, за труд —
Зарубки по числу
Успокаивающих тут.

15 декабря 2002

* * *

Точней часовщика, жадней ростовщика,
В конце моей строки ты ставишь «тчк»,
А я еще планирую *post scriptum*.

Как будут, опознав, твои глаза страшны —
Кровавая кровать, испуганные сны,
Протяжный рев трубы, влачащий скрипку.

Я по земле ходил и обошел ее,
Пусть тело брэнное теперь возьмет мое —
Разделает патологоанатом.

Нет больше ни тебя, нет больше ни меня,
В конце твоей любви — ни одного огня
В старинном городе, как в черепе разъятом.

25 февраля 2003

* * *

Нард, шафран, аир, корица,
Как запутанная прядь.
Пред тобою, моя львица,
Кто способен устоять?

Легче было б человечью
Жертву принести богам,
Чем, захлебываясь речью,
Не припасть к твоим ногам.

Препоясать туго чресла
Крыльями — такую страсть,
Чтобы вдруг ты не исчезла,
Чтобы вдруг не унеслась.

4 марта 2003

* * *

Событие, приведшее к таким
Последствиям, собой не представляло,
Казалось, ничего, но был порыв один —
Не довести, но всё начать с начала.

Начать задолго до того, как мы
Остановились на ночлег в саду шумящем,
Где, боже мой, бесчисленные сны
Мучительны, покуда не обрящем.

О, как лобзает лоб его печать!
Как ищется на смертном одре жарко!
И невозможно не — читать, читать, читать
Из четверых единственно у Марка.

Глава четырнадцать, как юноша один,
Сокрыв нагое тело в покрывало,

Не отставал и следовал за ним —
Не довести, а всё начать с начала.

Но воины схватили и его,
А он, оставив ткань, бежал нагим, как слово.
И больше нет об этом ничего,
И больше нет там ничего такого.

22 марта 2003

* * *

Как старый снимок, мой воскресный день
Еще полеживает в сонной неге,
Но хлопают уже кому не лень,
И пятна пыли выбиты на снеге.

Как будто проступают письма
И кровоточат на руках стигматы.
И тяжело легли на рамена
И сокрушили внутренность утраты.

Довольствуйся, роскошествуй, храни,
Свидетель снов и соглядатай смерти,
Как промежутки светлые твои,
Как рыбы, рвут расставленные сети.

Сквозь окуляр оконного стекла
Еще следы, как весело на санках
Катаются тройняшки, как светла
Страница за страницей в темных гранках.

Вспонимай свой труд как божий дар
И продолжай вотще, как воду в ступе,
Пока сердечный костяной удар,
Как буква, на поверхность не проступит.

29 марта 2003

* * *

Как распускаются улитки,
Так тает ливень летним днем.
Чуть холодно промокшим нам до нитки,
Но согреваемся — идем.

Казалось, мы теперь свободны,
Но до сих пор в который раз
Из прошлого доходят волны
И расшибаются о нас.

И сотрясают наши кости —
Восставшие из глубины —
Когда б проклятия от злости,
А не умноженной вины.

19 апреля 2003

* * *

На горестном моем костре,
На ревностном моем — горé
Сердец*, пришедших как на праздник, —

С тебя огонь снимает ткань,
Как смертную стирает грань,
Не оставляя пятен, ластик.

Ты, как рождающая, рвешь,
Как бестия, во мгле ревешь,
Бросаешься, но ты ослепла.

А я бегу уже три дня
По городу, как головня,
По городу под слоем пепла.

26 апреля 2003

* «Горé сердца» (< лат. *sursum corda*) — выше сердца — возглас католического священника во время мессы (Библия, Плач Иеремии, 3:41).

* * *

Десятый месяц — мой недуг.
Как вырастает из-под рук
Сосуд на стареньком кружале,

Но кособочится, как ложь,
И бесишься, и вновь берешь
Свои разбитые скрижали.

Со временем, в конце концов
Вот, кажется, восторг готов
И поднимает за подмышки.

И вроде чем не теремок,
Стоит не низок, не высок,
Но нет ни мушки в нем, ни мышки.

8 мая 2003

* * *

Мы под грибком в песочнице — зажаты в кулаке,
Но если дождь с детьми врасплох, куда теперь бежать-то.
Хотелось бы, конечно, мне, как в том боевике,
Эффектно раскидать врагов в великолепном сальто.

Им несть числа, как саранче. Их кровожадный вождь
С тевтонской яростью уже кольцо сжимает жарко.
И кажется всамделишно, что не дражайший дождь,
А тьмы и тьмы несметные, как на огне поджарка.

Не покидай, Господь, сейчас свой избранный народ,
Коль уповаем на тебя, трубящий глас исторгнув,
Яви спасение свое! Как чрево тяжкий плод,
Сокрой от вежд, от пасти львов, рогов единорогов!

18 мая 2003

* * *

Как бурное *allegro* аллергии —
Мои воспоминанья дорогие.
Раскрыв утробу старого стола,
Перебираю, что рука смела
С поверхности в разверстую гробницу.
Из «Демона» десятую страницу
(Цитирую: «... в ее груди печаль»)
Давно пора бы выбросить, да жаль
Весь этот груз, собранье мелочей:
И отпечаток крови, уж ничей,
И колокольчик, уж без языка,
Со школьного последнего звонка.
Знакомые забытые предметы,
Несущие в себе мои приметы!
Вот крошки листьев павловских дубов,
Рентгеновские снимки трех зубов,
Часы без стрелок, корпия, монеты
И акварельные твои портреты,
И слой за слоем здесь черновики.
Как почерк изменяется руки!
В числе последних — «Сад камней», потом
«И долго обнимаю тебя львом...».
Собрать бы всё да за городом сжечь!
И раннюю испуганную речь,
И боле поздний дерзновенный голос —
Что страдало, надеялось, боролось.
А впрочем, лень. Оставлю эти мощи
Нетленными в пределах вечной ночи.

* * *

Шиповника гудящий куст,
Жуков июньских тихий хруст
В стеклянной банке из-под джема.

Тройняшки радостно галдят,
Перебивают, тархтят,
А я закрыл глаза блаженно

И уношусь в слепящий зной,
Изнеможенный ужас мой,
Скрежещущий под костью лобной,

Сверкающий, как изумруд,
Пока совсем не изомрут
В своей попытке бесподобной.

1 июля 2003

КЕНОТАФ*

Morituri te salutant!

Растратив нить сурово, как иголка,
Измученная плотным полотном,
По истечение данного мне срока
Я возвратился в позабытый дом,
В котором не был уж не знаю сколько.

* *Кенотаф* (греч. *kenotaphion* < *kenos* пустой + *taphos* могила) — погребальный памятник у народов Древнего Египта, Греции и Рима в виде гробницы, не содержащей в действительности праха. Сооружался, когда по каким-либо причинам останки не могли быть похоронены. Обычай устраивать кенотаф связан с представлением, по которому душа мертвого, не имеющего могилы, не может обрести покой.

Привет тебе, ижевская хрущоба,
Идущие по Пушкинской тебя
Приветствуют гортанно и особо,
Как в водосточную трубу трубя,
И эхом отзывается утроба.

Как хорошо, что выжили две вербы,
Посаженные бабушкой моей,
А в комнатах так вкусно пахнут хлебы,
Как трапеза полуденных теней,
И мне бы с крупной солею, и мне бы...

Но, господи, но что это за морок!
В моем углу обожжена стена,
И к ней земля, наверно ведер сорок,
Заботливой рукой принесена
И аккуратно сложена в пригорок.

Замшелый камень врос до половины
В него, как будто память обо мне,
Пропавшем без вести главой повинной
В чужой гиперборейской стороне,
Где дни неторопливы, как пингвины.

Такие камни воздвигают с воем,
Чтоб наконец гонимая душа,
То южными с душистым их упоем,
То северными бурями дыша,
Забвением смирилась и покоем.

9 сентября 2003

БОКАЛ

...я сегодня пью один.

Евгений Баратынский

Достопочтенный пенный мой бокал,
Я так тебя алкал, что наконец украл
Из чрева «Льва» из слабости минутной.

Я тоже, как и ты, до тошноты пустой,
А то наполненный отваги золотой
И горечи отчаянной и смутной.

Я тоже с трещинкой, невидимой для глаз.
Однажды божья ярость поднялась
И поразила плоть мою живую.

Но в бдении ночном мне легче оттого,
Что с теми чувствую я кровное родство,
Кто пригубил тебя, как чашу круговую.

* * *

Во тьме, как будто легких снимок
Рентгеновский, чреда берез.
И словно бы бредешь с поминок
С пудовой головой от слез.

Остановившись перед краем
Громады смешанной лесной
И незаметно пожираем
Всё прибывающей волной,

Стоишь, неведомый пришелец,
Мгновение исполнен дум.
И вот привносишь тихий шелест
Шагов в ночной неясный шум.

И, словно закипевший чайник,
С шипеньем выпускаешь дух.
И различает крики чаек
До боли обостренный слух.

Там корабли, там бьются волны
С последним факелов огнем,
И там, тобою сотворенный,
Левиафан играет в нем.

* * *

Как и предсказано тобою,
Так отвратителен мой хлеб,
И песнь кимейская* живую
Возложена в семейный склеп,

И мрут мучительные нервы
В зубах, обломанных о кость
Руки своей же, гнев Минервы
Заткнувшей, классовую злость.

* *Кимейская песнь* (< лат. *Sutaegit carmen*) — предсказание куманской легендарной пророчицы Сибиллы. Согласно этому предсказанию, по прошествии «великого года», когда все небесные светила возвратятся на свои прежние места, история человечества станет повторяться, и снова наступит «золотой век».

* * *

Какой смиренный и какой
Здесь усыпительный покой!
А ты с закрытыми глазами

И с запрокинутой главой
Внимаешь приступ ветровой,
Идущий высоко над нами.

Как стая рыб сквозь толщу вод,
Листва блестящая плывет
И растворяется на солнце.

А мы уже в вечерней мгле,
На остывающей земле,
На этом сумеречном донце.

И нужен я тебе на столь,
Как кристаллическая соль
И хлеба черного буханка.

И бьешься ты среди теней
На тяготеющей моей
И пламенеешь, как вакханка.

Я так боюсь подобных снов,
Но забываюсь — уж без слов,
Хотя источник сей безбрежный, —

Протяжный звук один трубя,
Как будто призрак из тебя,
Как будто смутный дух мятежный.

* * *

И шишек треск, и хруст сосновых игл
Под тяжестью неторопливых ног.
И заяц, испугав меня, упрыгал —
И долго успокоиться не мог.

Уж кои веки бросил я жилище,
Где стены испещренные тесны,
Где катастрофа, где в большое пепелище
Замешаны остаточные сны.

Я отошел от них. И вот нирвана —
Прохладный воздух, солнечный бурнус,
И этой ночью на глаза дивана
Я веком утомленным не свернусь.

Благодарю, неведомый предтеча,
За то, что ты не затушил костер.
И тлеет он, как будущая встреча,
И светит, как безмолвный разговор.

И на бревне забыта папироса,
И на земле сырой рисунок рыб,
И надпись непонятна — *«lacrimosa»*,
Тем более невнятное — «навзрыд».

Огонь растет, и, как анестезия,
Привносит дым воспоминаний вкус,
Но, как в него себя ни погрузи я,
В амфитеатр ветвей не вознесусь.

Но вдруг покорствует, что раньше так боролось...
И словно на глаза — ладонь свою Господь,
И даже тени обретают голос,
И даже тени обретают плоть.

»
РУНЫ
»

И наконец невольно понимаю,
Какой же я гордец, дурак и сноб.
И каждого я крепко обнимаю,
И каждый, уходя, лобзает лоб.

* * *

Лес в ноябре зияет пустотой,
И чувствуешь себя как понятой
В квартире, из которой подчистую
Изъяли обстановку золотую.
И, горько опоражнивая дух,
Хозяин обнаруживает вслух
Весь длинный выводок немислимых утрат,
А — у фотографа уже глаза болят
От вспышек, в совершенной пустоте
Наткнувшихся на призрачные те.

СЛОВА

Когда язык народа моего,
Не растворяя уст, в моем подобье ходит,
И дом вечерний пуст, и я забыл его,
И ничего уже не происходит,

И вижу я, как видящий во сне,
Холодный город, весь в огнях пчелиных.
И, словно слово устаревшее *оне*,
Как призраки, несут прозрачные личины —

Как дороги тогда случайные звонки,
Попавшие неведомо каким же.
Куда их занесло? Какие позвонки
И крылья исполинские всё ближе!

И, ощущая, как неодолим
Поднявшийся над головою ветер,
Я отвечаю голосом другим
На имя чуждое, на «добрый вечер»:

Положишь трубку, я тебя убью
И кожу разрисую, как папирус.
Я терракотовую армию свою
Пущу в тебя, как атипичный вирус.

Внемли моим. И к черту прикуси
Свой надоедливый, свой комариный.
Anathema тебе. И боже упаси.
Не говори. Не трогай Камарины*.

Куда как низко ты способен пасть!
И так твои шевелятся, как мухи,
И делают зловонной эту масть,
Которой дышат царственные духи.

Познай, что лучше для тебя и нет
Молчания. Я всё тебе прощаю.
Я, мертвых исполняющий завет,
Прощальные проклятые вещаю.

Иссяк источник крови. Съеден мед.
Иссохли горние на древнем древе.
Они теперь пусты. Никто в них не живет.
Никто не носит в материнском чреве.

* *Камарина* — греческая колония на юге Сицилии, во время Первой пунической войны захваченная и разрушенная до основания римлянами, будто бы вследствие того, что жители Камарины не поняли предостережения Дельфийского оракула и осушили болота, преграждавшие римским войскам путь к городу.

Никто не знает, что они пусты,
Что ничего уже не происходит,
Что через бесконечность пустоты
До нас последний поздно свет доходит.

* * *

И слегшую траву,
И почерневший клевер,
И шумную листву
Затягивает ветер,

Летийственный поток,
Растущий по минутам.
О, как он изнемог
В предвосхищенье смутном

Ворваться и вовлечь,
Заполонить, настигнуть,
И прошлым пренебречь,
И будущность отринуть,

И небо в нищете
Холодную волною,
И тело на щите,
Покинутое мною.

* * *

Возможно, где-то существует город,
Как отпечаток Той на плащанице Той.
Там слабое тепло в себя вбирает холод,
Пока еще бредешь по улице пустой,

Покуда издаешь «Теней» за нотой ноту
В произведении забытом и чужом.
И, словно муравей, не сдвинув ни на йоту,
Толкаешься в живот и лезешь на рожон.

И в исступлении ревешь уже не слово,
Уже не знаю что. И отвечает вдруг
В порыве ветра, как осенняя дуброва, —
И вифлеемский свет, и гефсиманский звук.

И видишь, что весь град взошел встречать на кровли
И в трубы возгремел, ликуя горячо.
И безобразный сын, и темный брат по крови,
И плачешь, не стыдясь, и плачешь, и еще...

* * *

...как войску, в пух рассыпанному боем!

Александр Пушкин «Домик в Коломне»

Воскресному еще не время утру,
А в этой комнатке уже светло.
И смотришь, словно в камеру-обскуру,
В зеркальное оконное стекло.

И видишь поле, полное сраженных
И всадников под снегом, и коней.
И над телами, в дымку погруженных,
Стояние не то что бы теней,

Не то что бы величественных сосен,
Но если свет доходит от небес,
То можно разглядеть, хоть вид несносен,
Как ангелы высокие, как лес,

»
РУНЫ
»

Стоят, сомкнувшись тесными главами,
И ветер с крыльев выдувает пух,
И на стекло ложится меж словами
Дыхание мое, как божий дух.

* * *

И осени замешана палитра.
И вечера. И ты уже никто.
И нет тебя. За пазухой пол-литра
Имеется увесисто зато,
И рукава довязанные свитра
Длиннее, чем у старого пальто.

И, словно кисть, воспонишаешь город
Жалчей своих нахлынувших обид.
И, заложив отчаянно за ворот, —
Пускай внутри и светит, и горит,
Когда вселенский повсеместный холод
Притягивает верно, как магнит.

Дома стоят — читай как саркофаги* —
Буквально с греческого — все в крови.
Какие мы с тобой, душа, варяги!
На урну встань и со стены сорви
Трепещущие траурные флаги,
Сигнальные флажки надежды и любви.

Пусть чудится — народ шумит, как море,
И хлопот парусов, и с мачты ноября
Соленое пропитанное горе,
Как альбатрос над бездною паря,

* *Саркофаг* (< греч. *sarkophagos*) — букв. пожиратель мяса.

Участвует, как ровня, в разговоре,
На флажном языке заговоря.

Сквозь острый страх на рострах, через силу,
Сквозь зябкой хляби рокот роковой
Под знаменем сим пой, пойми, поймилуй
И мировую скорбь*, и волн гортанный вой,
И глубину, и бурю, как сивиллу,
И позабытый голос детский свой.

Покуда жив, бросайся и бравируй
И граждан сон полночный беспокой
То дробью барабанною, то лирой,
А то виолончельною тоской.
Но боже упаси, чтоб ладаном и миррой
Чистейший воздух отравить морской!

Воистину в порыве оголтелом
Бушуй, как смерч, среди пустых ветвей!
Наступит день, когда займешься делом
Единственным — Поэзией своей,
Посланием всем тем, кто за пределом
Еще надеется и ждет вестей.

2004, 20–22 июня 2017

ХРОНИКА

От недосыпа красными очами,
Уставшими от чтения ночами,
Я тщетно зрю запечатленный сон
Из кинохроники — каких? — времен,
Но, судя по всему, начала века
Двадцатого, и дергается веко.

* *Weltschmerz* (нем.) — мировая скорбь.

Не знаю, но из множества видений
Я эти выбираю светотени,
Хоть ничего особого в них нет.
Ну, девочка из темноты на свет
Бежит, о землю темным ударяя
Большим мячом, как мотылек порхая.

И чудится — я слышу звонкий звук,
Но мяч на ножку попадает вдруг
И зыбкою уносится волною
И пропадает, поглощенный тьмою.
А девочка как бледное пятно...
И длительно мерещится оно!

И мне не важно, кто она и как
Жизнь провела в бесчисленных мирах?
И умерла давно ли? И какое
Оставила наследство роковое?
Но прилепилась к ней моя душа,
Невыразимой жалостью дыша.

И каждой ночью, отходя ко сну,
Я вечный свет под веждами несу,
И ощупью спускаюсь в катакомбы,
И сто теней веду для гетакомбы*,
И время обращается со мной
Как с исчезающей величиной.

* *Гетакомба* (греч.) — жертва в сто тельцов (быков).

* * *

И сказали они: построим себе город...

Книга Бытия (11:4)

Живу в чужом столетии, в чужом
Отрезке времени и провожу ножом
По голове, и падают на землю
Отросшие частички за неделю.
Здесь дерево потом в палящий день
Поднимется — спасительная сень,
И сядем мы в тени увидеть, что случится
С гордыней города, торчащим, как ключица,
Воспоминая каждый об одном,
Ты в том столетии, а я в другом.
Когда ж в историю прорвется истерия,
Я обниму крылом тебя, Мария.
Вот именно, что «Ма», и «ри», и «я».
Во время разложения Бытия
Ты тоже напоследок помяни мя,
Как я твое под спудом неба имя.

* * *

Что хочешь делай. Спи. Читай.
Смотри на тень. Песок считай,
Но только будь в пределах взгляда,

Но только будь в пределах сна,
И виноватая весна,
И виноградная менада.

Когда твой звук почти исчез,
Я так молил его — дизель!
Еще во что бы то ни стало!

»
РУНЫ
»

Но, как хроническая боль,
В глушинах тишины бемоль
В другую сторону начала.

И в сумерки, и в вечер дня,
И в темноту, и от меня,
Всё явственнее камня,

И поднимаешься со дна,
И подступаешь, как волна,
И проступаешь, как камень.

БУКВИЦЫ*

Снится зверь серебристый по имени *Миф*.
Мефистофель и Фауст. Два преданных глаза.
Бесконечно и горько словарь сократив,
Завладевший сознанием, как кровью зараза,

Мнится зверь поминальный по имени *Миф*.
Маргарита и Фауст. Над пустошью улиц,
Надо мной, как над книгой довлеющий гриф,
Оставляя следы наподобие букв,

Мчится зверь одичалый по имени *Миф*.
Мгновенье и Фауст. И, как преступленье,
Совершает медлительный инфинитив
Переход в повелительное наклоненье.

* *Буквицы* (др. рус.) — инициалы.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

И мы с тобой в поток переселенья
Вошли и вышли на чужой песок.
Как перепись проводят населенья,
Стирают волны отпечатки ног.

И город преподносит, как гостинец,
На разных языках один ответ,
Что в воздухе темнеющем гостиниц
Для нас свободных мест сегодня нет.

Придется поспешить обратно в сети
Морского берега, пока заря,
И у костра пробыть в горячем свете,
В объятom тьмой кусочке янтаря.

Пусть снова приступы, и пусть химеры,
И глас Его, как множества людей.
Что нам до них под плащаницей веры?
Тем более что лучше нет идей.

Ты держись, хотя дрожат поджилки,
И у детей вопросы без конца.
А я вослед, семейные пожитки
Взвалив на плечи, как Эней отца.

Еще недавно так мы покидали
Родной Ижевск без жестов и без слез.
Что было бы, когда бы не убрали
Его обрезками своих волос!

Когда бы взгляд мой пропустили трубы
В дымящейся кромешной темноте,
Я за гарпун с собой еще тянул бы
Рабочий град, растущий на ките,

И отчие гробы, и в запустенье
Обитель чистых нег, где верный труд
И сны мои — хронические тени,
Летящие, как снег, на ундервуд,

Который бесконечно повторяет:
«Переселяйся с места твоего», —
Как будто перст невидимый играет
Шопеновского марша торжество.

Так, видимо, в конце не будет Слова,
Но будет музыка, но так темно,
Что если ты прислушаешься снова,
То прозвучит возвратное оно.

ОРФЕЙ

Куда бродильный вечер ни занес бы —
Всё времени и жалобы, и просьбы.
Лишь в этом старом кресле дарит бог
Успокоенье для гудящих ног.
И не боишься. И закрыты вежды,
И пахнет горьким дымом от одежды.
И слушаешь внимательно себя,
Как до сих пор волнуешься, любя
Подобное забытое волнение,
Напоминающее наводнение;
Как пенится хронической тоской
Из пропасти пленительной морской
И прибывает, словно легионы,
И сносит на пути своем препоны.

Те корабли уже обречены,
Что были прежде всех извлечены

И на песке поставлены на бревна
Ждать окончания войны покорно,
Как я в одной из множественных башен,
Где книга брошена и свет погашен,
Готовый, кажется, совсем заснуть.
Наверное, сто с лишним раз вдохнуть
В глубоком сумраке успел едва я,
Как вот уж морщит воду, обдавая
Дымящей влагой жаркое чело,
И ударяет в стены тяжело.

Пора умыться кровью нечестивых
И смерть преодолеть в речитативах,
Как головой оторванной Орфей,
В руке ея качаясь, как трофей,
В медлительном отливе возвращенья.
И видно мне при смене освещенья,
Как мраморные тонут облака
И траурный плавник издалека,
И водоросли, словно асфодели,
Огонь ее до голени одели.
И повторяет тщательно за мной
Она контральто речь страны иной,
Последние слова, перебирая,
Как камешки, смешно перевирая.

* * *

Как сломано что-то внутри,
Так сломаны спицы зонта
В порыве нежданном Борея.

Итак, уж одни пустыри,
Итак, уж одна пустота,
Итак, уж один в ноябре я.

День — словно погасшая печь,
И только под пеплом огонь
Хоть маленькой веточки просит.

О, как мне ее уберечь,
Когда темноты одолонь
Молиственный ветер уносит!

* * *

Буду варваром, грабившим Рим.
Будет мир расплзаться, как грим,
Обнажая последнее то,
Что язык называет «ничто»
И куда отступают остатки
Легионов в сплошном беспорядке
Перед ужасом войска теней,
Перед бурей безумных коней.
Но и там, за пределом, они
Настижимы, как ветром огни.

Горе городу трубы трубят!
Скоро трупы в кострах догорят,
Словно ветошь оставленных слов
Без дыхания, без голосов.
Дай им Бог, чтоб их тоже прияла
Уж не знаю какая валгалла,
Как одежду и обувь мою,
Обогренную кровью в бою.

* * *

Неведомых и сумрачных времен
Каким вершителем я возвращен
Из словаря чужих, из списка мертвых,
Из надписей, до смертной тени стертых?

И вот средь месива разъятых тел,
Торчащих копий и горящих стрел,
Слежавшийся с землей, как одеянем,
Мерцающим покрытый мирозданьем,
С трудом о верный опираясь меч,
Я встал и вижу — страшной брани речь
Окончена, и вся долина пепла
Губами волчьими последнее запела
Величие пустыни мировой,
И ветер с дымом смешивает вой,
И дух войны и мятежа великий,
И бродят кони черные валькирий,
И, словно отражение костров,
Пылают звезды в сонме облаков.

* * *

Она проснулась поздно в январе,
Почувствовав весенний воздух талый,
Как книгу, что еще не дочитала,
Оставила в березовой коре.

Потом лежала долго, из пелен
Не вылезая, но не повторилось,
Напрасно понадеявшись на милость
Мизерокордии* чужих времен.

Потом окно с трудом раскрыла, чтоб,
Вжимаясь в стены, стоя в коридоре,
Внимать, как тихо отрывает горе
От пола звук босых застывших... стоп.

* *Мизерокордия* (< лат. милосердие) — тонкий кинжал у средневековых рыцарей, которым как бы из человеколюбия закалывали смертельно раненных.

* * *

...и повредил состав бедра...

Книга Бытия (32:24–29)

По старой дороге, по стертым камням
Она возвращается с неутоленьем,
Хотя утомленная битвой мужей,

Неистовым клекотом, взрывами перьев,
Ужасным, взметнувшимся выше деревьев
И самым кровавым из всех мятежей.

Очнувшись от холода, раненный в стегно*,
Я тоже за нею вослед постепенно
В потоке бесчисленном смертных теней.

А тьмы пораженных, застывшие лавой,
Покрытые пеплом, и снегом, и славой,
Как крылья, лежат за спиною моей.

И жажды огонь, и соленая жалость,
И кожей Марсия к телу прижалось
Полотнище знамени, но не теплой,

И всё припадаешь под музыку флейты,
Уж не поспевая, до берега Леты,
До стихшей воды, до стигийских полей.

* *Стегно* — бедро.

* * *

Не более боли. Не более боли. Вонми*.
Как овцы пещеры, проходят и волны твои.
И ранен, как мы, и со тщаньем считаешь несчастья.
Всё время находишь, всё время теряешь запястья,
Сбиваясь со счета, какой марсианский рубец.
И меццо-сопрано, как крови размытый багрец.
И лодка, сидящая так глубоко в мертвой точке.
И оторопь, и безобразье чужой оболочки.
И к дальнему берегу, к дальнему берегу во тьме,
Как речитативы того, что в тебе и во мне.

* * *

Как речитативы того,
Чему и названия нет
И что не имеет значенья.

И, видимо, не существо,
И не отражается свет,
И не изменяешь теченья.

Но дай, чтоб осмыслиться мне,
Чтоб удостовериться — прах,
Мои драгоценные кости,

И дым от пожаров во тьме,
И бой в окруженье, и страх,
И приступ отчаянной злости.

Но оторопь длится, как род
Бесчисленный. О, перестань,
Как будто идти передумал,

* *Вонми* — услышь.

Как будто уйти не дает
Та лодка, застывшая всклянь,
Как, тулово вытянув, буйвол.

* * *

Прежде, нежели я отойду и не будет меня,
Перечту то, что мне на роду, в слабом свете огня,
Словно книгу, какую однажды сумняшесь ничтоже
Я был вынужден съест без остатка шагреновой кожи,
И поэтому, видимо, горечь, застрявшая в горле.
И поэтому, видимо, речь моя — вечное горе:

Я обманывал время и нежно воспитывал тройню,
Любовался тенями в саду и брал приступом Трою,
Говорил на чужом языке, выходил из себя,
Как гиблейские пчелы, погибель в атаке трубя,
Возвращался домой, где меня ожидал кенотаф.
И, насыщенный жизнью, от долгих скитаний устав,
Словно некое слово, утратив былое движенье,
Наконец я ввергаюсь в последний пробел предложенья,
Восполняя собою, как сонмы, как прочие те,
Проступающий смысл в отвратной его наготы.

* * *

Возле сонного дивана
Карандаш, словарь.
Зарастающая рана —
Как живая тварь.

За окном такое горе —
Легион огней,
Подступающее море
Вражеских теней.

Поднимающихся лестниц
Лязг, и стук, и крик.
Пусть на головы им Лейбниц
С тысячью других!

Пусть на головы Гомер им,
Данте — молодца!
И давай еще отмерим,
Чтобы до конца.

Ты бросаешь, словно в топку,
*Qui pro quo** дотла
И оставшуюся стопку...
Но летит стрела,

Но так жалко и так скупое,
Девочка моя!
А внизу смешались трупы,
Книги и земля.

* * *

...таких прозрачных плачущих камней...

Осип Мандельштам

Уже не важно — было что в начале,
Но только бы как в летаргию впасть,
Но только бы от приступа печали
На камнях, проступающих как пясть.

Но только бы мне камень в изголовье,
Вбирающий смятенье, как болезнь,
Но только бы нашла себе подобье
Другое подступающая песнь,

* Одно вместо другого (*лат.*).

Но только бы слова ее немноги,
Как сердце бьется, боже сохрани,
Как ударенье на последнем слоге:
«Или́, Или́, ламà савахфани́».

* * *

И воздух был словно дыханье воловье.
И горний взял камень себе в изголовье,
И лег, обессилев, и сразу же прочь

От приступа жизни, от призрака бдений.
И, павший на землю, я спал без видений,
Как только апостолы спали в ту ночь.

И не было там, в пустоте совершенной,
Ни слов, ни начальных пылинок вселенной —
Лишь света неявленное торжество

В потоке немислимых пресуществлений
И без ощущений, как без утешений,
Не ведая, будет что после сего.

Когда бы камеи, когда бы камни,
Когда бы другие еще перемены,
Но звезды пылают, как на пустыре,

И я — словно дым от костров поражений,
И камень с такою тоской притяжений,
Что сны тяготеют, как в черной дыре.

* * *

Когда бы ночь точнее астроябий,
Тогда бы сетью из долгот-широт
Приволокли меня из этой хляби
В удушье биться, разевая рот.

Но слава богу, что течение сносит
Захваченные в битве города,
И утешает, и прощенья просит,
И обещает больше никогда,

И не случится ничего, покамест
Вода ударов повторяет счет —
И три, и шесть, и девять, как анапест,
Покуда камень с места не сойдет.

ПАМЯТНИК

за последние дни я впервые почувствовал радость
словно кости младенца она во мне образовалась
словно детские слезы до боли забытой беды
подступили и снова свои повторили следы
и на этих словах я очнулся и боже ты мой
ничего не осталось куда возвращаться домой
и взял камень который лежал у меня в изголовье
и поставил как памятник горний *et urbi et orbi**

* И городу, и миру (лат.)

СКУДЕЛЬНИЦА*

Пойду по полю собирать своих
В скудельницу грудную, словно стих.
Как яблоки осенние, их плоть
С ветвей рассыпал по земле Господь.
Но жизнь и смерть во власти языка.
Я был немым под небом, как река,
Приявшая стотысячный приток,
Я больше сделать ничего не мог.
Я истомился сдерживать его
Обезображенное торжество
И вид его, как будто вид коней:

Кто пожалеет о тебе, Эней?
Кто назовет, как звезды, имена?
Кто выпьет чашу горькую до дна?
Я не останусь, друг, перед тобой
В стыде, как пред прощальной трубой,
Когда с натуги лопались виски,
Луцилий мой, изрубленный в куски,
Когда копьё вонзалось по значок,
Сцевола, в твой расширенный зрачок,
Когда ты, Постум, выдыхал огонь
Пробитой грудью сквозь тройную бронь.

Кому теперь тростинками цикуты,
Длины неравной, словно бы минуты,
На братской тризне я печаль повем?
Кому теперь высокой крови шлем
Нести с собой, как в дальнюю деревню
Пчелиный рой, посаженный в роевню,
Гудящий дым, переходящий в стон,
Укутанный простым, как сон, холстом?

* Общая могила.

* * *

И, обожженный в тигле дней,
Я вышел из среды его.
И потянулась тень длинней,
Чем темное мое родство.

И, словно улей духовит,
Я повторяю, что пришлось
Запечатлеть, как духов вид,
И сохранить в крупицах слез.

Но, боже, для тебя равно
И руны, и руины — всё,
Что запеленуто в руно,
Да узрит царствие твое.

ВТОРАЯ ТРАВА

И слово отступает от меня,
Как отступает от дороги стланик —
Качается от приступов огня,
Как от усталости и горя странник.

Еще пройти на три броска копья,
Разжечь костер и переждать ночную.
Пусть щит разбит, изрублена броня
И роковое посещение чую,

Но в скорби есть такое — гой еси,
Лишь только бы она не перестала,
Лишь только бы, но больше не проси,
Когда и так она твоя отава*.

* Трава, выросшая в тот же год на месте скошенной.

* * *

...Когда всему светло
И вечность ото лба
Не дальше, чем оконное стекло.

Владимир Лапин

Как хорошо вернуться в старый дом
И в нем остаться до скончины мира.
И лучше нет, чем поминать добром
Последнее зияние эфира

Сквозь зеркало оконного стекла,
Что, как камею, вырезал создатель:
И сладок свет, и вечность натекла
Великолепием слепящих капель.

Единственное, что твоей душе
Имеет смысл, не сможешь, не исправишь,
Но ветоши осеннее туше —
И свет дневной продлится из-под клавиш.

И тем во тьме, как дальние огни,
Покажется божественная Майя
И эти слезы, отчего они,
Уже в небытии воспоминая.

* * *

Продлённый день — морская полночь,
Я вышел выслушать тебя,
Я поспешил к тебе на помощь,
Как будто гибнешь ты, трубя.

А ты себя уже не слышишь,
Но песнь по-прежнему поешь,
И воду пьешь, как будто дышишь,
И дышишь, словно воду пьешь.

И, как река, впадаешь в море
И продолжаешь в нем греметь,
И словно не бывает горе,
И словно не бывает...

* * *

Чалму поднял высоко клевер
И опрокинул тень во прах.
И пинии трепещет веер
На амброзических ветрах.

И мнится мне — растут камни
В горячем воздухе, как флот.
О, мы сражались как умели!
Но город тем, что Троя, горд.

И не выдерживают нервы
Строителей ахейских войск,
И стонет жар стотельной жертвы,
И стынет на ладони воск,

Но замыслов уходишь полный
На чаек галечный насест.
И снова волны, снова волны
Свой бесконечный палимпсест.

* * *

Течет река из-под горы.
Ты честно повторяешь «ры»,
Кудепсты каменные гимны,

То чуть ленивее листвы,
А то как маленькие львы,
А то как золотые скимны.

И голос бережно зашит
В платан прибрежный и самшит —
О, сколько узелков с изнанки!

И, может, где-то среди них
Бестужево-марлинский стих*,
Непогребенные останки.

* * *

Дорога серого песка
Сквозь кипарисов анфиладу.
И ты, невидимая взгляду,
Ступаешь легче лепестка.

И голос твой, неслышный в сонме,
Влечет туда еще меня,
Где в черно-синем окоеме
Ждет снаряженная ладья.

И самый лучший в войске лучник
Готов, чтоб точно в цель легла
Уже зажженная стрела,
Похожая на тонкий лучик.

* Александр Бестужев-Марлинский погиб при высадке десанта в Адлере в 1837 году, могила неизвестна.

Гори же, смерть моя от галла!
И доблести воздай сполна,
Как полагается — валгалла
И кубок крови и вина!

* * *

Мы вынесли сами себя на разбитых щитах
И тихо легли на щетину сухого покоса.
И дымные звезды, блаженнее, чем нищета,
Мерещатся, как на лице у меня *lacrimosa*.

И неодолимо кочует в долине земля
Ленивой волной в пустоту, наводящую ужас!
И, может быть, ангел кружится и больше нельзя,
Но острыми крыльями режет и режет окружность.

Поистине в этом присутствует месте Господь
И держит десятые сутки удел наш в деснице.
И тень вытесняется, и истончается плоть,
И прошлая жизнь до пронзительной ясности снится:

Как будто бегу, задыхаясь от счастья, маня
И Катю, и Аню с Ильей в глубину кипарисов,
Пока не повалят на бедную землю меня,
Смеясь и ликуя победно, на шее повиснув.

* * *

Вот огонь и дрова. На морском берегу,
Бедный агнец, всю ночь я тебя берегу.
И, согрев небеса, словно тесные термы,
Осыпаются весла и остов триремы*.
И мне кажется, это твоя требуха,
А не воск на дощечке с прожилкой стиха.
И мне кажется, что под мукою ячменной
И под солью — ударом одним отсеченной,
Бедный агнец, белеет твоя голова,
А не горькой разлуки простые слова.
И, смертельную скорбь обновляя стократно,
Годы горной реки море гонит обратно.

* * *

Этот пышно устроенный город,
Словно донник укусов пчелиных,
И паросского мрамора чище,
И блистательнее водопада,

После долгой осады распорот,
Занесен мириадой песчинок
Так, что и не видать пепелища,
Да уже никому и не надо.

Все ушли и, гонимые роком
И богини злопамятным гневом,
Словно грозною бурей с грозой,
До сих пор не нашли себе места.

* *Трирема* (< лат. *triremis*) — боевое гребное судно в Древнем Риме с тремя рядами весел, расположенных одно над другим в шахматном порядке.

Только ты и осталась в высоком
Вертограде под сладостным небом,
Словно тень, словно прах под лозою,
И еще ничего неизвестно.

* * *

Наконец я, вступающий в возраст,
Убивает когда не железо,
Но законное честное время,
На песок темноводного понта

Возвращен собирать скудный хворост,
И рука со следами пореза,
Принимая древесное бремя,
Отзывается болью, как нота.

Любо мне забываться бессильно,
Успокаивать сердце ходьбою,
Хоть какую бы горечь я не пил,
Слушать эхо свое, как сивиллу.

Неизвестно, увижу ли сына.
Неизвестно, что будет с тобою.
Неизвестно, кто примет мой пепел.
Кипарисную ветку унылу.

ПСИХЕЯ

О, ты не ко мне обращаешься в раннем
Молчанье расстаться с молчаньем,
О, ты обращаешься вновь не ко мне,
Но я настигаю тебя на коне,
Как на языке незнакомом и диком,
Угрозною речью, оборванным криком,
Сорвавшимся голосом, слабой мольбой
Остаться еще на мгновенье с тобой.
Но древний народ, испытующий сердце
И внутренность, с призрачным привкусом перца
Вложил под язык полустертый обол,
И ужас невольный тебя поборол,
И пальцами ты вспоминаешь, гречанка,
Какая на этой монете чеканка.

* * *

И подошел к огню, как тень,
С решеньем крепче, чем кремень,
Заговорил не о потере,

Но как лозу лечить слезой,
Как выжимать из грозди зной,
Как смешивать вино в кратере.

А ты всё сразу поняла,
И камень, как кувшин, взяла,
И, разрушительней циклона,

Пошла сквозь волны тяжело,
Чтоб сердце снова ожило,
Как чайка, словно Гальциона.

* * *

...оку незримых частиц.

Овидий «Скорбные элегии»

Колючей тенью помавая,
Качалась пальмовая вайя,
И я, как варвар, призывал

Морские приступы и зыби,
И заговаривал по-рыбьи,
И продолжал стозвучный вал.

А в голове необоримо
Частицы лабиринта Рима,
Как будто раковины те,

Что повторили участь лучших,
Казалось бы, ушли в ракушник,
Казалось бы, в небытие.

ИТАКА

Ты поживи, порадуйся на свете,
потом приходи ко мне.

Иван Бунин «Холодная осень»

Теперь здесь нищета, и корпия, и жалость,
И кошма слегших трав, и листьев перегной.
И что-то детское в душе моей разжалось
И сбило с ног большой нахлынувшей волной.

И лижет мне лицо, как верная собака,
И скудный воздух, и холодных окон хор.
И я не узнаю тебя, моя Итака,
Укутанный сфумато старый двор.

»
РУНЫ
»

Пусть обижается и обижает влага,
И темный далеко доносится поток,
И погружается развернутого флага
Полотнище в сырой насыщенный песок,

В котором черепки и пифосов, и амфор,
И времени черты, и бога стертый лик,
И смерть приявший так, как только триумфатор,
Железный легион солдатиков моих.

Мы победили в той войне, и я в ответе
Назвать по именам всех тех, кто был в роду,
Пока еще живу и радуюсь на свете,
Но скоро уж приду, но скоро уж приду.

СОНЕТ

В померкший лес посмертная прохлада
Доносится и дальше, и слышней.
О, сколько прахов легких и теней
В скудельницу слетелось листопада.

И кажется, что на пределе взгляда
И жизни убывающей твоей,
Во глубине темнеющих ветвей
Душа остановилась, как дриада,

И вспомнить силится, но снова нет..
И озирается, и так боится.
И невозможно дочитать сонет,

Когда она, с надеждой возвратиться,
На тонких ветках оставляет след
Обрывками захваченной страницы.

* * *

Сегодня все живы, и всё хорошо,
И всё миновало и произошло.
И воздух (не плачьте) не умер, а спит.
И с веток настигнутых свиток летит.
И, сумерки дымом прозрачным поя,
Уже догорает и книга моя.
Что нужды, когда и пенаты, и труд
Наш дом, наш скворечник от бед берегут.
И я повторяю за дочками днесь:
«Вы к нам приходите, не жадные здесь».

* * *

В конце существования язык —
Как лес осенний — шум, и дух, и шорох.
Почти такой, каким он и возник
В черновиках, набросках, разговорах.

Ни времени, ни номеров страниц,
Как в инкунабуле*, и мерзнут розно.
Лишь изредка перелетанье птиц
И обнаженные листвою гнезда.

К тому же ты, сновидец и пришлец,
Займствован, как имя чуждой вещи,
И повторяешься, покуда наконец
Не перестанешь выглядеть зловеще.

* *Инкунабулы* (< лат. *incunabula* — раннее детство, колыбель, начало) — книги, относящиеся к началу книгопечатания, внешне похожи на рукописные книги: отсутствуют заглавные листы, нумерация страниц, часто набраны готическим шрифтом, подражающим рукописному тексту.

* * *

...и я сказал ей: напой меня.

Книга Бытия (24: 45)

Как волны, повторяются слова
Тяжелорунные, и рвется время,
Как голова Орфея, как листва,
Вакханками охваченная всеми.

И слабый свет ладонью заслоня,
Чтоб пламя, словно рыба, задыхалось,
Я говорю тебе: «Напой меня,
Как сдавленный в метаморфозах хаос,

Как панику, как жажду новых дней.
Пусть слышатся лишь сумрачные шумы.
Пусть руны трудные, но разжимай сильней
Изгибы губ сухие, как самумы*.

Дай мне испить немного твоего —
И кровь любви, и молоко угрозы.
И замешательство, что торжество —
Шипок расцвествь готовящейся розы.

Прошу тебя хотя бы об одном —
Печаль пчелы, когда не неба хоры,
Иначе в одиночестве немом,
Как винограду, падать без опоры.

Есть звуки, что источники воды,
И тишина, и место для ночлега,

* *Самум* (араб.) — название сухого горячего ветра в пустынях Северной Африки и Аравийского полуострова: часто сопровождается песчаными бурями.

И от погони горние следы,
Укрытые медвежьей шкурой снега —

Но я, как оттиск, узнаю в твоём
Охрипшем голосе чужую память,
И прошлое, как пустоту пелен,
Ещё осталось в воздухе расправить

И отряхнуть из плащаницы прах,
Приставшие частицы, крошки хлеба,
Казалось бы, преодолевши страх,
Плывущее в огнях пчелиных небо».

* * *

Ещё следов свежа печать,
Но лучше бы не дочитать,
Но лучше бы остаться с этой

Частицей времени и слов,
Куда ж ты рвешься, зверолов?
Потом не жалуйся, не сетуй.

Благодарный знает сам,
Что по таким рискнешь следам —
И вмиг окажешься добычей,

И твой испуганный зрачок
Метаться будет между строк,
Уже лишенных всех обличий.

* * *

Ты говоришь «история», как тот,
Который больше не раскроет рот,
Который больше языком змеиным
Не вылепит звучание из глины.

Ты говоришь «скудельница», как Скульд*,
Как будто знать, что будет, есть твой труд,
И тяжело бегущие буруны
На берег мечут камни, словно руны.

Ты говоришь «валькирия», как я
Хотел сказать бы: «Загони коня
Сквозь сумерки на слабый блеск победы,
По мере нарастанья Старшей Эдды».

КНИГА

В путь, мой свиток, ступай...
Овидий «Скорбные элегии»

Мой свиток маленький, куда тебе идти?
Останься лучше здесь, в отеческой горсти,
Как и советует Гораций, лет на девять,
На сколько знаешь сам, потом лети, как лебедь.
Покуда же не срок, увенчанный листвою,
Благодари богов за мирный угол свой,
Учись покорствовать, и в жребии высоком
Тебя вакцинии покروют красным соком.
И с именем твоим начальная строка,
Быть может, миниум блеснет со дна зрачка.

* Скульд — в скандинавской мифологии одна из норн — богинь судьбы.

И безобразные облагородит пемза
Листы папируса по линии обреза*.
Так время и пройдет, как за тобою тень.
То труженичество, то сладостная лень,
То приступ слабости, то лепта трудовая,
Могучее зерно в себе осозная.
Но если, свиток мой, ты обнаружишь вдруг
На третий, может, день, что я исчез, как звук,
Что в пустоте пелен остались лишь частицы
И только мнится дым развеянной страницы,
Дай силы бог тебе и утверди стопы
С народом вместе быть, но избегать толпы
И миру говорить немногими словами,
Как жили мы с тобой и что случилось с нами.

* * *

По возвращении в места, какие помню
Обрывочно, как сон, расплывчато, как тень,
Как винограда гроздь, я дорожую тройню,
Повисшую на мне, ношу с собой весь день.

По стогнам вековым, по дворикам укромным
Скитаемся, смеясь, сорокоуст ревмя.
Я — словно уносим течением подводным
И бережно храним крылатыми тремя.

* Описывается книга-свиток. В Древнем Риме первая строка с именем автора и названием писалась красной киноварью (минием), страницы из папируса натирались кедровым маслом, обрезы ложились пемзой. Свиток накручивался на палочку, концы которой были украшены рожками из слоновой кости, и укладывался в кожаный футляр, выкрашенный алой краской из ягод вакцинии.

Без них бы я сюда явиться не рискнул бы
И, смалодушничав, держался б в стороне;
Грудную клетку рвал; кусал бы больно губы
И, как Сцевола, кисть — на горестном огне.

От призраков устав, разворотив руины,
Я б жадно не искал по косточке скелет.
Доподлинно, что мозг, из самой лучшей глины,
Уподобляется архитектуре лет.

Мы проходили здесь по *via dolorosa**
Бесчисленное раз, в походную трубя.
Ты жил, Луцилий мой, и значит, ты боролся,
И значит, что днесь мне плохо без тебя.

Пусть угнетают дух смятение и голод,
Холодной осени вечерние огни,
И успокоиться никак они не могут,
И плачут, уходя, и в ночь идут одни —

Доподлинно, что жизнь из той господней страсти
Беспомощней всего, но вы, любовь моя!
Но, Анна, говори, избавь меня отчасти,
Но, Катя, говори и говори, Илья!

* *Via dolorosa* (< лат. путь страданий, крестный путь) — дорога, по которой, согласно христианскому преданию, вели Христа на распятие.

БЛАЖЕНСТВО РАССТАВАНИЙ

*...И ничего – ни музыки без горя,
Ни бури яростной без корабля.*

* * *

По возвращении в места, какие помнишь
Пленительно, как свет, пронзительно, как звук,
Как по воде идешь и, кажется, утонешь,
Оступишься когда, поддавшись на испуг.

По тесным улочкам, по дворикам заросшим
Скитаешься весь день со спутницей своей,
Как будто пламенем охваченный вдруг прошлым,
В сопровождении бесчисленных теней.

Как будто бы несет гремучее течение
Таких таинственных, таких молочных рек,
Как поздняя любовь, разлука, отречение,
Отречение*, о, если бы навек.

Земную жизнь пройдя чуть больше половины,
Должно быть, тот блажен, кто повторить бы смог

* Создано по аналогии со словом «летоисчисление».

Без сожаления сей поезд журавлиный,
Сей длинный выводок, сей дивный некролог.

Что может лучше быть, чем наше лозоходство,
Когда рука в руке пронизана огнем,
И понимаешь, что еще осталось сходство,
Но отдаленное, и дальше с каждым днем.

Пройдем же до конца, как темную аллею,
Как *via dolorosa*, сей последний путь.
И плакать бы хотел, но плакать не умею.
И жить еще хочу, но не могу вдохнуть.

Доподлинно, что жизнь из той господней страсти
Беспомощней всего, но ты, любовь моя!
Но обними меня, не разрывай на части.
Но обмани меня, дыханье затая.

21 июля 2009

* * *

Собака в ворохе листвы
Согрелась, бедная, заснула.
Лишь изредка от снов, от гула
Движеньем резким головы.
Вот так и я срываюсь с мест,
Где не найду никак покоя.
А здесь безмыслие златое
И солнечный сквозь ветви крест
Доносится, но, поздний гость,
Я вынужден продолжить путь свой.
Ты тихим сном меня напутствуй,
А я свою оставлю кость.

И, может, я услышу там,
За тем пределом, за великим,
Как ты зываешь горним, диким
К вечерним, северным ветрам.
Как будто это я свой стих
Вложил в уста твои, но дольше
Ты развиваешься и горше,
Чем голоса молитв моих.

Июнь 2005

* * *

Чужой страны чужие города
Сухие, словно грецкие орехи,
Ты пробуешь на зуб, и не беда,
Что иногда случаются огрехи.

Тем более, по улице — шары,
По гонуэзской — сумрака и солнца.
Здесь Феодосии шумят шатры,
Широколиственно скрывая донца.

Здесь дальше старой крепости плывет
Платан залатанный и тонкий тополь.
И чувствуешь, как движется, живет,
Торгует и работает некрополь.

4–10 июля 2005
Феодосия

* * *

Кустарник укрывает дом
Едва, когда на море шторм —
Трещит, трепещет и теснится.

А ты почти унесена
И, словно сына, жаждешь сна,
Который обещал присниться.

И для тебя не важна вязь,
Какая на стене взялась
Левей и ниже, чем лампада:

«Исчислил царство бог твое,
И скоро полетит листьё,
Хотя не время листопада».

Дай бог, неверные весы,
Дай бог, нечестные часы,
Дай бог, еще всё обойдется.

Ведь волны продолжают штурм,
И моря абсолютный шум,
Быть может, в Шумана прорвется.

10–17 июля 2005

Азовское море

* * *

Тихонько на залив Сиваш
Отрядик двигается наш
За голубой лечебной глиной.

Илья выдумывает сказ,
Чтоб время не касалось нас —
Дорога не казалась длинной.

У Ани в кулачке миндаль,
Она оглядывает даль,
На папины усевшись плечи.

Катюше камешек в башмак
Попал, не вылезет никак,
Но вот: «Прости, до новой встречи!».

А из глубин трубит тритон,
И волн азовских триллион
Бросается на берег Крыма.

И прошлое чревато тем,
Что стрелы могут вдруг со стен
Турецкой крепости из дыма.

18 июля 2005
Сиваш

* * *

И зайчик солнечный от золотых часов,
И знойный звонкий звук пчелиных голосов —
Всё навевает сон и опускает веки.
И в горе муравьи, скорбящие как греки,
Сейчас тебя на щит поднимут, понесут
На пиршество богов, как жертвенный сосуд.

И духу твоему привет и тени с прахом!
Еще немного и... ты справишься со страхом,

Ведь знаешь хорошо — владеющий собой
Сильней и лучше, чем с победною трубой
Захватчик города. Так выпей напоследок
Гиблейский мед со мной, как твой великий предок.

20–24 июля 2005

Евпатория

ААРОН*

...воды были им стеною...

Исход (14: 27–29)

Как не было «Теней», так не было и «Рун».
И губы не кусал, и не касался струн.
И зыби вод морских не разводил рукою,
И из чужой земли с хронической тоскою
Не уводил домой по суше между стен
Пучины бешеной, на миг попавшей в плен.

И виноградника венозную награду
Не принимал до дна за солнечную жажду,
И выжженной степи не выжимал меха
Косноязычные по капельке стиха,
И — напрочь — горячась — без меры веселя —
Свободный перевод молчанья Моисея.

2005

* *Аарон* — (евр. «осиянный») в ветхозаветных преданиях первый в чередѣ первосвященников. Призвав косноязычного Моисея к пророческому служению, Яхве велит ему взять Аарона своим толмачом.

* * *

И снова начиная говорить
На языке пчелином и печальном,
Я не боюсь ни капли повторить,
Что сказано во времени начальном.

Увещевая вещи и слова
Звучанием глагола и причастья,
Как баркарола, плавает листва
Частицами приснившегося счастья.

Как бабочки, туда, за облака,
Где, может, только что сейчас раздалось,
Чтоб наконец-то каждая строка
Росла, как родословие и радость.

2005

* * *

Моей бабушке Ф. И. Котовой

В десятый месяц и последний день
На снеге первом стынет в неге тень,
И сквозь завой северного ветра
Доносится знакомое, как ретро,
И, прислонившись к дереву спиной,
Еще внимаешь радости земной.

В сумятице охваченный всецело,
Еще следишь за тем, что уцелело,
Осознавая тщетность, ведь оно
Случилось и почти унесено,
Хотя душа никак не перестанет —
Нахлынет вдруг, и вспомнит, и отпрянет.
Я сделал всё, что может человек,

БЛАЖЕНСТВО РАССТАВАНИЙ

И вот теперь мой безобразный бег
И плач взахлеб меня остановили,
Не знаю где, и в дерево вживили,
И ощущаю здесь среди ветвей
Присутствующих в памяти моей.

И если, смерть, ты празднуешь победу,
Так что же бабушка всё ждет меня к обеду
И напевает тихое без слов?
И я за нею повторять готов.
Помимо поминального, без крепа
Звучи же, терпеливая Эвтерпа!*

Октябрь 2005

* * *

Я просто слушаю тебя
В последний вечер декабря,
Качели оседлав во мраке.

И неразборчивы слова,
И сном объята голова,
И это голова собаки.

И в темноту уводит крипт,
И кажется, что в манускрипт,
В катастрофические строфы.

И нет уже ни февраля,
Пока дойдешь до фонаря,
И ни строфы, ни катастрофы.

25 ноября 2005

* *Эвтерпа* — в греческой мифологии одна из девяти муз, покровительница лирической поэзии.

* * *

В эпической поэме «Возвращенье»
Рапсод мне уделил лишь десять слов,
Как «наблюдал за звуком в восхищенье
И налегал всем телом на весло».

Убрав большие паруса, триера*
Шла на прорыв сквозь вражеский заслон,
Врезаясь в брешь так резко, как пантера
В надежде, что неповоротлив слон.

Но как ни обжигали мы ладоней
И как ни били зыби горьких вод,
Всё ж предводитель Беотии** Клоний
При столкновении упал за борт.

И по прошествии еще осталось
И проявляется порой, как зуд,
Что не товар к чужой земле сквозь хаос,
Но акротерий*** радостно везут.

И вновь богам клянешься в отмщенье,
И пьешь вино как бушеванье слов,
И ожидаешь звуков в восхищенье,
Что извлекает вечное весло.

7 декабря 2005

* *Триера* — корабль с тремя рядами весел.

** *Беотия* — область в Средней Греции.

*** *Акротерий* — украшение на носу корабля.

* * *

...но будет тебе имя...

Книга Бытия (17: 5)

А впрочем, послушай, а впрочем, послушай —
в концертном
Торжественном зале акустику тронешь фальцетом
И вырвешься в бешенстве бычьем и по акведукам
И мраморным стогнам дашь волю отравленным
звукам.

Собакоголовый, влекущий фортиссимо эха
Сквозь город холодный, зияющий, словно прореха,
И вспомнить не сможешь, когда же он освободился
От темных повязок и черных ветвей кипариса.
Ведь для очевидца еще неразборчиво сходство,
Что лишь чечевица за проданное первородство,
Но все-таки дай мне, дай этого красного, ибо
Усталость смертельна и некуда деться от нимба,
От знака особого благоволения бога,
От имени, ставшего чуждым — от нового слога.

2006

* * *

Теперь тебе ни редких встреч
И ничего не убережь —
Ни площадей, ни акведуков.

Ограбленный, куда пойдешь?
И оглашенный, что поймешь
В сумятице шумерских звуков?

Молчишь — не знаешь, словно слов.
Не спишь — не помнишь, словно снов,
Яришь теней и разных прочих.

Меняются хитоны стен,
Но всюду проступает тлен,
И всюду узнается почерк.

То имярек, то автолик,
Как список запрещенных книг,
На вечной извести чертога.

Но сердце как закончит труд?
Но легкие, но как вдохнут,
Как дочитают Имя Бога?

2006

* * *

Иди туда, куда влечет
Аттической пчелы полет
И в сумерках мерцает тускло.

Не всё пусть отнято, но то,
Что отнято — уже ничто,
Уже как родовая кукла.

И заново учись слова
Произносить — «земля», «трава» —
И далее, что только память

Способна вынести наверх,
Как, может, самый тяжкий грех,
И в ужасе в живых оставить.

Май 2005

* * *

И прозорливец, и слепец,
Я вышел к морю наконец,
К полузатопленному молу.

Оставив город-лабиринт
На ветке биться, словно бинт,
И с ветром повторять *tremolo*.

Волна в исчерпанном броске
Здесь громыхает на песке,
Как разволнованное сердце.

И дальше бы за горизонт
Пуститься через Черный понт,
Когда б на посох опереться.

Но вечности не превозмочь,
И невозможно больше прочь,
Взыскупя доблести и славы.

И вскоре отпечаток твой,
Неразличимый, теневой,
Придя в себя, обступят ларвы*.

2006

* *Ларвы* — в римских верованиях опасные демоны, которым приписывалась способность насылать некоторые виды безумия.

ЛАЦЕРТЫ

...я звать их «лацертами» буду...
Гете «Эпиграммы. Венеция 1790»

Произнеси, задумавшись едва,
Какие детские в тебе слова
В предвосхищенье пребывают сладком,
Как зернышки за вытертым подкладом,
Как голоса блаженной той поры,
Где жизнь не отличалась от игры.

Я их зову лацертами, поскольку
Они то вовсе недоступны оку,
То бегают по солнцу там и тут
И хвостик за собою волокут.
И, как ни странно, это мельтешенье
Приносит мне покой и утешенье.

Смежив глаза, и я вживаюсь в хор.
И если жив еще я до сих пор,
То, видимо, благодаря молитвам.
И, словно в притяжении магнитном,
Я повторяю по твоим устам:
«И я там был. И снова буду там».

2006

* * *

Вот заболеешь вдруг, и что тогда?
Подумаешь, забота да беда,
Подумаешь, бессилие да жалость
День ото дня растут, преобразаясь,

Пока не ужаснешься, что глаза
(Возможно ли?) уже открыть нельзя.
И остается только в бесконечность,
Теряя незаметно человечность.
Но всё равно цепляешься за речь,
Чтоб из последних сил еще наречь
И сонмище вещей, и вереницу
Существ несуществующих: и птицу,
И женщину седую, и тюрьму,
Как к горлу подступающую тьму.

Пусть мозг кипит, когда такое войско
Течет от Микеланджело и Босха!
Пусть через миг обрушится Атлант,
Над головой вознесший фолиант!
Но все-таки последнее успею —
И до конца цветущую аллею
Под сводами гиблейских, честных пчел
И я прочту, как предок мой прочел.

25 февраля 2006

ЦАРСКИЙ КУРГАН В КЕРЧИ

Как панцирь черепах, и насыпи кургана
Над усыпальницей боспорского царя.
Постой и охвати зрачком, как филигранна
И выжженная степь, и поступь сентября!

Забудешься на миг, и распахнется космос
Пылающих костров, и больше не вдохнуть,
Но ты уже зашел под свод, хоть медлишь в дромос,
Что в переводе с греческого значит «путь».

О, совершенна как уступчатая кладка —
За рядом равный ряд, за родом ровный род.
И знаки христиан, и четкость отпечатка
Костистой рыбы твой сопровождают ход.

Когда же ты дойдешь до самого начала
И обернешься вдруг на узкий коридор
Рустованных камней*, то вспомнишь, как кричала,
И разбивала в кровь, и прерывала хор.

Вот мудрость мастеров — и кривизна стенная,
И наклоненный пол обманывают глаз,
И сколько ни беги, ругаясь и стеная, —
Настолько далеко, и дальше каждый раз.

2006

* * *

Апрель второго дня две тысячи шестого,
И утренний мороз колючей шерстяного,
И после праздника, *post festum*, после снов
Какие отблески от соляных столпов!
И хочется бежать из собственного тела
По Пушкинской пустой до самого предела
Сквозь путаную сеть сияющих теней
И оставлять печать горячую ступней.
И, продлевая жизнь дешевым алкоголем,
Скитальцем вечным быть, изгнанником, изгоем.
И тот же грызть сухарь соленый до сих пор —
Прощальный полонез, Огинского минор.

Апрель 2006

* *Рустика* (лат. *rusticus* простой, грубый; буквально — деревенский) — в архитектуре рельефная кладка или облицовка здания камнями с грубо отесанной или выпуклой лицевой поверхностью (рустами).

* * *

Деревьев позвоночный хруст.
Деревья оставляют пни.
Губами Байрона шепни:
«О, Вы достойны лучших чувств,
Чем чувства их или мои!».

Всю жизнь готовишься ко дну
Пойти вот так же, как они,
Но задаешься в эти дни:
«О, как оставлю, отжену
Произведения земли!»

2006

* * *

О чем тебе сказать еще?
О чем еще сказать?
О том, как ночью горячо
Уязвлены глаза?

О том, как суета сует
Ограбила меня?
И больше света того нет,
И нет того огня.

Лишь в памяти — река, холмы,
Отъятые судьбой.
И в бронхах больно бродит дым,
Что раньше был тобой.

2006

* * *

Охватывая голову руками,
Как задержать еще сквозящий сон,
Когда то рыбками, то мотыльками,
То звуками, похожими на стон?

Так целый день сегодня Анна с Катей
Ловили проплывающий пушок.
Как выросли они! Об этом, кстати,
Неплохо бы добавить в сей стишок.

Поистине в шатре шумящей шелковицы
Под тяжким ветром полночи морской
Блаженство — продлевать свои страницы
И упиваться вечною тоской,

Пока не безвозвратно опустели
Златые соты памяти твоей,
И лучше не найдешь себе постели
Из высохших на берегу сетей.

Июль 2006
Евпатория

* * *

...Твой жезл и Твой посох — они
успокаивают меня.

Псалом 22

И город, названный в честь Митридата
Евпатора Шестого, стал родным.
Иди еще неистово куда-то,
Без усталости лови устами дым.

Теперь, когда она уже случилась
И больше нет обличий никаких,
Не знаю, что, какая-то пчелиность
И вразумляет, и врачует стих.

Когда бы бросил я пучину горя
На раковины храмов и жилищ,
То смёл бы всё, и лишь пустыня моря
Покоилась на месте б пепелищ.

Но мне успокоительней по стогнам
Тысячелетний в нетях лабиринт
И с рокотом, и клетотом, и стоном
Наматывать в который раз, как бинт.

Ведь эта весть доспехи расколола,
Пронзила грудь и вышибла хребет.
И не было ко мне господня слова,
И веры не было в господний свет.

Но все-таки и я, убрав огарок,
Средь сумрака свечу за упокой,
И от слепого мальчика в подарок
Колючий посох взял, простясь рукой.

Июль 2006

Евпатория

* * *

Шары большие фонарей
Почти касаются ветвей
И освещают сосен иглы.

И видно мне из-под шатра
Полночного, как мошкара
Сии светильники настигла.

И я, объятый темнотой,
Минуты дожидаясь той,
Когда ты по аллее сада

Пойдешь с челом шипящих змей
В сопровождении теней,
Чтоб передать мне чашу яда.

Июль 2006
Евпатория

* * *

На золотом на берегу
Ищи турецкую серьгу,
И что осталось от кулона,

И часть обшивки корабля, —
Быть может, море для тебя
Сегодня будет благосклонно.

И выбросит на белый свет
По истеченье тысяч лет
Монету, что зовется «рыбка»,

А может, «мальчика с гусем»
В великолепии во всем,
Хоть эта вероятность зыбка.

Но все-таки уйти ни с чем,
По сути, значит сдаться в плен
И умереть в каменоломнях,

Соленым воздухом дыша
И думая, как хороша
Ракушка древняя в ладонях.

Июль 2006
Евпатория

* * *

В Каламитском заливе на верфи
Я великий корабль построю.
Мачты будут из кедра Ливана.
Из Васанских дубов будут весла.
А помосты так из кипариса.
А скамьи все из дерева бука
И с оправой из кости слоновой.
А когда в Каламитском заливе
Завершу я свой труд терпеливый,
Брошу жребий тогда и узнаю —
Снова сжечь всё и в нетях остаться
Или следовать голосу крови?

Июль 2006
Евпатория

* * *

И жалость словно жимолость растет
Тосканская, о чем она лепечет?
То прижимается, то оттолкнет,
И бесконечен этот чет и нечет.

На детском празднике на вековом,
На пристани настигнет или где-то,
И слезы вытирает рукавом,
И щурится от пристального света.

Я думал, бабушка, что ты, как есть
И как была, продлишься бесконечно.
Но получил так поздно скорби весть,
Когда покинул город наш беспечно.

И каждой ночью, жалостью дыша,
Забытое блажит уединенье
И замирает в ужасе душа —
Увидеть бы, хотя бы привиденье!

17 августа 2006

* * *

Как навеститель чуждый, я пришел
В осенний лес заветный сон исполнить.
Когда мне было так же хорошо,
Уже на белом свете и не вспомнить.

Остались лишь багровые глаза
И вышитые бабушкой салфетки,
И раз за разом выпита слеза,
Растущая на бересклетной ветке.

И так печален приступ ветровой
И обдает так тяжело недоверьем,
Что даже книг моих шумит привой,
Старательно подвязанный к деревьям.

2006

* * *

Проснулся и опять заснул
И в тот же погрузился гул,
Насилу вырвался откуда.

Так проливается вода,
А вот собрать ее — беда,
А сделать слаще — вовсе чудо.

Чуть свет — Тайгетская скала,
И чья-то властная взяла
И держит навесу десница

Больного, слабого меня,
Трехлетнего, и вижу я,
Как в воздухе перо кружится.

2006

* * *

Устроим проводы теней
Под сводом сетчатых ветвей,
Как водится, на всю неделю.

Достанем крымского вина,
И долю львиную до дна,
И только капельки на землю.

Блажен расставшийся с тобой,
Отрекшийся, ушедший в бой
И не вернувшийся с победой.

Но ты не сдерживай уста
И снова с чистого листа
Увещевай и проповедуй

О том, как суета мерзит
И как судьба сердца разит
И тяжело возлагает бармы.

И я продолжу череду,
И через ту черту пройду,
И общей не избегну травмы.

Благословен осенний свет
И ветер, что сведет на нет
Со временем, как иммортели*,

Как те цветы среди травы —
И не сказать бы, что живы,
И до конца не осмертели.

2006

* * *

Исполнимся. Сомкнемся темным смехом.
Я в сумрак кутаюсь, как в шкуру льва
Немейского с чуть опаленным мехом.
И ты, немея, знаешь, что слова
Еще немного и меня погубят,
Когда такая доля и вина.
Исполнимся. Другие не пригубят
Из нашей чаши аромат вина,
Холодноватый и с тонами ягод,
С оттенками и кедра, и углей,
И, кажется, забытых детских тягот,
Затерянных во глубине аллей.
Исполнимся. Внесем в свои тетради
И, как Сцевола руку на огне,
Удержим и мелодию Вивальди,

* *Иммортель* — растение бессмертник.

И тайное смятение во сне
Апостолов, забывшихся в печали, —
«Душа скорбит, но будьте же бодрь», —
Но мы ведь языка не предавали,
И не презрели прошлого дары,
И после ночь пустынною дорогой
Не шли, неся за волосы его
Большую голову, уже с тревогой
Взыскав цель похода своего.
Исполнимся. Вернем в сырую землю
И, чтоб не осквернился скорбный дух,
Пребудем днесь, немея пред метелью,
В саду застывшем, обратившись в слух.
Когда же шум, идущий по деревьям,
Дойдет до нас так тяжело из глуши,
Тогда ли окончательно поверим,
Что сам Господь пошел вперед души?

2006

* * *

Укройся с головой и спи.
Не думай, что еще случится
Катастрофичное, как п,
Как бесконечная частица,
Какую вышиваешь днем
И сладко распускаешь ночью,
И обновляешь скорбь о нем
Невыразимую и волчью.
И что там Рим, и что Ижевск
Тебе, заснувшая менада:
Великолепие и блеск
Воскресный — ничего не надо.

2006

* * *

...стрелы ее — стрелы огненные...

Книга Песни Песней

Пусть это лишь блаженство расставаний,
Но эта ласка слаще, чем вино,
И в лабиринте улиц без названий
Мне задержаться было суждено,
Чтоб напоследок встретиться глазами
С тобою, долгожданная, на миг
И, уходя из города, как знамя,
Без устали ловить устами лик
Поверх бровей тончайших, словно стрелы
Гортинские, но, горлинка, прости,
Что невозможно превзойти пределы
И через время призраком пройти.
Благословен воспринявший разлуку,
Как соль соленую и ясный свет!
Пусть не пожать протянутую руку,
Но всё же этой ласки слаще нет.
Пусть не пойти с тобой нам в виноградник
Смотреть, не распустилась ли лоза.
Там битва прежняя, там бьется всадник
Средь всадников, там блеск слепит глаза
На горизонте плавленого моря,
И марево, и в трещинах земля,
И ничего — ни музыки без горя,
Ни бури яростной без корабля.
И невозможно превзойти пределы,
Но положи на сердце, как печать,
И ревность, словно огненные стрелы,
И книгу, что уже не дочитать.

15 февраля 2007

» БЛАЖЕНСТВО РАССТАВАНИЙ «

* * *

Когда проснешься ночью и того,
Которого душа твоя так любит,
На ложе не найдешь своем, и ничего
Страшнее, видимо, уже не будет.
И время остановишь на скаку,
И бросишься по городу пустому,
Уже неся в себе смертельную тоску,
Еще храня любовную истому.
И буду я бежать, тобой томим,
Тебе вослед, невидимый для взгляда.
И мед и молоко под языком твоим,
И груди словно грозди винограда.
И волосы твои как водопад,
Ночей благоуханные бурнусы,
И до сих пор на мне, как звездочки, горят
Пожары губ и жадные укусы.
Дай мне еще услышать голос твой
И повтори, как раньше повторяла:
«И левая рука твоя под головой
Моей, а правая меня объяла
(Как вечное дыхание — стихи)
Блаженной сна и призрачной воздуха*.
И кровью бы успеть, как амброю духи,
Скрепить твое явление, как духа!».

24 февраля 2007

* *Воздух* — покровец, полагаемый сверху священных сосудов.

* * *

Беги. Скрывайся от меня.
В ночи не зажигай огня.
Не оставляй следов. Меняй обличья.
Пусть Бог хранит твои пути,
А я смогу тебя найти,
Когда-нибудь смогу тебя настичь я.

Благодарю за твой укус,
Что возвратил мне к жизни вкус
И навсегда позволил мне запомнить,
Какие брови у тебя
И как исчезла ты, любя,
И прѣзрела мне сердце успокоить.

25 февраля 2007

* * *

Неужели ты колдунья,
Нежная моя?
Ворожишь, что не уйду я
В дальние края.

Но какая-то отрада
В сердце напослед.
Ничего уже не надо.
Ничего и нет.

Не сбивай же ты с мотива
Плакальщиц других.
Повторяй еще ревниво
Мой заветный стих.

Апрель 2007

* * *

И, может быть, мы встретимся с тобой,
Когда умрем. С восторгом и тоской
Друг к другу устремятся души наши,
Вдруг ощутив, что мы встречались раньше.
Но мы не помним этого, увы!
А может, к лучшему. Ни эти швы,
На грудь мою возложенные нежно,
Когда я искогтил себя мятежно
И бурю протрубил, объятый тьмой:
«Не уходи, побудь еще со мной», —
Но, честная, ты всё равно исчезла,
Как страстно ни держал тебя за чресла
И ни лобзал лобзаньем уст своих
Бесчисленное раз, как вечный стих,
Как запах олеандра и левкоя.
И ничего — ни музыки без горя
И ни прощения без горьких слез —
Всё обещало быть, но не сбылось.
И вот теперь, как столб гудящий дыма,
Я выхожу за край — на берег Крыма?
На площадь Петербурга? На траву
Осеннюю? — склонить свою главу.
Ведь амфора вина уже окрепла,
Чтоб стать моим вместилищем для пепла.
По истечение тысячи ночей
Смогу ли я забыть твоих очей
И плен, и блеск и брови, словно стрелы,
Летающие так грозно и так смело,
Как со знаменами в бою полки?
Пусть не пожать протянутой руки
И не продолжить Книги Песни Песней:
«Что будущего может быть чудесней?

Когда бы только мог подумать я,
Кем некогда ты станешь для меня!».

Апрель 2007

* * *

За что упорна так болезнь,
Которая почти что песнь,
Пропетая устами Бога?

И ты виновница того,
Что не осталось ничего —
И ни тоски, и ни восторга.

И отношение к тебе
Как безразличие к судьбе —
Как будто всё уже отняли.

И вечный поиск в сонме лиц
Твоих бровей, твоих ресниц
И глаз, играющих огнями.

И буря сильная внутри,
И, как сумеешь, повтори
Пропетое на незнакомом,

На невозможном языке,
Пусть знаки сжаты в кулаке.
Пусть звуки сбиты в горле комом.

И пусть уже теряешь вид,
Но продолжай, как царь Давид,
Влечь кипарисовым орудьем,

Как волны темные прибой —
Какими были мы с тобой,
Какими мы уже не будем.

30 апреля – 6 мая 2007

* * *

Он думает, что ненавидит, а сам
любит и любит.

Грэм Грин «Конец одного романа»

Как в Первой Книге Царств Саул грозит Давиду,
Так я грызу и горечь, и обиду
На замысел божественно-простой,
Так странно разлучивший нас с тобой.
Хотя какого ждали мы итога,
Осознавая, что нельзя так долго
Носить в себе смертельное зерно,
Что рано или поздно всё одно
И с нами это наконец случится?
Не лучше ли тогда поторопиться
И вытолкать из сердца своего
Любви едва живое существо?
Поскольку жить нельзя в таком неверье,
Пускай оно умрет тогда скорее,
Но менее мучительно умрет,
Чем через месяц или через год.

И вот теперь я просыпаюсь ночью —
И словно вижу всю тебя воочью,
И словно волк — искусный Автолик* —
Я с памятью меняюсь каждый миг.
И возмущен мой дух, и сон отпавлен
В изгнание по анфиладе спален.

* *Автолик* — в греческой мифологии ловкий разбойник, обитавший на Парнасе; отец Антиклей — матери Одиссея. Автолик получил от своего отца Гермеса дар плутовства, способность становиться невидимым или принимать любой образ. Автолик означает по-гречески «сам волк», или «олицетворение волка».

Чудовищный, о, как я ревновал!
И вырывался прочь, и горевал
По сущим пустякам мучительно и сладко —
И грела боль, как в детстве шоколадка.
Но прошлое, создавшее твою
Сегодняшнюю жизнь, я, словно вечность, пью:
И, мнительный, я снова замираю
Пред бездною того, чего не знаю;
Пред бесконечным перечнем всего,
Что было до меня, как торжество.
Ведь только первая вполне упоевает
И помнится любовь и напевает
Ту песенку, знакомую до слез,
До горьких губ, до спутанных волос.
Но, как сказал поэт, «и мне осталось»,
Пускай осенний дым, пускай усталость.
Но если умираешь каждый день
От голода — спасает даже тень.
А ты красива, как листва под ветром,
И тихо светишь серебристым светом.

Теперь существовать придется без тебя.
По сути, промолчать, когда сказать «скорбь»,
По сути, ничего не выразить словами,
Но если грудь вспороть — какое пламя
Взметнется до небес, и, абсолютно пуст,
Куда теперь пойдешь, горящий куст,
Стреляя искрами, роняя пепел?
Когда вчерашний день был так чудесно светел,
О, как расстаться со вчерашним днем,
Когда такое счастье было в нем.
А ныне мира нет и нет отрады.
И пусть еще вершишь, как будто бы обряды,
Обыкновенные свои труды
И здравствуешь от хлеба и воды,

Но даже божий дар уже не утешает,
Но отвлекает замыслом, мешает
Сосредоточиться, родная, на тебе,
Какою ты была в моей судьбе —
И что-то шила или вышивала,
И воздухом одним со мной дышала,
Предчувствуя, как будет там потом,
В пространстве запредельном и пустом.

3 сентября 2007

* * *

...он заблудился в бездне времен...

Николай Гумилев «Заблудившийся трамвай»

Евпаторийского трамвая
Узкоколейка хороша.
Вот появился, призывая,
И отзывается душа.

Как хорошо, что путь известен
И с рельс, как раньше, не сойти,
И пусть сей круг печальный тесен,
Но лучшего мне не найти.

Неси туда, за три квартала,
Где горько Горенко жила,
А может, горлинка летала —
Роняла перышки с крыла.

28 июня 2007

* * *

Вагон печальный, душный, тесный.
И путь не близится к концу,
Но высунься в окно — и пресный
Ударит ветер по лицу.

И в воздухе очнутся боги,
И голову опустошат,
И слово оборвут на слоге,
И сладко памяти лишат.

И ты ее уже не вспомнишь,
И нет причины воздыхать.
Как будто не любовь хоронишь,
А едешь к морю отдыхать.

Как будто не было прощанья,
И слепо повторяешь ты
Не приступы, не причитанья,
А ударенья пустоты.

1 июля 2007

поезд «Москва – Евпатория»

* * *

Попробуй веки разожми,
Пойдем, иного не желая,
Смотреть мечеть Джума-Джами
И храм святого Николая.

Душа еще уязвлена
И, словно море, неспокойна,
Но легче ей, когда пьяна
От каберне и совиньона.

И врёменное торжество
Пронизано вечерним светом,
И дым пожара моего
Так далеко разносит ветром.

5 июля 2007
Евпатория

* * *

Как серебристы кипарисов
Под ветром шквалистым верхи —
Он так чудовищно-неистов,
Как Маяковского стихи.

В своем порыве безобразном,
Как бык безумный, тяжело
Летит вслепую раз за разом,
И разбивается стекло.

Я тоже выпью чашу эту
С горячей ярости вином.
Я тоже понесусь по свету
В челне с потерянным веслом.

Я тоже задохнусь судьбою,
Хоть большего блаженства нет,
Чем совладать с самим собою
И за Рахиль служить семь лет.

7 июля 2007
Евпатория

* * *

Креветки, мидии, рапаны —
Кричат торговцы и несут
По побережью неустанно
И гривны требуют за труд.

И сладко мне лежать и слушать
Их южный говор и волну.
И мне хотелось бы искушать,
Но я и так иду ко дну.

Ведь «Инкермана» и «Массандры»
Дары желанны и просты,
И эффективны их удары
По кошельку — до пустоты.

Но мне уже невыносимо
Существованье без любви,
Так что пускай проносят мимо
Соблазны лучшие свои.

8 июля 2007

Евпатория

* * *

И мне дарует мой недуг
Спасительный и верный звук —
Минор темнеющего сада.

Он словно бы благая весть,
Но большего уже не снесть,
Но большего уже не надо.

Когда бы только тихий стон,
Когда бы только айлинон*,
Но замирает понемногу

Как будто бы прощальный горн,
Когда враги со всех сторон
И нет надежды на подмогу.

Вот, кажется, совсем затих,
Но продолжает ли он стих —
О, как почувствовать по-птичьи —

Какую он теряет плоть,
Преображаясь, как Господь
В своем сиянье и величье.

11 июля 200
Евпатория

* * *

Платан раскинул ветви так,
Что, как крылом, накрыл чердак
В высоком доме рядом с раем,

Куда хороший человек
Зазвал на ужин и ночлег,
За что я сердцем благодарен.

Поскольку на́ море штормит,
Еще немного свет затмит —
Бушует, блещет и грохочет.

А здесь платан один звучит
И всю-то ночь скрипит-стучит,
А мне всё кажется — пророчит.

* Жалобное причитание.

Конечно, это не Платон,
Но словно что-то знает он
И всё никак не достучится.

И смутно на душе моей
От дико пляшущих теней,
Что скоро худшее случится.

13 июля 2007

Евпатория

* * *

Уклони очи твои от меня, потому что
они волнуют меня.

Книга Песни Песней

Уклони в печали очи,
Очи уклони.
Стали дни мои как ночи.
Ночи словно дни.

Нам нельзя с тобою вместе,
Знаешь ты сама.
Впереди — дурные вести.
Вечная зима.

А пока теряет город
Жаркую листву.
И меня терзает голод
Жизни наяву.

Ведь опутанный узлами,
Как Лаокоон,
То, что было между нами,
Возвращает сон.

У тебя такие брови —
Стрелы от невзгод.
У меня не хватит крови
В високосный год.

Я тебе отдал бы разум,
Память и стихи,
Но боюсь — вернешь всё разом,
Как мои грехи,

Словно прожитые ночи
Без тебя и дни.
Уклони же снова очи,
Очи уклони.

16 июля 2007
Евпатория

* * *

И взоры утолил, и никнет голова,
Но в синей глубине еще плывут слова,
Как рыбки львиные с их праздничным нарядом.
Ни сил, ни воли нет сквозь веки темным взглядом
За ними наблюдать в Таврических садах.
Вот горький Коктебель с горою Кара-Даг,
Где дом и мир обрел художник и мечтатель.
Добавить бы еще три сотни жарких капель,
Чтоб наконец заснуть и не следить за тем,
Какое *déjà vu* от генуэзских стен
То Феодосии, то крепости Чембало.
Но если бы чуть-чуть сознание прочитало
О том, как Херсонес в объятьях нереид,
Качаясь на волнах, на солнышке горит...
Но поздно, Постум мой, уж потянули сети.
Так принимай взамест амброзии и смерти

Пурпурный виноград и водопад Джур-Джур.
Неведомый на вкус. Невидимый вприщур.

19 июля 2007

Севастополь

* * *

...И мне будут сниться, алмея,
Слова, чтоб тебя оскорбить.

Иннокентий Анненский

В какой-то город неземной,
Как в лабиринт, в палящий зной
Меня алмея* заманила

И бросила. И вот брожу
И бесконечно прихожу
На львиный зов акваманила**.

Припомни, как мы говорим:
«Дороги все приводят в Рим», —
Меня приводят в этот дворик.

И что ни делай — всё сюда.
Вот в чем проблема, в чем беда,
Вот в чем вопрос, мой бедный Йорик!

А впрочем, здесь почти что сад —
И абрикос, и виноград,
И сон в ограде тамариска.

* *Алмея* — танцовщица.

** *Акваманил* (лат. *aquaemanalis* < aqua вода + manus рука) — древний сосуд для воды, настольный ручнойник. Изготавливался из бронзы или глины, обычно в форме зверя, птицы, всадника.

И вирши пишутся легко,
И ты, алмея, далеко,
Иль как тебя там? Одалиска?

21 июля 2007

Евпатория

* * *

Приятно, что июль. Ведь налицо — сентябрь.
В таврической жаре летит листва сухая.
Платан идет ко дну, как боевой корабль.
Акация цветет, как женщина, вздыхая.

Засохшая трава улиток скорлупой
Унизана, как бус оборванные нитки,
И горестно звучит под тяжкою стопой,
Как альтовый концерт в старинном стиле Шнитке.

Вот так же год назад я проходил вокзал,
И мир благословлял, и уповал на милость,
И тихо песню пел, и ничего не знал,
Что бабушкина смерть уже в Ижевск явилась.

24 июля 2007

Евпатория

* * *

О, кем ты стала для меня?
Дай мне осмыслиться, храня,
Как очи, горечь отреченья.

Не знаю, сколько дней прошло,
Но стало пусто и светло,
Как будто нет кровотеченья.

Как будто временем другим
Охвачен, начинаю гимн,
Который наконец погубит.

Как будто ненависть моя
Слабее твоего огня,
И сердце любит, любит, любит...

25 июля 2007

Евпатория

* * *

Как прежде, на пустынный брег
Вершит свой бесконечный бег
Волна с волною белопенной.

На месте прошлого костра
Горит до самого утра
И мой огонь во тьме Вселенной.

Твои бесценные дары,
Господь, прекрасны и щедры,
Но мне достаточно, что тайно

Ко мне является она,
Как вестница и как весна,
Прозрачна и благоуханна.

Пусть ничего не говорит,
А только смотрит, как горит,
И прочь уходит до рассвета,

Но я блажен и тем, что есть,
Хотя бы призрачная весть
С того немислимого света.

31 июля 2007

Новосиньково

* * *

А в темные часы мои
Как неизбежное прими,
Как с ядом чашу круговую,

И недоверие, и гнев,
Когда преследую, как лев,
Когда я так тебя ревную,

Как не ревнуют ни к кому,
Как, может, только свет и тьму,
Как, может, лишь сырую землю.

Какое множество узлов!
И я твоих не слышу слов,
Не понимаю, не приемлю,

Пока не выгорю дотла
И не увижу, как светла
И как любовь твоя окрепла.

Прости, любимая, меня.
Я сам боюсь того огня,
Укрытого слоями пепла.

11 августа 2007

ПЕСЕНКА

Бедная моя,
Из небытия
Я тебе пою
Песенку свою.
Я пою тебе
О своей судьбе,
О своей любви,

Тающей в крови.
Словно бы беда,
Словно кромка льда
Ломкая — не стонешь,
Просто молча тонешь.
Бедная моя,
Ждешь ли ты меня?

27 сентября 2007

МИНОТАВР

Вот минойские юноши прыгают через быка.
Я наверное знаю, что рана моя глубока
И чудовищна будет. Но нам, уязвленным любовью,
Наслаждение — смерть соблазнять своей плотью
и кровью.

Ибо нечего больше терять, потерявши твои
И надежды, и слезы. Но все-таки останови
На мгновение взгляд на разбеге упругом и смелом,
Представляя меня после сальто уже за пределом.

Я наверное знаю, что ты не сумеешь сдержать,
И проявишь себя исподволь, и не сможешь бежать,
Задыхаясь от страха. Но нам, пораженным тобою,
Наваждение это подобно смертельному бою.
Ибо как после этого жить, отравивши твою
Совершенную память. Но все-таки я не молю
О прощении, как о пощаде. Останемся вместе,
Пусть не в райском саду, так хотя бы в стремлении
к мести.

Я наверное знаю, что ты повторишься, как стих,
В предстоящих, как сны, воплощения чудных моих:
И когда зашатаюсь в венце серебристого лавра
Или даже когда возреву, словно дух Минотавра,
Опрокинув тяжелую голову в черный песок.
Распрощаться без крови, без этих нахлынувших строк
Не случится уже никогда, до последнего слова,
Отрекаясь от прошлого снова, и снова, и снова.

14 декабря 2007

* * *

Что заставляет говорить
На древнем языке печали,
Как неизбежность повторить,
Что было сказано в начале?

И повторялось столько раз,
И столько повторится снова.
Как будто бабочки окрас,
Какая, боже мой, обнова!

Какая радостная весть
С того немислимого света!
И время попрощаться есть
И мир благословить за это.

22 декабря 2007

* * *

Души во мне не стало...

Книга Песни Песней

Опомнимся. Пускай у самой бездны...
Но я живой и ты еще жива.
И, может быть, слова не бесполезны —
Спасительны последние слова,
Как будто бы начертанные мелом
По извести, и в ночь идут одни.
О, как мне известить о том, что за пределом,
О том, на что обречены они?

Опомнимся. Фрагменты и наброски
Исчерпаны смертельною тоской.
Из всех Уитменов и Маяковских
Я, может быть, единственный с такой
Безумной музыкой. Ведь больше не с кем
Мне говорить и не о чем уже,
Под ветром сокрушительно-айдесским
Застыв, как на последнем рубеже.

Опомнимся. Души во мне не стало,
Когда искал, но не нашел тебя.
И улицу за улицей листало
Отчаянье, стена и скорбя.
И бесконечный приступ был неистов,
Но не заполнить пустоту собой —
Кавалерийскою атакой лейкоцитов,
Знаменами, протяжною трубой.

Опомнимся. Пусть я и сам не верю,
Хотя живу, чтоб ты жила во мне.
И дикому уподобляясь зверю,

» БЛАЖЕНСТВО РАССТАВАНИЙ «

Бросаю тени от стены к стене.
А в сумерках, чтоб песни не воскресли
Прощальные, вновь горлышко к губам.
И кашляя, и задыхаясь в кресле,
Я пью классически назло судьбам.

Опомнимся. Пускай река уносит
Торжественно, как реквием, меня.
И не жалеет, не зовет, не просит,
Не утешает, призраком маня.
Но, голову едва приподнимая,
Мне надо оглянуться как-нибудь:
«Далекая, проклятая, родная,
Не покидай, опомнись, позабудь».

6 января 2008

* * *

Как Экхарт говорил,
Себя вкушает Бог —
Останки шумных крыл
И загорелых ног.

И сил нет побороть
Накопленную злость.
Несовершенна плоть,
Великолепна кость.

И допиваешь кровь
Как лучшее вино,
В которой не любовь,
Но ненависть давно.

Пусть не благая весть,
Объявленная вдруг,

Но сладостная месть,
Но длительный недуг.

Пусть бред, как дикий берег
И взрывы чаек с гнезд.
Как с факелами бег,
Передвиженье звезд.

Но скоро стихнет страх
Нечеловечий твой.
Перемешаешь прах
С землю и листвою.

Ведь эта пустота,
Сжирающая мир,
Правдива и проста,
И обречен кумир.

Осталось только в ночь
Смотреть, смотреть, смотреть.
Ведь Дух тем больше мощь,
Чем явственнее смерть.

27 января 2008

* * *

Проснемся поздно и пойдем
(Мороз нам — сущая безделка)
Проведаем, а как там белка
В высоком тереме своем.

Симфония и торжество
Сквозь ветви солнечного света.
Пусть радость мимолетна эта,
Но, боже мой, и что ж с того?

Премного мудр Екклесиаст,
Но, дочь, забудь Екклесиаста.
Сегодня весело — и баста!
И каждый день во что горазд.

8 января 2008

* * *

Прими воскресный день как дар,
Переходящий по наследству.
И на приветствие ответствуй —
Ударом легким на удар.

Благословенен разум твой,
Так стойко вынесший иное —
Давленье внутрочерепное,
Как аллергию на привой.

И поздней мысли торжество:
Пусть эта рана неисцельна
И пусть бессилен Авиценна,
Но, боже мой, и что ж с того?

Из темной памяти своей
Блажен способный сделать хлебы.
И мне хотелось бы, и мне бы
Назвать по именам теней.

И бросить напослед свои
Знамена, боевые трубы,
Целуя сомкнутые губы,
Изнемогая от любви.

Лишь по прошествии недель
И месяцев ты вдруг заметил —

Февральский день лучист и светел,
Как будто на дворе апрель.

Как будто завершился срок,
Чтоб тосковать и ужасаться.
Блажен, сумевший удержаться.
Блажен, кто всё же превозмог

И брошенные города,
И легион пустынных окон.
Живи, сворачиваясь в кокон,
Беда в котором не беда.

Пусть каждый день во что горазд,
Но ты всё время наблюдаешь,
Как неизбежно погибаешь,
Как некогда Екклесиаст.

Познай, что лучшего и нет,
Чем делать честно жизни дело
И до последнего предела
Воспринимать воскресный свет!

22 февраля 2008

* * *

И соль-минорный дорог день,
Тебя в котором нет.
В нем ветер есть, и снег, и тень,
И предвесенний свет.

И музыка как пустота,
А пустота как сон.
Не досчитаешь и до ста,
Как будешь унесен

В иное время и в ином
Обличии, как бог,
Дешевым запивать вином
Воспоминаний вдох.

И озирать период свой.
Ведь больше никогда
Ни дерево над головой,
Ни синяя звезда,

Ни листья на ветвях как весть
Сухая октября.
Весь перечень печальный есть,
Но только нет тебя.

Но только поздний луч донес,
Как слайд, твою вину.
Плывущую волну волос,
Идущую ко дну.

Удары все нанесены,
Но душу заложить,
Чтоб дотянула до весны
И стала дальше жить.

25 марта 2008

POST SCRIPTUM

1

Я так надеялся, что больше никогда
Не обращусь к тебе. Ни как вода
По капельке из сломанного крана.
Ни как огонь в печи того титана,

Что вымирал, как будто существо,
В хрущевском доме детства моего.
В таком родном до боли и проклятом,
Под номером сто семьдесят девятым
По Пушкинской, где больше двадцати
Я прожил лет. Потом сказал: «Прости.
Arrivederci». Впрочем, не об этом
Я начал речь, но, будучи поэтом,
Увлёкся замыслом и ритмом, как борьбой.
Я так хочу поговорить с тобой.
О пустяках, о временах, о нравах,
О чем-нибудь, о бабушкиных травах,
Что, как загадку, добавляла в чай.
Пусть сам язык припомнит невзначай
И Мандельштама грифельные знаки,
И образ мира, данный в Пастернаке,
И вещие ахматовские сны.
Звучание и нёба, и десны
О фильмах Линча, Бергмана, Феллини.
О маске венецианской — паутине,
Какою на ходу одаривает лес.
«О ложных обвинениях небес»*.
О странствиях, о доблести, о славе,
О виноградарстве и об отраве
Отрекшихся самозабвенно губ.
И нет дыхания продолжить голос труб!
И нет, не утоли мои печали
О поцелуе в северном портале
Палаццо Дожей — в общем, обо всём,
Что в памяти храним с тобой вдвоем.

* Не существующую в реальности книгу Рэя Стюарта
«О ложных обвинениях небес» автор читал во сне.

2

Пусть не укрыться за высоким штилем,
 Как за стеной. И так зрачок расширен,
 Что можно рассмотреть глазное дно.
 Но остается только лишь одно —
 И светлым разумом, и верным оком,
 Как амфору по маленьким осколкам,
 Воссоздавать забытый образ твой,
 Бродя по улочкам, устеленным листвою, —
 Вот что единственно мне доставляет радость.
 Хотя еще вчера душила ярость,
 И бешено ходили желваки,
 И разбивал о стены кулаки,
 И жалость вызывал, и на развилке
 Внимал, как ветер в горлышко бутылки,
 Как будто пленный дух, гудит-гудёт:
 «У ней иная жизнь, иной полет,
 И не залить вином в груди кипящий кратер».
 Как в древности китайский император
 Спалил великий флот — три сотни кораблей,
 Так я освобождался от теней
 И, кажется, совсем освободился
 От черной привязи, от веток кипариса,
 Чтоб после в день последний декабря
 Сказать о том, как был свидетелем тебя,
 То бабочки, то смертницы, то Слова,
 Разбитого на части и пустого.

3

Как сладостна медлительная месть!
 И длинных стрел твоих во мне не счесть,
 И места не найти живого, как изъяна
 На теле мраморном Святого Себастьяна,
 Казненного за веру, как за ложь.
 И стрелами щетинюсь, словно еж,

Но всё еще живу и вспоминаю,
Как говорила ты: «Я ничего не знаю.
Я ничего не знаю о тебе.
Я так боюсь довериться судьбе
И смутной памяти о нашей прошлой жизни.
Всё застилает дым на братской тризне.
И тяжело плывет твоя ладья
В далекие стигийские края.
И невозможно возвратиться в плаче.
Когда бы ты любил меня иначе
(О, сколько же еще в запасе стрел),
Когда бы ты любить меня сумел
Носящую не твоего ребенка
(Еще одна в ребро вонзилась звонко),
А так в какой-то степени себя
Во мне ты любишь, да и то скорбя.
Но по-другому, видимо, не можешь,
И кость руки своей ночами гложешь,
И не признаешь это никогда,
Ни как огонь, увы, ни как вода.
Но, веришь ли, любовь не исчезает,
И пусть она сильнее тебя терзает,
Как нового развития недуг.
Средь хаоса, всё потерявши вдруг,
Как хорошо, что мы нашли друг друга.
Но вследствие сердечного испуга
Расстанемся, попробуем забыть —
Ведь этого не может просто быть».

Апрель–июнь 2008 года

ВИВАЛЬДИ

А город можно выразить одним,
По сути, словом, но найдешь ли слово
Ты, проходимец, путник, пилигрим,
Когда уже отчаливаешь снова.

Когда единственно, что ты сумел —
Проплыть на гондоле среди развалин,
Рукой касаясь стен. А был бы мел,
То ты бы след значительней оставил.

Как нотный знак, на соляной сырой
Адриатической черте прилива —
Над крабами, над золотой икрой,
Вдыхая море жадно и ревниво.

Теперь тебе час с лишним, как во сне,
До пароходика, до вапоретто.
А город, как медузы на волне,
Сияет островами в зное лета.

Успеешь ли сквозь эту красоту,
Как будто бы ракушку в миллиарде,
Ты церковь распознать простую ту,
Где был крещен Антонио Вивальди.

Почти бежишь по улочкам, мостам
И сердцу доверяешь больше карты.
И чудится она то здесь, то там,
Слепя зрачки во все свои караты.

Но нет нигде. Лишь несколько минут,
Чтоб вовремя добраться до причала,

Иначе насмерть челюсти сомкнут,
О чем печально чайка прокричала.

И девушка в кафе — почти слеза,
Хоть круассан и чашка капучино.
Но не спросить. Ведь говорить нельзя.
Ведь у тебя особая причина.

Прискорбно, что расстанемся засим.
Утешься тем, что ничего не просишь
И что в подошвах старых мокасин
Три камешка попавшихся уносишь,

Как будто самый дорогой трофей,
Сквозь времени дворцы, каналы, арки.
И, словно в самом деле ты Орфей,
Поешь концерт для скрипки, для дикарки.

И вдруг, как Откровение, она —
Священный камень, светлая площадка.
И к сердцу прижимается стена,
И принимает призраки сетчатка.

Здесь весело играют дети в мяч
И женщина склонилась над коляской.
Бог милостив. Прости себя. Не плачь.
И улыбнись под карнавальной маской.

Пусть наша смертность тянется, как сон,
За свой предел, за детскими слезами,
Но только передать бы флейте, словно стон,
Всё то, что ангелы тебе сказали.

Пусть наше творчество как будто мир иной,
Антонио, и вечная утрата.

Но море, как младенца пеленой,
Укутывает *Largo e spiccato*.

И город погрузился бы на треть
К застывшим сваям и погибшим листьям,
Но музыка в себя вбирает смерть,
И смерть есть большее, чем мы с тобой
ПОМЫСЛИМ.

Июль 2008
Евпатория

ОБРАТНАЯ ДОРОГА

1

Что видится тебе в окно вагона?
Акации плывут за кроной крона,
И телеграфные бредут столбы,
Закованные в цепи, как рабы.
И в золотых доспехах легионы
Подсолнухов на яркий блеск короны
Сворачивают шеи, и стучат
Короткими мечами, и кричат:
«Да здравствует великий император!».
А на дороге поломался трактор,
Как будто боевой индийский слон, —
И рухнул на песок, и был пленен.
И выжженной земли дымится остров,
И пламенеет куст, вернее, остов.
И ты недавно тоже был таким,
Но выстоял, поэзией храним.

И вот пятиминутка-остановка,
Согласно расписанию. И ловко
Торговцы в ведрах свой товар несут.
И явно недостаточно минут,
Чтоб втюхать тем, кому уже не надо,
Такой объем из собственного сада.
Черешня, абрикосы, алыча.
И персики — персидская парча.
И горестные грецкие орехи.
И что еще? Но тяжелеют веки.
И, слава богу, тронулся вагон,
И позади остался этот гон
С табличкою вокзальной «Мелитополь».
И далее пирамидальный тополь
В строю таких же стройных тополей
И служит ограждением полей.
И засыпаешь, может, на мгновенье,
А может быть, на час. И вновь селенье
Какое-то, но хоть во все глаза —
Названия узнать уже нельзя.
И дождик налетел и поцарапал
Оконное стекло. Пусть не заплакал,
Но со смертельною глядишь тоской
На тихий двор гранитной мастерской —
На памятниках точные портреты,
Как будто фото с набережной Леты.
И медленно ты переводишь взгляд
И понимаешь, что пути назад
Теперь уже наверняка не будет:
Как ты забудешь, так она забудет.

1 августа 2008

Новосиньково

...Двух совместившихся миров
Мне полюбился отпечаток...

Владислав Ходасевич
«Соррентийские фотографии»

В каком-то поезде на верхней полке
Ты сутки спишь, вобрав в себя иголки.
И только стертый стих «И мир, и мор»,
Как наваждение, как сущий вздор,
Преследует и в глубине эфира,
Как катастрофа внутреннего мира.
Хотя тебе, конечно, повезло:
В Осетии война и взрыв на пляже в Ло,
А ты живой, и целы руки-ноги,
И стук колес баюкает в дороге.
И тихие соседи по купе
Тебе не предлагают канапе.
И слава богу, что не лезут в душу
И не послать их к бесу, к ляду, к Бушу.
Пусть затекает левая нога,
Но сделать флейту из костей врага
Нет надобности, и меняешь позу,
И золотую принимаешь дозу,
И благо, что бутылка не пуста.
И время есть понять, что «пустота»
По Хайдеггеру, Гегелю и Канту
Необходима в странствиях мигранту.
Да здравствует последствие потерь!
На треть зеркальная открыта дверь,
А в промежутке — вид в окно вагона.
И, соблюдая буквицу закона,
Присущего для человеческих глаз, —
Ты по-другому видишь всё сейчас.

Как вышедший на свет из карантина.
И пред тобой единая картина —
И часть окна, и всё, что за окном,
И зеркало, и отраженье в нем
Сливаются в один текучий образ.
И, к сожаленью, не нажать на тормоз.
И отраженный в зеркале пейзаж
На скорости мутирует в мираж.
И дерево перетекает в древо
До львиного разверзнутого зева
Пустых полей и дымовых столбов,
Как будто трех оставшихся зубов.
И пастбище, и золото пшеницы,
И виноградники, и колесницы,
И старый сад, и опустевший дом
Уносятся в заросший водоем.
И девушка на лестнице вокзала —
На станции «Элизиум»? «Валгалла»? —
Бросает зайчик солнечный вослед,
Как будто это твой последний свет.
О, неужели встретимся, беглянка?
Но здесь не предусмотрена стоянка.
И кормчий в челноке пересекает плес.
И ничего не видно из-за слез.
И темный лес стирается рекою.
И со смертельной сознаешь тоскою,
Что даже отражение твое
Не совместится с образом ее.

16 августа 2008

СТРАВА

Т р и п т и х

Кто назовет, как звезды, имена?

1

Смеркается на Северном кладбище.
Пусть из горла, но помяни, дружище,
Всех тех, кто выжил в яростном бою,
Но в госпитале принял смерть свою,
Отложенную ровно на мгновенье.
И плеск волны, и ветра дуновенье,
И на ладье отправленный Тристан —
Всё это ложь. Когда умрешь от ран,
Узнаешь, какова она, дорога
От тела неподвижного до Бога.
Кровавая железная кровать
Идет ко дну, начнешь лишь отплывать.
И происходит это погруженье
Как самое большое пораженье.
Придя сюда, ты сделал верный шаг.
Доподлинно, что скорбь твоя как стяг
И горькая горбушка каравая.
Деревья словно песня хоровая.
Как хорошо, что сей живой навес —
Не вечное безмолвие небес,
Но словно бы посланье роковое.
Чу, из глубин бредет собака, воя.
И долго лает, различив тебя
На фоне золотого сентября,
Но после безвозвратно пропадает.
Какая пустота тебя снедает!
Знать, сердце, как мутант и паразит,

Само себя наверно поразит,
Когда такая выпита отрава.
И тризна по-славянски значит страва.
И группы крови нет на рукаве,
Но, прежде чем забудешься в траве,
В последние минуты посещения
И честь воздай, и попроси прощенья.
И, обходя, как сторож, Элизей,
Свою тоску, как полымя, залей.
И поклонись Отечеству солдатам,
И назови по именам и датам.

2

Пусть невозможно подобрать слова,
Но всё же здравствуйте, Кузьмин В. А.,
Рожденный в год восьмой начала века
И в сорок третьем сломанный, как ветка,
Не знаю где, возможно, под Москвой
В отчаянье атаки штыковой —
Лишь мама не поверила в Сибири,
Что сына драгоценного убили.
Земная неизбывная юдоль!
Охотников, Давыдов, Самидоль,
Худойвердинов, Куреня, Успенский,
И вы сопровождали бой вселенский,
Как редкое биение сердец
Сопровождает время под конец —
Ни ангелов тебе и ни хоралов.
Вот рядом рядовой А. Генералов.
Что он успел за восемнадцать лет,
Пока хирург не сократил скелет
По кость бедра остановить гангрену?
Не принимая эту перемену,
Никак не мог поверить: «Это всё?»

А как же предсказание ее?».
«С такой фамилией до генерала
Дослужишься», — невеста повторяла.
Когда бы грудь напополам рассечь
И сердце, как детеныша, извлечь,
Закутать в шелк и в шкуры трех оленей
Под *Lacrimosa* горних песнопений.
А тело, чтоб блистала белизна,
Обмыть настоем перца и вина.
И в мраморном гробу до Волгограда
Везти домой, как храброго Роланда.
Хотя о чем ты? Это ведь война
Другая и другие времена.
Да ты и сам совсем не нужен веку
С твоим последним словом имяреку.
Но всё же продолжай, в конце концов.
Верлинская, Черемушкин, Кольцов,
Леонтьев, Белкин, Фофанов, Трофимов.
Лишь нету шестикрылых серафимов.
Унисбирг Сокол в возрасте Христа —
И вечный свет, и тень, и сирота.
А Пушкин Н. в своем пути недлинном
Был истинным поэтом — гражданином.
И наконец-то после всех, как знак
Особенный, проявится сквозь мрак —
Лишь с буквы листик уברי без страхов —
Не может быть, что лейтенант В. Шахов,
Не может быть, что, завершив войну,
К народу приложился своему.
А ты подумал уж, признаться, вчуже...
Но, Муза, промолчи об этом муже.

3

Как странно, что по истеченье дней
Твоей душе становится больней.

И возвращаются невольно строфы,
Как ощущение после катастрофы.
И неизвестно через сколько строк
Ты переступишь болевой порог.
Казалось бы, невыносимо больше,
Но разум благодарен этой ноше.
Когда бы были взвешены твои
Слова о верности, и о любви,
И о разлуке, как о скорбной чаше!
Но всё же этой ласки нету слашше,
И пусть происходящее с тобой
Как в окружении неравный бой.
И вот теперь пред Богом, как пред морем
Вздыхающим то вечностью, то горем,
Post scriptum и *post mortem* говоришь,
Как будто бы над бездною паришь:
Смеркается на Северном кладбище,
Но нам ли отступать с тобой, дружище.
Приди же, дух, от четырех ветров
И возложи на кости, как покров,
Материю и кровь из ниоткуда,
И то, что полагается для чуда.
Пусть в полной мере испытует плоть,
Что в самом деле Слово есть Господь.
Пусть триумфально всадники и кони
Идут домой, как заклинают корни.
Хотя о чем ты? Ведь ни ты, ни я
И ни архангел, и ни судия.
Лишь в глубине какое-то движенье...
Не может быть, чтоб было продолженье,
Не может быть, чтоб не было его.
Прости, вкусивший смерти торжество,
Печальный мир, мучительный и страстный,
Болезненный, бессмысленный, прекрасный,
Божественный, где столько дорогих

Останется, не воплощенных в стих.
Прости, что я забыл, она забыла.
Так удивительно, что это было,
Как новая взошедшая звезда,
И не случится больше никогда.

Сентябрь–октябрь 2008

* * *

Неутешительный итог.
Я позабыть тебя не смог,
Как и не смог возненавидеть.

Мне этой ночью стало вдруг
Так страшно, драгоценный друг,
Тебя на свете не увидеть.

Ведь исчезает человек
Легко и просто из-под век,
И силуэт скрывает штора.

И невозможно больше в бой
За покидающей тобой
Брести в бреду по берегу шторма.

О, неужели ты не та?
Живешь как с чистого листа
И новую любовь встречая.

А мне лишь головой качать
И твой засохший, как печать,
Заваривать пакетик чая.

Январь 2009

* * *

По берегу в порыве резком
Уходишь босиком.
В своем великолепье женском,
В величии морском.

Вот так клинок срывает кожу
И обнажает кость.
Иди. Я память уничтожу.
Я буду кровь и злость.

Мужчинам сладостны обиды,
Звучащие как хор,
Когда царица «Энеиды»
Восходит на костер.

И красное пылает платье
Сквозь времени стекло.
О, если бы мое объятье
Тебя сдержать смогло!

Но ты как по ветвям смолистым,
Охваченным огнем.
А я повис на золотистом
На волоске твоём.

Иди до нашей новой встречи.
Не кончится любовь.
Когда тебе так будет легче,
Я буду злость и кровь.

Вот даже угольки потухли,
И подступает срок
Поцеловать прискорбно туфли
И закопать в песок.

25 января 2009

* * *

...под небом сладостным полуденной страны...

Константин Батюшков

Под небом сладостным твой дом.
По стенам, словно роспись, розы.
И с севера далекий гром
Передает свои угрозы.

Здесь я, присевший на ступень,
Уставший в дверь стучать локтями,
Как будто брошенная тень,
Охвачен чуждыми тенями.

Как виноградная лоза
И как награда эта рана,
Когда и жить уже нельзя,
А умирать немного рано.

Но на исходе сентября
Я обещаю не нарушу,
Предошущая так тебя,
Как будто собственную душу.

Ты крепко спишь и видишь сны —
И только вздрагивают веки —
Как мы с тобой разнесены
По разным сторонам навеки.

Ты крепко спишь, как подо льдом,
Во глубине своей Вселенной.
Под небом сладостным твой дом
И на земле благословенной.

4 февраля 2009

* * *

Когда-нибудь тебя простят,
Как брошенный приморский сад,
Как в детстве, обольют из лейки.

Одним движением простым.
Пока же под дождем слепым
Уснуть бы на сырой скамейке.

Что делать, если алкоголь
Не заглушает больше боль,
Как вновь не промокать до нитки.

Здесь кровля — кедры высоки,
Здесь кипарисы — потолки
В разбитом домике улитки.

Что делать, если до сих пор,
Как легкие, любой простор
Хранит любимый запах кожи.

Начнешь веснушки целовать
(Одна, двенадцать, двадцать пять)
И попадаешь в сон, о, Боже!

Вот просит девочка: «Пойдем
К голодным лебедям вдвоем
По старой каменной дороге».

И бабушка спешит за ней
Сквозь город света и теней,
Уставшие стирая ноги.

А вот на краешке земли
И боевые корабли
Заходят в порт, и ледоколы.

Она рукою машет им,
Как будто бы своим родным,
Когда идет домой из школы.

А вот, как молодость твоя,
Она уходит от тебя,
Не чувствуя себя виновной.

И только обещает взгляд —
Когда-нибудь тебя простят.
Легко и просто в жизни новой.

19 февраля 2009

* * *

Ты спрашиваешь, почему я решил изменить вдруг судьбу,
Так поздно решил возвратиться к тебе, словно к миру
и свету?

Когда умираешь и ангелов слышишь златую трубу,
Тогда понимаешь, что Бог призывает к ответу.

А я совершил преступление, отрекшись навек от тебя.
Забьлся. Забился. Застыл. И обида покрыла одежду.
Покуда весь Ад не пройдешь, бесконечно и молча скорбя,
Уже никогда — никогда ты не встретишь надежду.

Безумием было сорваться, закутавши бивни в багрец,
Всё глубже и всё безысходней под адского космоса своды,
В панической ревности предвосхищая не скорый конец,
Стирая черты, нарушая законы природы.

Доподлинно, больше ни встречи не будет, ни речи другой.
Другой никогда, понимаешь, на свете прекрасном не будет.

Не будет меня — дурака, и не будет тебя — дорогой.
Забудется сердце мое, а твое позабудет.

Поэтому я и вернулся к тебе, как в заснеженный сад,
Лишь нежное имя в бреду повторяя заместо молитвы,
Уверую в то, что меня милосердно когда-то простят
И брови, как стрелы, твои, и глаза, словно битвы.

Мне было тогда лишь спокойно, когда я был вместе
с тобой,
А ты веселилась, мечтала, шутила и громко смеялась —
Отчаивалась иногда бесполезною нашей борьбой,
Но всё же дарила надежду, хоть самую малость.

О, как после этого жить и дышать, но не верить всерьез,
Что счастье простое и есть испытание для мироздания,
Что рядышком с нами был вечно Господь,
преисполненный слез,
И плакал беззвучно, как мы, подавляя рыдания.

11 марта 2009

* * *

Когда бы выбирать возможно было сны,
Насколько б стали дни твои короче?
Флоренция. *Adagio* весны
И горечи на пьядца Санта Кроче.

Вечерний час и стертый мраморный порог.
Не думай, что последний, Эвридика,
Блаженный пир — и хлеб, и сыр, и сок,
Да сладкая садовая клубника.

Мы будем долго жить. Мы больше не умрем,
А если и умрем, то не заметим.
Всегда приходит март за февралем,
И что еще последует за этим?

Заслушавшись смычка, дыханье затая,
Мы, словно виноград, здесь собираем —
Кромешный мир и светлость бытия,
Как свет и тень, на веках перед раем.

И кажется, что вот сейчас вдвоем
Из неизбывной этой круговерти
Мы в Царствие Небесное войдем,
Преображаясь и смущаясь, словно дети.

Под сводами великие сыны
Возложены в гробницы, как в рояли.
Когда бы выбрать возможно было сны,
Какие бы они себе избрали?

Россини, Галилео Галилей,
Макиавелли и Буонаротти.
В России только полотно полей
Лежит в таком воскресном провороте.

Апрель артезианский дорог нам
За страсть молчания, за воздух холодящий,
За приступы, за сотни телеграмм
Отчаянья — восторг непреходящий.

Чем губительнее музыка в крови,
Тем на душе отраднее и легче.
Как банты диких роз, сильней обнять твои
В беззвучном плаче вздрогнувшие плечи!

Мы не любили никого и никогда
Безумнее. И не полюбим снова.
Как звонкая воздушная вода.
Как напоследок сказанное слово.

25 марта 2009

* * *

Попрощайся, Эвридика,
Горлинка, со мной.
Это горько. Это дико,
Но закон земной.

Пред тобою на колени
Упаду. Гляди
На неистовые тени
У меня в груди.

Я, отдавший всё за счастье
Рядом быть с тобой, —
Как разодранный на части
Свиток золотой.

Я, предавший всех за чудо
Губ твоих и глаз,
В никуда из ниоткуда
Ухожу сейчас.

Как минор виолончели,
Lacrimosa, страсть.
Высоко летят качели —
Хочется пропасть.

Попрощайся, Беатриче,
Словно бедный зверь.
Эта бездна, как добыча,
Навсегда теперь.

На земле на всю разлуку,
Как на небеси,
Укуси сильнее руку,
Кожу прокуси.

Просто навсегда запомни,
Просто не забудь
Наших судеб на ладони
Долгий темный путь.

15 апреля 2009

* * *

Как тяжкую болезнь
Перенеся разлуку,
Мы на круги своя
Вернулись напослед
Поймать знакомый взгляд,
Пожать нежнее руку, —
Пусть, как всегда, нельзя,
Но ласки слаще нет.

Я так хочу узнать,
Как ты жила в пустыне,
Вернее, в пустоте,
В далеких городах,
Пока меня судьба
Спасала на дельфине,
На дружеском хребте,
На поздних поездах.

Как чудно, боже мой,
Как странно жить на свете
И знать, что без любви
Не будет ничего.
Возможно, только сны.
Возможно, только эти
Свидетельства мои
Явления твоего.

Казалось, что глаза
От боли почернели.
Надеялась — солгу,
Но я сказал, скорбя:
«Ты словно бы “Весна”
У Сандро Боттичелли.
Я больше не смогу
Отречься от тебя».

12 июля 2009

* * *

Ничего не осталось у нас.
Только самый последний сеанс
Сновидений и воспоминаний,
Словно приступ во время литаний*.
Только скудный рыбацкий улов.
Только реквием чудный без слов.

Ничего-то от нас не осталось.
Только самая малая малость,

* Торжественная церковная служба у католиков.

Словно блеф, словно блеск, словно блик,
Задержалась на призрачный миг,
Облетая под куполом в горе
Фрески Санта Мария дель Фьоре*.

19 августа 2009

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СЫРОВ

...приветливый Сырник, мой друг неизменный...

Владислав Ходасевич «Про мышей»

Прислушайся, мой верный друг, —
Как музыку за звуком звук
Среди молчания ночного,

Нам завещал цветенье слов
В энциклопедии сыров
Венецианец Казанова**:

Страччино нежный — словно страсть.
Кресченца — хочется украсть.
Рокфор, кремонте, горгонцолла.

Расчера, бри, сент-северин.
Сейчас сюда бы карту вин,
Чтоб промочить немного горло.

* Имеются в виду фрески Джорджо Вазари «Страшный суд», украшающие флорентийский собор Санта Мариа дель Фьоре.

** «Джакомо Казанова много писал. Кроме мемуаров он писал памфлеты, исторические сочинения, энциклопедию сыров» (Павел Муратов «Образы Италии»).

Что остается мне, когда
И попрощался навсегда,
И нет надежд, и гибнет вера?

Уж лучше про сыры читать,
Но только бы не причитать...
Рамболь, мращано, гравьера.

26 августа 2009

ГОТИЧЕСКИЙ СОБОР

Как готика, мой мозг тобою пламенеет,
Надеется, меняется, немеет.
Возможно ли, что он осуществим
И проявляется, как будто серафим,
Для твоего всевидящего взора
На месте прежнего, романского собора.
Возможно ли, что существует он,
Подобный скалам, грозный легион
Остроконечных арок, шпилей, башен,
И тысячью твоих скульптур украшен —
Я так люблю смотреть на них во сне.
Вот, амазонка, мчишься на коне
И мечешь стрелы из тугого лука.
Не знаю, это радость или мука,
Но каждый раз ты поражаешь цель,
И обречен сновидец-менестрель* —
Я только тихо говорю: «Не надо».

* *Менестрель* — первый аркан колоды карт Таро, символ творческой активности и созидательной силы человека (Керлот Хуан Эдуардо «Словарь символов»).

Купальщица, в пучину водопада
Вот ты вступаешь зябко и назад
Вернуться думаешь в цветущий сад —
Я так тебя хочу закутать в полотенце,
В объятиях согреть, как чудного младенца.
Какой тебя здесь, Муза, только нет!
Таинственный скрывается сюжет.
Крылатый лев тебе читает сказку;
Венецианскую ты примеряешь маску
И кружишься, поднявшись на носки;
И кормишь хлебом лебедя с руки;
Играешь в шахматы и пьешь из чаши
Печальные воспоминанья наши.
О, что ты делаешь, что делаешь еще?
Мне от касаний нежных горячо,
Когда ты лепишь долго и упрямо
Модель тобой задуманного храма
И улыбаешься. И мягок, словно воск,
Алхимией любви преобразенный мозг.
И, как прощальные несдержанные слезы,
Проходит свет свои метаморфозы
Сквозь крылья бабочек, сквозь розы витражей,
Мистерию играя миражей.
И превзойти дает пределы числам.
И наполняет жизнь и мистикой, и смыслом.

6 сентября 2009

POST DANTE

1

Всё больше погружаешься во сны,
И дела нет до прелести весны.
Не раскрывай божественный подарок.
Пусть воздух свеж, и радостен, и ярок,
Как утро венецйское, звенит.
А голова возносится в зенит.
Холодное волнительно сиянье,
Как детское твоё воспоминанье.
Слезою мир умылся, засверкал,
Как мириады призрачных зеркал.
На солнечных смычках набухли почки,
Но больше ни одной об этом строчки.

Мучительный мне трижды снился сон
Один и тот же. И звучал, как стон
Сквозь зубы сжатые, в беспомытстве, в горячке.
Мой конь не выдержал безумной скачки.
Как сказано, обрушился, издох.
За что мне это испытанье, Бог?
Ведь время истекло. Я больше не причастен.
Нет смысла гнаться за погибшим счастьем,
Но все-таки застать её, настичь
Хоть на мгновение! Ещё один кирпич
На ребра недостроенного храма.
Блаженство расставаний — наша карма.
Но все-таки бежать за ней, ползти,
Покуда силы есть. Любимая, прости!
Я словно в сеть попал. Я словно хищник стянут.
(И подойдут, и брошусь, и отпрянут.)
В который раз невыносимый сон
Не выпускает из своих пелен.

Является процессия теней,
Ленивых ледников, великолепных дней,
Родов бесчисленных, как зыби океана.
Неодолимо. Несказанно. Непрестанно.
Не может быть, что верные весы.
Не может быть, что честные часы.
Химеры. Арабески. Оболочки,
Но больше ни одной об этом строчки.
Ведь это невозможно, боль моя,
Как вымолить прощенье у тебя.

Не знаешь разве ты, что мы с тобою
Отмечены и связаны судьбою?
О, ты, которая так далека,
Так холодна, как подо льдом река,
С глазами одинокими чужими.
Запретное таинственное имя,
Как имя предводительницы пчел.
О, ты, которую всему я предпочел,
Которой всё низвел и обесценил,
Как будто зерна отделил от плевел,
Куда мне деться с бурей стихов
От драгоценных призрачных духов?
Что остается мне, всё время вспоминая
Вкус губ твоих и слез? Прости меня,
родная,
За то, что ты, как сердце из груди,
Выталкиваешь память: «Уходи
И забирай осколки и остатки».
Так на песок бросаются косатки
И умирают медленно они.
В старинном городе погашены огни,
Лишь гондола скользит среди палаццо.
Куда же мне теперь, куда податься,
Когда мой мозг тобою воспален,

Алхимией любви воспламенен
(Таламус, гиппокамп, гипоталамус)
И, как собор, растет за ярусами ярус.

1–9 октября 2009

3

Единственно, что мне пока дано,
Так это сновидение. Оно
Прибежище и крепость для изгоя.
Как надписал офорт когда-то Гойя,
Я говорю: «Не надо нас будить,
Не стоит эту рану бередить».
Лишь сон является из всех даров напрасных
Последним утешением несчастных.
Ты знаешь всё сама про мой секрет,
Что больше у меня опоры нет.
Я потерпел крушение, и в этом
Пора признаться перед белым светом.
Иду ко дну и, что б ни делал я —
Работал, спал, читал фрагменты Бытия,
Безумствовал, рыдал, рычал, срывался,
Каким бы образом ни забывался,
Не признавал иль признавал вину,
Я, как Венеция, иду сейчас ко дну,
И, видимо, в ускоренном режиме.
Какими стали мы с тобой чужими,
Какими станем, знает лишь Господь.
Но, может быть, и ты сумеешь побороть
В себе самой упорство отречения,
Апрельских доводов утратится значенье.
Ты вдруг окажешься на площади пустой
Святого Марка. Факел золотой
Возьмешь у ангела из каменной десницы,
И тени закипят вокруг тебя, как птицы.

В старинном городе единственный огонь
Пусть долго гóндола выносит, как ладонь,
Сквозь лабиринт затопленного флота.
Роскошный сумрак, мрамор, позолота.
Пусть бьется Адриатика о борт!
«Potenza della lirica...» — поет
Почти неслышно гондольер и правит.
Соленый воздух, кажется, отравит.
Пусть что-то страшное в кромешной темноте
Тебя зовет, но ты плывешь, как те,
Другие до тебя, сквозь радости и горе,
Сквозь гибель и любовь с надеждою во взоре.
И, может быть, ты повторишь тогда:
«Вода и камни, камни и вода».
И после времени ты наконец прибудешь.
Не видя из-за слез, рукою будешь
Водить по выбитым на мраморе словам,
Как в детстве ты читала по слогам:
«Приветствую тебя, моя любовь!
Ты — кость моя, дыхание и кровь.
Ты изменила душу и природу,
Как обещание благих вестей,
Как воля быть рожденными детей,
Как всё, уже ушедшее под воду».

9–15 октября 2009

4

И так устроено, что не выходим мы
Из заколдованного круга.

Осип Мандельштам

Всё больше погружаешься в себя,
Уже не сожалея, не скорбя,
О замкнутых кругах вспоминая.

А где-то существует жизнь иная.
Спокойный ежедневный хоровод
Домашних дел и полевых забот.
Как хорошо, наверное, на камне,
Не знаю, где, возможно, что в Тоскане,
Закончив труд, но силы сохраняя,
Вдыхать остатки солнечного дня
И озирать не строгие когорты,
Но виноградника натянутые ноты.

Блаженны те, кто суть познал вещей.
Возможно, что и мы во глубине ночей,
На празднике, на торжище, на тризне...
Но очевидно, что не в этой жизни —
Ведь нам другие суждены круги,
И мы идем с тобою, как враги,
Сквозь лес сосновый по сугробам марта
В торжественный морозный День театра,
Как будто на последнюю дуэль.
И обречен сновидец-менестрель.
Ты впереди, как будто по канату,
А я, предвосхищающий утрату,
Отстал на три шага и, как духи, ловлю
Чудесную мелодию твою.
Она всегда твое сопровождает
Явление и, знаешь, поражает
Отчаяньем, надеждою, тоской
И небывалой радостью такой,
Как будто жизнь свою я вспоминаю
С улыбкою и ясно понимаю:
Твоя мелодия становится моей,
И я повсюду следую за ней.
Мучительна, упряма, сумасбродна,
Возможно, гибельна, но всё же бесподобна.

Ступают медленно на горький путь.
И невозможно никуда свернуть.
И невозможно ничего исправить:
— Я просто не могу тебя оставить.
— И я тебя не в силах отпустить,
Как в лабиринте призрачную нить.

18 октября – 21 ноября 2009

6

Расторгается узел сердца...

Веды

Как наше разлучение лучисто!
Ты грациознее эквилибриста
Откидываешь волосы со лба.
Не может быть, что это не судьба!
Пусть неизвестно, чем закончится всё это,
Но ты божественна в потоках света!
Боящийся несовершенен. Мы
Остановились на пороге тьмы
И слушаем далекий грохот моря,
Так длительно дыханье затая.
«И ничего — ни музыки без горя,
Ни бури яростной без корабля...»
Как тяжело молот бьет по наковальне,
Так волны расшибаются о камни
И сотрясают скал прибрежных строй
На сумрачном, как ночь, архипелаге.
Там где-то мой лирический герой
Над бездною парит, и «траурные флаги,
Сигнальные флажки надежды и любви...»
Передают признания свои:
«Молю тебя, люблю тебя, молюблю!».
И, принимая страшный ветер грудью
С последнею решимостью борца,

Он остается верным до конца
Законам языка, таинственным заветам,
Великому наследству, странным снам,
Единый раз дарованным и нам.
Дошедшим и до нас воскресным светом.
Блаженны те, кто соль изведаль слов!
Возможно, что и мы, как Даниил среди львов,
В чужом краю, в изгнании, в Отчизне...
Но очевидно, что не в этой жизни.
Ведь мы уж по-другому говорим
И никогда не возвратимся в Рим,
Поскольку слишком далеко зашли и сами
Друг друга водим грустными кругами.

7

Но ты мне несказанно дорога,
Испуганная маленькая Муза!
Пленительней, прекраснее союза
Не знают неземные берега.
Я слушаю твое течение крови,
Когда целую веки, слезы, брови
И бесконечно обнимаю так,
Как будто через миг накроет мрак
Не то чтобы волною ледяною,
Но всею перейденной глубиною.
Моя несостоявшаяся жизнь,
Не бойся, не сдавайся и держись!

Ты тихо так пришла, я даже не заметил.
О, если бы тебя, родная, обессмертил
За поцелуем долгий поцелуй,
Как будто бы огонь кастальских струй.
Но, кутаясь в меня, ты снова плачешь
И ничего уже не ведаешь, не значишь.
Бессонница и паника моя

Неумолимая, ведь это я?
Пообещай, что ты не позабудешь,
О, сколько же еще скрываться будешь
И ускользать, не оставляя след?
— Ты знаешь всё и сам про мой секрет.
Да. Я тебя люблю, и, чтоб сказать об этом,
Сегодня я пришла к тебе с ответом
На твой неумолкающий вопрос —
Не может быть, что это воскрешенье,
И милосердие, и утешенье
Соленых губ и спутанных волос —
Я так хотела, чтобы ты вернулся,
Но ты в какой-то кокон завернулся,
Где наше исчезает существо,
И расторгаются узлы его.

9–19 декабря 2009

8

Что, если Ариост и Тассо, обворожающие нас,
Чудовища с лазурным мозгом и чешуей из влажных глаз?

Осип Мандельштам

Всё больше погружаешься туда,
Откуда не вернешься никогда,
Хоть раньше возвращался многократно,
Но в этот раз зачем тебе обратно?
Ведь вытравил надежду из-под век,
И ты уже почти не человек.
А эти набегающие строки
Как будто бы обещанные сроки.
Не может быть, что через десять строк
Ты переступишь болевой порог,
А не знакомые пределы сада,
Где ровные ряды родного винограда.

Здесь где-то было очертанье корабля,
Пока его не вобрала земля.
Куда ж нам плыть, на звезды не взирая,
Как не в сырую сердцевицу рая?
Пусть больше никогда испуганные сны,
Вечерние огни, отринутые руны.
И в феврале прелюдия весны.
И триумфально порванные струны.
Пусть больше никогда венецианский шум
И наважденье кисти Тинторетто.
Но, прежде чем на абордаж, на штурм,
Еще есть время окунуться в это
И амфору тосканского вина
Неторопливо осушить до дна.

Какой же тут неведомый садовник
Свой бесконечный труд вершит окрест?
Нет лучше ничего, мой бедный Йорик,
Чем если человек и пьет, и ест,
И видит доброе в труде, пускай напрасном,
Но все-таки, как божий дар, прекрасном.
Как сказано в «Георгиках», лоза
Привязана и пролита слеза.
Излишнюю листву обрезав, виноградарь
Мотыгой землю превращает в порошок
И образом таким приветствует сентябрь.
И вот, как выводок, как дивный некролог,
Являются, слепя и поражая,
Заботы сладкие при сборе урожая.
Ламбуско, санджовезе, монастрель,
Дольчетто, неббиола, рондинелла* —
Опять за менестрелем менестрель
Несут неодолимо то и дело

* Сорта красного винограда.

Еще произведения земли,
Уже произведения искусства.
В черновиках, в набросках утоли
Свои печали, радости, безумства!
О, если бы и ты хоть несколько на свет
Блаженных песен и стихотворений
Отсюда вынес за десятки лет,
За редкие моменты вдохновений.

25 декабря 2009 – 8 января 2010

9

Когда же ты пойдешь, как говорят псалмы,
Долиной смертной тени, вечной тьмы,
Дай бог тебе тогда во глубине Вселенной
Не убояться мысли сокровенной.
Пусть млечное молчанье этих мест
Тебя пугает, но неси свой крест
Куда-нибудь при неизвестных звездах,
В конце концов, и вовсе без звезды.
Чем дальше, тем разреженнее воздух
И тем невероятнее плоды.
Когда бы эту гроздь бессмертного Фалерна,
Блестящую, приличную богам,
Ты смог бы возложить к ее ногам,
Какой бы получился стих, наверно.
А впрочем, хочется предостеречь,
Что в никуда тебя уводит речь.

Поэтому возьми с собой улитку.
Пусть стягивает кожу на руке
И оставляет след, подобный свитку,
Подобный замерзающей реке.
Пусть тянется и тянет на пределе,
Как будто ты Улисс на самом деле

С улиткою, плывущей по крови
На поиски Итаки и любви.
Пусть больше никогда покинутые звери,
Оставленные вещи, боже мой,
Шаги по гулкой лестнице, стук двери,
Как знаки возвращения домой.
Пусть больше никогда зеркальные стремнины
Парижского бульвара, *déjà vu*.
И, как полифония Палестрины,
Ответы мироздания соловью.
Пусть больше никогда до выпавшего снега
Узор воды и света на лице.
Чем выше, тем невыносимей нега
И тем необходимее в конце.
Пусть больше никогда руины Рима,
Песочные часы, полуночный вокзал.
Всё то, что так горит неповторимо.
Всё то, что ты хотел, но не сказал.

9–25 января 2010

10

Я всех назвать не в силах поименно...

Данте «Божественная комедия» »

Как будто бы за жемчугом ныряльщик,
Лишь несколько мгновений предстоящих
Еще продержишься без воздуха в груди,
Но всё же до последнего иди,
Пока сознание не отключилось.
И пусть не понимаешь, что случилось,
Но что-то ведь с тобой произошло.
Вдруг стало ослепительно светло.
Как будто молния возникла шаровая

» БЛАЖЕНСТВО РАССТАВАНИЙ

Из ниоткуда. И за ней вторая.
И, может, разума неистовой игрой
Воспламенился весь пчелиный рой,
Невидимый до этого момента,
Над головой скользящий, словно лента.
В крошечной темноте бушующий пожар.
И вот приблизился один прозрачный шар
(Гомер? Вергилий? Данте? Ариосто?)
С лазурным мозгом, с чешуей из глаз.
Как хорошо и до чего же просто
Он в череп твой проник, как будто бы погас.

Кто знает, тот молчит. Кто говорит, не знает,
Безумствует, витийствует, стонет.
За все сто миллиардов живших на земле,
За сотни тысяч лет, прошедшие во мгле,
Пора признаться перед божьим миром,
Дыша не кислородом, но эфиром...
А впрочем, ни к чему высокий штиль.
Ведь буря улеглась, на море штиль,
Но сонное подводное течение
Другое обещает приключенье.
И сквозь виденья прошлого плывет
Кровавая кровать, сосновый плот,
Рыбачья лодка, баржа каравана
Неодолимо, несказанно, непрерывно,
Разбитая ладья, скорлупка, древний струг
И этот лист печатный, как кленовый,
Тебя уносит, старый верный друг,
В чудесную возможность жизни новой.

27–31 января 2010

ДВЕ РЫБЫ, ПЯТЬ ХЛЕБОВ

* * *

...Когда ты не знала меня,
Когда я тебя не знал.

Сайгё «Песни любви»

Положенье вещей изменилось, и ты
Провождаешь надежды, химеры, мечты,
Словно ветку, плывущую в зев водопада,
Бесполезным усилием долгого взгляда.
А глаза у тебя потерявшие вид,
Словно траурный трепет и креп нимфалид*.
Положенье вещей изменилось настолько,
Что уже не поможет и тайное око.
Было время, когда ты жила не скорбя.
Было время, когда я не ведал тебя.
А теперь, как лавина, растёт сожаленье,
Но пока не находит свое выраженье.
Знаешь, души, друг друга на свете пустом
Потеряв, разрываются после на том.

4 апреля 2010

* Траурница (лат. *Nymphalis antiopa*) — дневная бабочка из семейства Nymphalidae.

* * *

Осенний сад как особняк.
Здесь несколько живет собак,
С которыми делюсь последним.

Я отдаю им долю льва,
А сам блаженен, что слова
Приходят следом за виденьем.

Как призывает Шарль Бодлер,
Спасаясь от своих химер,
Да воспоется эта стая

Бродячих добрых бедных псов
На грани бдения и снов,
Как песня самая простая.

Охотник, воин, акробат...
И каждый для тебя как брат,
Как голос в провожальном плаче,

Когда уже ты под холстом,
Но сожалеешь вновь о том,
Что всё могло бы быть иначе.

19 июня 2010

* * *

По берегу траурная лента
Широкая морской травы.
О, затушить бы головы
Пожар в разгаре дня и лета
Во глубине прохладных волн,
На дне стихии неоглядной.

Листвой увенчан виноградной
И влагой виноградной полн,
Ты временем не настоящим
Уже который год объят,
Как будто пением цикад
Под солнцем жаростно палящим.

16 июля 2010

Евпатория

* * *

Как воздух оживляет бронхи
И наполняет силой кровь,
Так мы увидимся на вдохе,
На выдохе простимся вновь.

Пускай она бесчеловечна —
Другие органы, другой
Узорный мозг, но бесконечно
Мучительный и дорогой.

Дурманит запах олеандра
Сознание знойное мое —
Оспорить лавры у Леандра,
Увидеть хоть на миг ее.

17 июля 2010

Евпатория

* * *

По истечении беды
Душа живет несуетливо.
Едва заметные следы
Лови на полотне отлива.

На чашечке коленной шрам —
Как милая примета детства.
Все интонации, весь шарм —
Твое магическое действо.

Ты в ритуал внесла давно
Гомера с веткой кипариса.
Как яд, отобрала вино
И ждешь реакции, актриса.

Печали столько затая,
Прельстительна и многолика,
О, пани, паника моя,
Ты манишь, словно земляника.

И память мне даешь взаймы
По капельке и по крупнице,
Но я не знаю, кто же мы
И кто здесь жертва, кто убийца?

20 июля 2010
Евпатория

* * *

Больше ничего не будет.
Больше сердце не забудет,
Чем оно уже забыло,
Чем оно когда-то было.
Может ли, что было скверным
Городом с последним сквером,
Где поставлен бюст Толстого.
Впрочем, может быть, другого.
Под дождем и листопадом
Хорошо быть старым градом.

Может ли, что было морем,
Расступившимся пред горем
И сомкнувшимся волнами
Над чужими головами.
При анализе повторном
Хорошо быть морем Черным.
Может ли, что было миром,
Умирающим кумиром.
Согласитесь, даже жалко,
Что кончается считалка.
Больше ничего не будет.
Больше сердце не забудет...

21 июля 2010

Евпатория

* * *

О, поднимайся! На площадке
Звонящий баскетбольный мяч,
Стихотворение — в зачатке,
И на день множество задач.

О, поднимайся! Ранним утром
Жизнь уходящая полна.
Сверкает море перламутром,
И обжигается волна.

О, поднимайся! На мгновенье
Последнее, но оживи,
Чтоб ощутить прикосновенье
Божественной простой любви.

» ДВЕ РЫБЫ, ПЯТЬ ХЛЕБОВ. «

Пути господние прекрасны.
Поторопись и будь таков —
На виноградные террасы
Иль в кущи первых рыбаков.

23 июля 2010

Евпатория

* * *

И даже после многих дней
И тысячи тревог,
Проснувшись, вспоминал о ней
И больше спать не мог.

И заново осознавал
Значенья давних фраз.
И бесконечно целовал
Разрез любимых глаз.

Не в силах страшную беду
Избыть, перебороть,
Так, ужасаясь, бродит дух
И отрицает плоть.

Как будто в моря глубину
Господь его поверг,
Он медленно идет ко дну
И долго смотрит вверх.

И повторяет, как завет
Сознания своего:
Прощай, надежда. Меркни, свет.
Не бойся ничего.

26 июля 2010

Евпатория

* * *

Город, усыпанный цветом акаций,
Сохнувший после дождя.
Жаль бесконечно, что я не Гораций
Песню сложить, уходя.

Город, сверкающий, словно бы слиток,
Царственным гордым гербом.
Сколько спешащих по плитам улиток
В старый утраченный дом!

Сколько имен драгоценных, звенящих —
Улиц, ущелий, теснин.
Вот позвоночник. Вот призрачный хрящик
Наших с тобой Палестин.

Вот обреченность ночного вокзала.
Муза, разлука моя,
Сколько ты радовала и терзала
В городе этом меня!

Сколько дарила: и пурпур, и мрамор,
Ливни, слепые дожди.
И напоследок всё просишь упрямо
Песню сложить. Подожди...

28 июля 2010
Евпатория

* * *

...За этот свет и лед, и розы, что из тьмы
Струит холодная Аврора...

Георгий Иванов

И светотень, и хор цикад,
Как божья благодать.
Я тоже создан из цитат,
Попробуй угадать.

Хотя я сам признать не прочь,
Тебе не до стихов,
Когда кругом не то чтоб ночь —
Флакон из-под духов.

Благоухая, сохнет чобр,
А, может быть, чабрец.
Ты носишь сумочку из кобр,
Как клялся продавец.

Ты плакала вчера, сейчас
Смеешься надо мной.
Разрез миндалевиден глаз,
А голос твой грудной.

Ты тоже из разряда тех
Елен и Афродит —
Имеющий большой успех
Красивый внешний вид.

Ты тоже из плеяды Хлой,
Лаур и Эвридик,
А я практически изгой
И безобразно дик.

Но от таких, как от сумы,
Не зарекайся зря —
От разных мошек, что из тьмы
Влечет свет фонаря.

29 июля 2010

Евпатория

* * *

Изведай вечный «Коктебель»,
Хотя бы как коньяк.
Пускай качает колыбель
Жующий жвачку як.

Узнай «Ай-Петри», «Старый Крым»
И прочее — и прочь.
Пускай клубится черный дым
В таврическую ночь.

Пускай, стихам твоим дивясь
И грезя у окна,
Опять мистическую связь
Почувствует она.

Пускай почувствует тебя
За тридевять земель,
Как без нее живешь, скорбя,
Заброшенный на мель.

Пусть в книге, чтобы перечесть,
Такой найдет листок,
Где славная вещьца есть —
«Итака» в двадцать строк.

31 июля 2010

Евпатория

* * *

Прощания не продлевай
До кованых ворот.
Как музыка, звенит трамвай,
Свершая поворот.

Евпаторийский, боже мой,
Во фресках и цветах.
Он повезет тебя домой
С улыбкой на устах.

Ты тоже удивлялся — был.
И не твоя вина...
Как хорошо, что не забыл
Во фьяске взять вина,

А в сумке хлеб, и сыра круг,
И старое лото.
Напротив драгоценный друг,
Не помнишь только кто.

1 августа 2010
Евпатория

* * *

Базилика торжественна чинары.
Как фрески, осыпается кора.
А купол закипает, словно чары,
Как вихри крыльев или веера.
Твои глаза достаточно привыкли,
Чтоб в полумраке надписи прочесть,
Как тайных ход рептилий до реликвий
И как нечеловеческую весть.
Здесь собраны все перечни и списки,

Что позабылось или не сбылось.
Вотще* старинный мастер флорентийский
Рисунками покрыл земную ось,
Как будто завещал нам попытаться
Соединить начала и концы,
Израненной подушечкою пальца
Не повредив божественной пыльцы.

4 августа 2010

Евпатория

* * *

Улицы пустынно зноя.
Воздух пропитала хвоя
Кипариса и сосны.
Вдалеке звучат валторны,
Надвигаясь, словно волны,
Как полуденные сны.
Хорошо идти куда-то.
Запотевшая почата —
С новой дозой не тяни.
Жуй сушеные креветки,
А дойдешь до той беседки,
Отдохнешь тогда в тени.
Ноги обжигают плиты,
Золотым огнем залиты.
О, как весело тебе,
Что расстались на вокзале,
После сна навязали
Вирши свой размер ходьбе.
Хорошо бродить без цели
Солнечных лучей в прицеле

* Напрасно, тщетно (*устар.*).

И не помнить ничего,
Кроме смысла, кроме ритма.
Ускользящая рифма —
Как живое существо.

6 августа 2010
Евпатория

* * *

Дыр бул щыл...
Алексей Крученых

Приснилось слово *урильрик*.
И ты не знаешь, из какого
Источника языкового
Оно возникло вдруг на миг.
И растворяется, поскольку
В нем смысла абсолютно нет.

Но, может быть, с других планет
Оно пробилось через щелку.
А ты пока сумел извлечь
Строки безумной лишь начало,
Чтоб речь чужая зазвучала,
Нечеловеческая речь.

18 августа 2010

* * *

Листва, пушиста и перната,
Сухая после долгих слез,
Взметается из-под колес,
А мы проносимся куда-то.

Но попадаем вновь во мрак,
Куда бы мы с тобой ни мчались,
Всё перепробовав, отчаясь,
Что твой ремикс, что мой Ремарк.

Повсюду темная аллея!
Укройся, ангел, за плечом,
В стихотворенье ни о чем,
Не думая, не сожалея.

19 сентября 2010

* * *

Как будто бы на ней лежит вина,
Измученной мелодии длина
Всё тянется и тянется в пространстве
В великолепном сумрачном убранстве —
Лепнина, гобелены, витражи.
В конце концов, последнее скажи
И больше к этому не возвращайся.
Свободы нет, как нет на свете счастья.
Да и во тьме кромешной тоже нет.
Какая разница, что тьма, что свет,
Нам, позабывшим или позабытым,
Нам, занятым работой, делом, бытом
И много чем в бессмысленной борьбе,
Но только не признаться бы себе:
В круговороте праздников и буден
Мы крепко спим, и сон наш беспробуден.

3 октября 2010

* * *

...и с тяжким грохотом подходит к изголовью.

Осип Мандельштам

Какая разница, заполнить чем
Воскресный тусклый день с дождливым утром.
Хоть раньше встань, хоть не вставай совсем —
Закутавшись, то спи, то щелкай пультом.

Обломову привет. Перебирай
Любимые мелодии и фильмы.
Ну, чем тебе не возвращенный рай
И тени на стене не херувимы?

Ты обречен и грандиозно стар
И вымираешь, как пищеваритель.
Кончается божественный нектар,
И на глазах мутирует обитель.

И прошлое приходит по слогам
И тяжело ударяется в затылок.
А батарея выпитых бутылок —
Как будто бы в базилике орган.

24 октября 2010

* * *

...и зацветет миндаль, и отяжелеет
кузнечик, и рассыплется каперс...

Книга Екклесиаста

Читая проповедь Екклесиаста,
Так сладко наконец закрыть глаза,
Поддаться, позабыться, не цепляться
За прошлое — скатиться, как слеза.

Да отвратимся от любого дела
На время, от вражды и от любви!
И так доведены до самого предела
Запретные желания твои.

Цветет миндаль, отяжелел кузнечик,
Как сказано, и с каперсом беда,
И в темноте блистает наконечник,
Как будто путеводная звезда.

Причастный тайнам, призванный иною
Неведомою силой человек
Обескуражен, выброшен волною
На сглаженный песок, на дикий берег.

Познание лишь скорбь приумножает —
Последние надежды загубя,
Несчастное сознание желает
Избавиться скорее от себя.

25 октября 2010

* * *

...доколе не порвалась серебряная цепочка...

Книга Екклесиаста

Наконец начинается речь,
Заглушая растущую тьму.
Остальным можно и пренебречь,
Остальное уже ни к чему.

Остальное уже не горит,
Не зовет, не уносится прочь,
Как комета, как метеорит,
В никуда, в европейскую ночь.

Наше время почти истекло.
На исходе последние дни.
Вот и ты говоришь: «Фонтенбло».
Вот и я говорю: «Сен-Дени».

Нам уже не достигнуть вершин
И на мир не взглянуть свысока,
Но еще не разбился кувшин
И цепочка надежна пока.

Пусть надежды зажаты в горсти,
Облетевшие, словно листьё.
Если сможешь простить, то прости
За разрывы, за страсти — за всё.

Просыпаешься с криком в поту
И теряешь родные черты.
Что поделать, когда я по ту,
Ты по эту проклятой черты.

И глядишь в пустоту сквозь стекло
На прошедшие ночи и дни.
Ты еще говоришь: «Фонтенбло»,
Я уже говорю: «Сен-Дени».

16 июля 2011

* * *

Душно, как внутри цветущей липы,
В недрах листьев, в глубине веков.
Да еще горят-дымятся кипы
Тяжкие твоих черновиков.

Неизвестно, сколько же продлится
Эта неизбывная беда?

Есть ли где морозная столица,
Вечная сокровищница льда?

Как существовать с таким настроем —
Ты хотел бы, чтоб тебя сожгли
И затем развеяли над морем,
Далеко от призрачной земли.

Ты теперь для времени обуза,
Отработанное вещество.
И разочарованная Муза
Больше никогда и ничего...

1 сентября 2011

* * *

Укройся с головой и спи...

Спрячься в черепаший панцирь,
Слушай сердца странный звук.
Никаких коммуникаций,
Никаких тебе разлук.

Мир присутствует в избытке,
Унизителен и лжив.
Спрячься в скорлупу улитки —
И, возможно, будешь жив.

Уподобясь чудной твари,
Так и проживешь свой век,
Словно человек в футляре,
Словно и не человек.

9 октября 2011

* * *

Подводя итоги в сорок,
Понимаешь, жизнь лишь морок,
Понимаешь, жизнь лишь мрак.

Человечий век недолог,
Сам себе ты — друг и враг,
Но, по правде, больше враг.

В голове твоей термиты,
Но, в конце концов, пойми ты,
Но, в конце концов, пойми.

На безумие походит,
Всё когда-нибудь проходит,
Всё проходит, *top atі*.

15 января 2012

* * *

День изумителен в лучах
Едва пробившегося солнца.
Казалось, он совсем зачах,
Казалось, больше не проснется,

Казалось, не поднимет век,
Но он старался, он боролся.
И вот уже сияет снег
Почище мрамора Пароса.

Так, может быть, когда-нибудь,
Любимая, и мы с тобою
Сумеет напослед вернуть
Давно отъятое судьбою.

19 января 2012

* * *

Кто придумал из моллюсков
Делать пурпур драгоценный? —
Целый день брожу и этот
Задаю вопрос бесцельный.

Ничего уже не надо.
Только быть с народом вместе.
Только притяженье взгляда.
Только ожиданье вести.

Лишь одно осталось дело —
Пробираться через ересь
До окраин, до предела,
По пути в подъездах греясь

В эти жуткие морозы,
Слабые теряя узы
В коконе метаморфозы,
Без надежды и без Музы.

8 февраля 2012

* * *

Возвращаться — это глупо
И, увы, напрасный труд.
У тебя другая труппа,
У меня другой маршрут.

Никакого разговора
Не получится теперь,
Кроме вечного раздора,
Кроме перечня потерь.

» ДВЕ РЫБЫ, ПЯТЬ ХЛЕБОВ. «

Для меня не будет завтра,
Для тебя же — *assorti*.
Нам по улочкам Монмартра,
К сожаленью, не пройти.

Зрением Анри Матисса
Не увидеть Сакре-Кёр.
Ты — прекрасная актриса.
Я — посредственный актер.

К сожаленью, дорогая,
Времени не превозмочь.
Так живи пренебрегая,
От любви сбегая прочь.

12 февраля 2012

* * *

Уноси ж мое сердце в звенящую даль...

Афанасий Фет

Чередом своим
Музыка течет.
Скоро поглядим —
Нечет или чет?

Обреченный мир
Трудится пока.
Созданный кумир
С головой быка

Обожает речь,
Пурпур, серебро.
Как тебя сберечь,
О, мое ребро?

В Мюнхене — монах.
В Лондоне — дракон.
Уноси же прах,
Нарушай закон.

В Зальцбурге как соль,
Так и соль минор.
Уноси же боль
В сумрачный простор.

Через много лет
Превратится в миф
Дерзкий твой скелет,
Твой императив.

И забытый гимн
Пропоет труба
Голосом другим,
Как твоя судьба.

Соль-ми-соль-фа-ми.
Словно нотный стан,
Аквилон, шуми.
Бейся, океан.

29 февраля 2012

* * *

Февраль, подверженный печали,
Исполненный тревоги хор.
Всё повторится, как в начале,
Как повторилось до сих пор.
Незабываемое имя,
Укрытая под пеплом страсть.

Я так люблю тебя, богиня,
Катастрофически страшась,
Что мы с тобой не вместе встретим
Грядущей бури торжество.
Мир разрушается, и с этим
Нельзя поделаться ничего.

14 марта 2012

* * *

А твой прощальный взгляд
Меня во сне настиг:
Когда-нибудь простят,
В какой-то чудный миг.

Я в сторону смотрел,
Но обернулся вдруг —
Еще с запасом стрел
Ты опустила лук.

И, уходя, тепло
Взглянула, как насквозь,
На то, что быть могло,
На то, что не сбылось.

23 марта 2012

* * *

Сонливый тусклый день
По завершение мая.
Душа, почти немая,
Нервозна — не задень.

С утра до трех часов
Идет стигийский дождик.
Стареющий художник
Закрылся на засов.

И тихо пьет вино.
И ничего не пишет,
Но только словно слышит —
Стучит веретено.

Выходит, нить в руке
Цела, по крайней мере.
Чем меньше слов в строке,
Тем явственней потери.

Неистовый поэт
В нирване созерцаний
Рассматривает свет
Уже без восклицаний.

Он принимает мир
И сохраняет верность.
Избыточность — кумир,
А фараон — чрезмерность.

В эпоху перемен
В стране — как в старом улье.
Жизнь оказалась тем,
Чем оказалась всуе.

Собрание вещей,
Пифийские глаголы —
Они под небом голы
Без траурных плащей.

Что может бедный стих
Поделать днесь со всеми,
Коль бедственное время
Находит вдруг на них?

25 июня 2012

* * *

Развязанный тобой
Напрасен жаркий бой —
Об этом возвещает
Неистовый прибой.

По берегу идешь
С надеждой, что найдешь
Ответы на вопросы,
Где правда и где ложь.

Смотри, твои следы
Полны морской воды.
Подобными шагами
Не избежать беды.

Что значат визави
Для Музы, для любви
Все доводы рассудка,
Все приступы твои.

Она вчера была
То весела, то зла,
Восставшая из пепла,
Сгоревшая дотла.

Ее предвидел Блок...
Но не об этом толк:

Здесь где-то черепаха
Из бездны на песок

Выходит иногда,
Как поздняя звезда,
И где-то черепашек
Смешная череда.

2 августа 2012
Средиземное море

* * *

И обратился, и увидел,
Что снова тщетно прожит год.
Какое множество пустот
Заместо дней, событий, чисел.

Как знает сердце свой устав,
Так память ничего не знает.
Стоишь, забывшись, солнцем залит,
Стопами хрящ морской поправ.

И до прибытия триремы
Следишь, как в приступе тоски
Волна наносит на пески
Астрономические схемы.

Еще немного, и с тоской
Проникнешь в тайну сотворенья,
И будет часть стихотворенья
Исполнена водой морской.

4 августа 2012
Средиземное море

* * *

«Путешествие не может
Сделать навсегда счастливым.
Только память приумножит
Удивительным приливом.
Но и это ненадолго.
Станет скучною дорога», —
Так сказал один печальный
Человек, немного пьяный,
Незнакомцу открывая
Душу в мюнхенском трамвае.
Сам он, значит, из Казани...
Но достаточно сказаний.
Я сошел в Пинакотеку,
Он отправился по кругу.
Новых странствий имяреку,
Эмигранту, гостю, другу.

5 августа 2012

Средиземное море

КАМЕНЩИК

Мой славный сын, там нестерпимый зной,
А ты лежишь, ласкаемый волной,
Рассматриваешь камешки морские,
Порой среди них находятся такие,
Как будто флорентийский ювелир
Из бездны вывел фантастичный мир.
Весь блеск, вся суть и грандиозность мира
Внутри не столь алмаза и сапфира,
Но и в крови любого из камней.
Взять хоть того, как сонмище теней.

Ведь как земля жила и умирала,
Всё отразилось в сердце минерала.

Мой славный сын, какой калейдоскоп
Собрали здесь. Колонна или столп?
Начертаны таинственные знаки,
Как будто бы окаменели знаки.
Вот камень как осенний небосвод —
Клубятся тучи, парусник плывет.
На этом проступают континенты
Невероятные, с иной планеты.
А этот с дыркой, словно бы скелет,
Проденешь нитку, будет амулет.
Как дивно обновляется волнами,
Что создано другими временами.

Мой славный сын, а кто соорудит
Амфитеатр или лабиринт?
А может, даже башню Вавилона
Кто до небес поднимет непреклонно?
Уж коль не мы, мой каменщик, с тобой
С богами ввяжемся в неравный бой.
И чтоб надежным получилось зданье,
Часть мраморной плиты возложим в основание,
Где буквы полустертые гласят:
«Прощай, моя царица Гипсикрат».

8 августа 2012
Средиземное море

* * *

Сквозь Дантовы круги
Единственная нить —
Следить твои шаги,
Молиться и любить.

Наперекор дождям,
Сквозь марево и зной
Бродить по площадям
Лишь за тобой одной.

Ведь нам кастальских струй
Уже не позабыть,
Над книгой поцелуй
Последний, может быть.

Прошу, не улетай —
Заклятье и призыв,
Но голубиных стай —
Как будто счастья взрыв.

Когда тревогой полн,
То покидаешь кров,
На брег пустынных волн,
В широкий шум дубров.

Бушует пенный понт
И бьет в архипелаг,
И вырывает зонт,
Как будто белый флаг.

И если нам опять
Не совладать с судьбой —
Любить тебя, обнять
И плакать над тобой.

*10 августа 2012
Средиземное море*

ГИМЕРРА

1

...пойди, поищи ослиц.

Первая книга Царств

От приступа панического страха
Тебя спасают Себастьяна Баха
Прелюдии, вошедшие в клавир,
Как люди, посетившие сей мир
Инкогнито в минуты роковые,
А ныне, словно тени звуковые,
Они ночами говорят с тобой...
А раньше ты сбегал во двор пустой
По гулкой лестнице, не дожидаясь лифта,
Где буквицы готического шрифта
На старых стенах проступают так,
Что всё же можно разобрать сквозь мрак —
Как будто бы «Гоморра» и «Химера»
Слились в одно название «Гимерра».
Теперь тебя врачует ре минор...
А раньше ты сбегал в пустынный двор
В отчаянье — едва ли кто поможет,
И по-другому быть уже не может.
И сердце вырывалось из груди
От неизбежности, что впереди.
Казалось, эта обреченность снится:
В акустику церквей, в покой больницы,
Как в Книге Царств на поиски ослиц,
Брести напрапалую, падать ниц
И подниматься после всех историй
В кремнистый путь, ведущий в крематорий,
За боль, за блеск, за чудо прежних дней,
И с каждым шагом страсть твоя сильней.

2 ноября 2012

ДВЕ РЫБЫ, ПЯТЬ ХЛЕБОВ. »

Он взял пять хлебов и две рыбы...

Евангелие от Марка

Как холодно посередине марта,
И на сугробах темных глыбы льда —
Во всем присутствует не то чтобы утрата,
Не то чтобы грядущая беда,
Но нечто большее, но нечто неземное.
Над головой мерцающее море;
Великие галактики вдали
За тысячи парсеков от Земли;
Как таинство, разверзнутая бездна...
А ты всего лишь смертный, как известно,
Настигнутый на грани немоты.
И кто-то, может, вечен, но не ты.
Вот истина, которую не может
Твое сознание перенести,
Пока его Господь не уничтожит
В назначенное время, уж прости.
Обозревая неба целокупность,
В тебе растет, как в городе преступность,
Обида за конечность бытия.
А помнишь ли, как в древности философ,
Уставший от бесчисленных вопросов,
Дыханье задержал и, несмотря
На жуткую потребность в кислороде,
Сказал спокойно «нет» своей природе
И задохнулся, отрицая вдох,
И отбыл к праотцам, как некий бог?
Блаженны сердцем чистые, поскольку
Они узрят, что недоступно оку.
Вот мужества достойный образец.
А ты, познав истории конец,

Панически боишься задыханий.
Ведь больше не осталось никого
И ничего для сердца твоего.
И, к сожаленью, верный амфибрахий
И пятистопный ямб ночных твоих трудов
Уже не мира вечное движенье,
Уже не божий свет, уже не умноженье
Для человечества двух рыб, пяти хлебов.

29 ноября 2012

* * *

Больше от тебя ни звука
Не услышу никогда.
Ты теперь моя разлука,
Ты теперь моя беда.

Бросилась, как Лорелея, —
Хоть куда, но только прочь.
Призрак твой, печально рея,
Надо мной кружит всю ночь.

Словно бы из минерала
Два изломанных крыла.
Долго-долго умирала,
Наконец-то умерла.

1 декабря 2012

* * *

В серебристые стрекозы
Ты пробила из наяд,
Так легко оставив слезы
И хитиновый наряд

На моей простой жилетке.
Удивление и страх
Отразились в каждой клетке
На фасеточных глазах.
Ты теперь живешь в палаццо
С видами на Палатин.
Мне ж осталось распасться,
Словно скинутый хитин.

6 декабря 2012

* * *

Время исчерпало
Свой потенциал.
Начинать сначала,
Если опоздал,
Не имеет смысла.
Принимай стрелу,
Ту, что чуть зависла,
Пролетая мглу.
Длительна затяжка —
Стоит лишь моргнуть,
Долетит и тяжко
Продырявит грудь.
Так с тобою часто
Происходит, друг.
Тянет для контраста,
А нагрянет вдруг.
Весточка из давних
Позабывтых дней,
Бесконечный травник
Призрачных огней.

11 декабря 2012

ЕЛКА

1

...и тайный хор их бродит вокруг меня...

Анна Ахматова

В темнеющем лесу светло от снега.
Какая удивительная нега —
То медленно, то быстро по лыжне
Скользить сквозь дебри в сонной тишине,
В которой ты один, *in mondo uno solo*,
Сказать способен напоследок слово.
Средь хаоса морозной немоты
Как зыбок след, что оставляешь ты.

Вот так же замысел стихотворенья,
Почти пренебрегая силой тренья,
Из пустоты по воле аонид
Приобретает человеческий вид
В колючих искрах снежной рифмы парной,
Душой преображаясь благодарной
За всё произошедшее с тобой
И что еще обещано судьбой.

Кругом такие царственные виды.
Здесь хвойные стоят кариатиды,
Удерживая ярусы снегов,
Как будто натиск яростный врагов.
А если не удержат, то лавиной
Накроет, как ударом лапы львиной.
Здесь явлена такая красота —
На скорости взгляни вполоборота —
Как будто кони вздыбленные Клодта
И словно Микеланджело «Пьета».
А впереди божественная Ника

Самофракийская, как будто книга,
Раскрыла крылья, обнажила плоть...

Да утвердит стопы твои Господь!
Поскольку всю дорогу волочится
Вослед тебе то призрак, то волчица.
Всё время темный искушает дух
Ответить на вопрос, признаться вслух:
Возможно ли, что там, в глуши, под елью,
Охваченный, как праздником, метелью,
Остался ты лежать, не видя из-под век
Почти из космоса летящий снег,
Уже познав бессильною тоскою,
Как многое еще стремится стать строкою?

19 февраля 2013

2

...в новогодний торжественный день...

Анна Ахматова

Чудесен день последний декабря:
С утра снегами щедро одаря,
Под занавес он светится устало.
Мой верный друг, нам тоже не пристало
То унывать напрасно, то скучать.
Как увлекательна следов печать,
Напоминающая «Одиссею».
Ведь лес живет загадочной своею
Невидимую жизнью, полной сил.
Вот и тебя сегодня пригласил,
Как собеседника и как предтечу,
На до сих пор неведомую встречу.
Оставив просеку, на сто шагов
С трудом продвинувшись по целине снегов,
Ты обнаружил белки отпечатки.

В попытке отыскать не знаю что,
Упорствуя, еще шагов на сто,
Как в бездну, погрузился без оглядки
И без сомнений на безмолвный зов.
Теперь стоишь и не находишь слов.

Вдруг елочка открылась, невидимка,
Сугроб обрушив тяжело с крыла,
И вот позирует для фотоснимка —
Торжественна, таинственна, светла.
На веточках стеклянные игрушки
Оставлены старательной рукой —
Любимые советские зверушки
И вечный шар зеркально-золотой.

Не знаю, кто придумал праздник этот,
Подобный удивительному сну,
Но Конан Дойла дедуктивный метод
Подсказывает версию одну:
Возможно, что родители и тройня
Приходят раз в году сюда, в тайник,
Куда по воле случая сегодня
И ты неосторожно так проник.

27 января 2014

3

...ибо кто приведет его посмотреть
на то, что будет после него?

Книга Екклесиаста

Представь себе, как дочь Екатерина,
Управившись с остатком мандарина,
Подвесила, чуть ветку наклоня,
Щелкунчика, медведя и коня.
Забота, согласимся, не простая.

И винограда кисть, и рыбок стая —
Есть мальчика Илюшки результат,
А Нюрочка добавила зайчат,
И волка серого, и рыжую лисичку,
И терем-теремок, и рукавичку.
Как радостно игрушек старых рать,
Как будто в детстве, вновь перебирать.
Поэтому возьми с собой улитку.
Потом взамен на елочку вернешь
Хоть бабочку, а впрочем, что сочтешь...
А впрочем, нет, не отворяй калитку...
Ведь мы-то знаем, что пути назад
Чрезмерные препятствия таят.

Прислушайся, как в тишине тревожной
Доносится стук дятла осторожный:
Тук-тук, тук-тук, а после — тук-тук-тук...
Упавшим навзничь сладко слушать звук
Единственный в заснеженной пустыне
И представлять, как будет всё отныне
Исполнено трудов и чистых нег.
На веки падает и тает снег.
Пора домой, наверно, возвращаться.
Как с человеком, с елкой попрощаться —
Об иглы уколоться невзначай.
Пора домой, где ждет горячий чай.
Под всхлипы ветра и под скрипы наста
И повторяя путь Екклесиаста,
Как было уготовано судьбой,
Так зыбок след, оставленный тобой.
Жизнь оказалась тем, чем оказалась,
И лишь одна Поэзия осталась,
Как главное событие в твоей
Абсурдной череде ночей и дней.

11 февраля 2014

* * *

Оказавшись в старом граде,
Где сияние и мрак,
Будем завирать не ради
Злого умысла, а так.

Скажем, что с другой планеты
Прибыли на сорок дней,
Чтоб разведать все секреты
Царства света и теней.

Скажем так, хотя и знаем,
Что согрем и согрешим —
Чудный мир непознаваем
И, увы, неразрешим.

Очувтившись в старом доме,
Зарекаться будем мы
От всего, наверно, кроме
От суммы и от тюрьмы.

После долгого похода
Что еще осталось нам?
Полыханье небосвода,
Словно песня Мириам.

Как героев плутовского,
Свет пронизывает нас,
Нет ли вдруг чего такого,
Недоступного для глаз.

И, подобная прибою,
Шумно подступает тьма.
Как тут совладать с собою?
Как тут не сойти с ума?

22 июля 2013 года

* * *

Он стонет так, как длинные гудки
На том конце... минуты три-четыре —
В пустынном мире и в пустой квартире,
И, очевидно, в пустоте строки.

В последний год, как истые пловцы,
И он плывет без смысла и без цели,
Хотя, чем вечно пребывать в прицеле,
Наверно, лучше в воду все концы.

В последний год он больше ничего
Не слушает, не смотрит, не читает,
Не то чтобы по жизни причитает,
Но стонет как чужое существо.

2 августа 2013

* * *

В тринадцатом году, еще не понимая...

Георгий Иванов

Ноябрь тринадцатого года —
Как пять согласных букв подряд.
На остановке говорят:
Какая теплая погода —

Феномен, чудеса, циклон...
Когда же подойдет автобус?
Когда б на нем объехать глобус
Возможно было целиком!

Вот так бы вез благие вести
По сумрачной родной стране

С народом молчаливым вместе,
С народом шумным наравне.

Здесь с нами скальд Сергей Васильев
Поет, как угнан был трамвай.
Ты, искушенье пересилив,
Не угонай, но подпевай!

Пусть неумело, пусть некстати
О том, как буквы на трубе...
О чем тебе еще рыдати?
О чем же плакати тебе?

19 ноября 2013

ВИД ИЗ ОКНА

Моя печаль, взгляни с балкона,
Как по дорожке стадиона
Три бабки с палками гуськом,
Четвертая — почти ползком.
Короче, все они в запарке.
Старушки как богини парки:
Одна как будто тянет нить.
Вторую — не остановить
(Веретено подобно свитку),
Но третья обрывает нитку.
Четвертая пошла домой,
А ты сказала: «Боже мой,
На старости и мы с тобою
Займемся финскою ходьбою».

13 января 2014

* * *

Я знаю, что и эти строки
Тебя не возвратят,
Как запечатанный источник,
Как вырубленный сад.

Теперь совсем уже недолго,
И мы пребудем там —
В пустых воспоминаньях Бога,
Подобно миражам,

Поскольку тщетна человечность
И больше не зовет.
Казалось, что составим вечность,
А вышло — эпизод.

20 марта 2014

* * *

Подводя итоги строго,
Видишь, что совсем немного
Сделал, совершил, сумел.

На экзамене у Бога
Будешь выглядеть убого,
У доски роняя мел.

Впрочем, пофигизм студента
Говорит: *festina lente*,
Баловень судьбы, мертвец.

Тише едешь — дальше будешь.
Всё в конце концов забудешь.
Всё забудешь наконец.

22 апреля 2014

ЛОНКИ-ВОРЦЫ

У меня к тебе вопросы:
Что такое Лонки-Ворцы?
Отчего они так звонки,
Эти Ворцы, эти Лонки?
И звучат как будто мантра,
И лежат в пределах завтра.
Настоящее же время
Местное не знает племя.
Там живут, как в небылице,
Еслики и ежелицы.
Говорят, там до сих пор
Проживает Томас Мор.
У меня к тебе вопросы:
Что ж такое Лонки-Ворцы?

2 мая 2014

* * *

Оказавшись после всех событий
В этом позабытом уголке,
Ты теперь барахтаешься в быте,
Как плывешь на утлом челноке.

В старом доме, как остатки горя,
Бесконечно вытираешь пыль.
И не ищешь больше алкоголя,
Чтобы накачаться как упырь.

Самые обыденные вещи
Временный дают душе покой —
И уже не кажутся зловещи,
И не скалят зубы под рукой.

ДВЕ РЫБЫ, ПЯТЬ ХЛЕБОВ. »

Здесь почти искомая нирвана.
Что еще попросишь у судьбы —
Поглощать истории с экрана,
Биться в теннис, собирать грибы?

Здесь венчают всем чело повязкой,
Белую повязкой забытья.
В атмосфере сказочной, но вязкой
Память пропадает у тебя.

Мы с тобой, увы, оскудеваем!
Только призрачной любви парфюм
До сих пор еще забываем
В том кафе парижском — «Шьен-ки-фюм».

Как она тогда и говорила —
Вытравил и выжег напрочь всё,
Что одну ее боготворило,
Что любило лишь одну ее.

Как итог записывай подробно,
В шелку наблюдая из-под век,
Что в тебе теперь жизнеспособно
И насколько это человек?

29 августа 2014

* * *

Как там сейчас, когда нас там больше нет?

Рэй Брэдбери

По Пушкинской проходим вчуже,
Как в путешествии назад.
Застывшие сверкают лужи —
Глаза уставшие слезят.

Не удивляйся: что ж такого?
Сто семьдесят девятый дом
И шестьдесят восьмая школа —
Как в измерении ином.

Здесь всё, конечно, изменилось.
И нам с тобой дарован шанс,
Как вымысел, как божья милость,
Узнать, что стало после нас.

24 ноября 2014

* * *

Снег в декабре еще так тонок,
Что мерзлая земля видна.
Ждешь не дождешься лыжных гонок,
Как новогоднего вина.

Ждешь не дождешься, как помчишься
Стрелой сквозь дремучий лес.
И снова вольница мальчишья,
И ожидание чудес.

Когда же музыка мороза
Захватит призрачным крылом,
Преисполняясь *amoroso**,
С любовью, с грустью о былом?

А впрочем, чудная прогулка
Полна событий и без лыж:
Как дятел ударяет гулко!
Как тихо пробегает мышь!

* Музыкальный термин — нежно, страстно (*итал.*).

Все наши дни неповторимы —
Свисти Свиридова «Метель»!
И более того — для рифмы —
Свисти, свисти, как свиристель!

6 декабря 2014

* * *

О, как по-разному звучит
Зима под лыжами твоими —
То ластится, а то рычит,
То повторяет чье-то имя.

Возможно ли, что Суламифь?
Возможно ли, когда со склона
Летишь, дыханье затаив, —
*Amato, amo, Desdemona?**

Остановившись на краю,
Так жаждешь жить, творить и славить,
Что даже снег, и наст, и наледь
Даруют музыку свою.

И так идут за днями дни,
Как в инкрустации, красиво
По лесу долго вдоль лыжни
Полынь, малина и крапива.

Как гномик, редкий бересклет
Несет фонарики цветные.
О, как невероятен свет
И берега его иные!

17 декабря 2014

* Я любил, люблю, Дездемона (*итал.*).

* * *

Этот город, теряющий вид, —
Мельхиор или метеорит?
Или мрамор, начатый другим?
Этот город, бесспорно, не Рим,
Но и в нем есть частица того,
Что условно зовут «волшебство».
Этот город, меняющий лик, —
Муравейник, могильник, рудник,
Марсианский ландшафт, лабиринт,
Вместо нити дарующий бинт
На запястья твои и чело,
Где, как язва, темнеет число
В этом городе прожитых лет.
Я оставлю ему свой скелет
И стихи, как надежду и память, —
Всё, что только и стоит оставить.

23 декабря 2014

* * *

Потом взамен на елочку вернешь
Хоть бабочку, а впрочем, что сочтешь...

В лесу такая тишина:
Как пиццикато, сосен скрипы;
Лыжня шуршит — занесена
Сухими семенами липы.
Поскольку ветер, словно вал
Морской, дошедший из чужбины,
Последнее с ветвей сорвал
И в снежные метет ложбины.
А ты свой продолжаешь путь,

ДВЕ РЫБЫ, ПЯТЬ ХЛЕБОВ. »

Оставив позади опушку,
Спеша на елочку вернуть,
Взамен другой, свою игрушку —
Зеркальный шарик золотой,
С любовью сохраненный с детства,
С такой светящий теплотой,
Что можно от него согреться
В морозы, в стужу, в холода —
На время, навсегда, навеки —
Гори, гори, моя звезда,
Как в небе, на еловой ветке.

29 декабря 2014

* * *

Дай обниму тебя, плачя,
И поцелую мрамор век
Буонаротти горячее,
Нежнее, чем двадцатый век.
Не принимай всерьез, Эвтерпа,
Среди трудов и чистых нег,
Что и во мне сорвалась скрепа
И рухнул мир, как с веток снег.
Увы, обрушились всем скопом,
Как льдинки звонко в водосток,
Великолепная Европа,
И неизведанный Восток,
И Африка, и Антарктида...
Как сказано, за слогом слог.
Сочтем, что это панихида,
Опубликуем некролог.

26 января 2015

* * *

...на дальнем пути, да на санях сидя...

Поучения Владимира Мономаха

Как после ветра буйного с лыжни
Откидываешь сломанные ветки,
Так вечные печали отжени,
Как нам с тобой и завещали предки.

Как говорил Владимир Мономах,
На санях сидя, на пути далеком,
Как зверя, различая смерть впотьмах,
Прицеливаясь воспаленным оком:

Не позволяйте свой ленивый ум
Захватывать безлепице, как скверне.
Прислушайтесь к торжественной вечерне
Сквозь бесконечно-беспокойный шум.

Во тьме кромешной, и при свете дня,
И в пустоте, когда уж не под силу,
Взывайте долго: Господи, помилуй!
Помилуй, отче, грешного меня.

18 февраля 2015

СНЕЖНЫЙ ШАР

...ты держишь хрустальную сферу...

Николай Гумилев

Не скрипки целый день звучали,
Но лыжи в тишине лесной —
То в радости, а то в печали.
Post scriptum, на пути домой
Настигли снеговые волны,
Как «снежный шар» встряхнули вдруг,
Воды и белых хлопьев полный,
Едва не выронив из рук,
Не знаю кто, наверно, дети,
Моля, чтоб, прежде чем в постель,
Еще взглянуть на вихри эти,
На лыжника в лесу, в метель.
Уж лучше был бы шар расколот —
Неистовое волшебство.
Должно быть, где-то близко город,
Но как добраться до него?
Слепит, и лепит, и мерцает —
Священнодействует зима.
То признает, то отрицает
По окончании письма.
И вспоминает роковую
Ошибку давнюю свою,
И Моцарта сороковую
Симфонию свистит вовсю.

4 марта 2015

ГЕКАТА

...Предчувствуя в ней всё:
и женственность, и нежность,
И наслаждение, которое уйдет.

Шарль Бодлер

А ночью что произошло?
Проснувшись, вспоминаешь долго,
Какие призраки в стекло
Стучали, ждали у порога.

То уходили прочь, кляня
И так протяжно завывая,
Как жаждет крова и огня
Осиротелость мировая!

То возвращались, как на зов,
На лампы слабое свечение,
Как ненаписанных стихов
Печальное перечисленье:

На море Черном воробьи...
Базилика из снега в Риме...
На станциях в снежки бои
С друзьями школьными твоими...

И вот средь множества иных,
Как Муза верная когда-то,
Богиня ужасов ночных,
Непостижимая Геката.

Как и создал великий грек*,
В обличии неразделимом

* Скульптор Алкамен впервые создал Гекату в виде трех соединенных статуй в Афинах.

Три девушки с лицом любимым,
С лицом, утраченным навек.

Одна — как молоко и мед.
Вторая — словно чет и нечет.
А третья, если не убьет,
То, очевидно, изувечит...

21 марта 2015

* * *

Городок в Тоскане —
Как почивший в бозе.
Трещинки на камне,
Патина на бронзе.

Никого на *piazza*,
Пусто на *piazzetta* —
Словно все боятся
Солнечного света.

Только тень платана
Распласталась зыбко,
Да на дне фонтана
Золотая рыбка.

Via бесподобно
Тянется, как знамя.
О, моя Мадонна
С горькими слезами!

Истинно, что было,
То всегда и будет.
Если не забыла,
Пусть потом забудет.

Глупо ждать чего-то
От судьбы, от века.
Не поможет почта,
Не спасет аптека.

Остается кьянти
Или карминьяно.
В каждом варианте
Есть своя нирвана.

На воде, на суше,
В городе и чаще
Что свободы лучше?
Что разлуки слаще?

3 апреля 2015

ОТРЫВОК

Задолго, как пропасть песчинкою в веках,
Отчаясь, имярек исчез в черновиках,
Где я случайно отыскал отрывок...
И вот теперь твержу без перерыва,
Как духов закликает некромант:

«Какой холодный и бесснежный март!
Хороший дворник для твоей особы
Сколочил дорожку льда и бросил на сугробы,
Чтоб крошка ледяная под стопой
Казалась бы мелодией простой,
Чтоб точку ты нашел себе опоры,
И в небо устремил печальны взоры,
И до того бы бездну озирал,
Пока не прозвучит божественный хорал».

23 апреля 2015

ПАЛИО*

Одна из лучших площадей
Превращена на день в арену.
Какие тысячи людей
Набились в старую Сиену!
Чудесен праздничный парад:
Как и тогда, во время оно,
Альфьере городских контрад
Торжественно несут знамена.
Красивы, статны, горячи,
Как в прошлой жизни, так и ныне,
Трубят протяжно трубачи,
Бьют в барабаны тамборини.
Подобно стрелам с тетивы,
Вздымая прах, рванули кони,
О, дорогая, только Вы
Так безучастны на балконе
Остались, словно бы сама
Лаура на любовь Петрарки,
А вся толпа сошла с ума —
В священном трепете дикарки
Не сводит глаз, как бьют кнутом
И скачут бешеным галопом,
Рискуя рухнуть на крутом
Последнем повороте скопом.
И впрямь они, ломая кость,
Обрушились, и смолкла площадь...
Потом такое началось,
Когда рывком поднялась лошадь
И понеслась без седока,
Что неподвижно распростерся

* *Палио* — это традиционные скачки, проходящие дважды в год в Сиене с 1656 года.

В крови на ложе из песка,
Но как гласит *cavallo scosso*:
Триумф — герою, лошадь чья
До финиша домчится первой.
О, дорогая, так и я:
Пускай сорвусь случайной жертвой,
Но вирши, полные огня,
Настигнут стрелами Амура
Тебя, прекрасная Лаура,
Пускай уже и без меня.

27 мая 2015

* * *

Под вечер, окончательно устав,
Так хорошо добавить в свой состав
Божественную каплю карминьяно;
Закреть глаза, и отпустить бразды,
И плыть в эпикурейские сады
Под вечную печаль фортепиано,
Не сокрушаясь больше ни о ком,
Зато пленяясь сущим пустяком —
Будь то тропа горячая на зное
Под старым виноградником сухим,
Будь то цикад неумолимый гимн
И многое, и многое иное,
Само собой пришедшее на ум,
Как, может, моря неумолчный шум...
Как славно там, на полосе прибора
Лежать, не различая сердца звук,
Не помня, что исчезнуть можешь вдруг
В чудесное мгновение любое...

24 июня 2015

* * *

Как ветвь, избавившись от груза,
Вдруг разогнется и замрет,
Так ты, испуганная Муза,
Что будет — знаешь наперед.

Поговорим без недомолвок,
Остановившись на краю.
И воздух превратится в войлок,
И твой просчет — в вину мою.

Но, господи, по крайней мере
Не надо снова об одном,
Но пожалей, но *miserere**,
Как начинается псалом,

Как наш финал стихотвореньем
Становится за слогом слог
С непостижимым ускореньем...
Так расширяет космос бог.

Так, видимо, и нас разняли
И прочь уносят в никуда.
Лети в неведомые дали!
Прощай, сверхновая звезда!

30 июля 2015

* * *

С печальной иронией взгляни
На то, как протекают наши дни.
Так после ливня во дворе ручьи
Несут останки, неизвестно чьи —
Какие-то всё щепки да листочки

* Помилуй (*лат.*) — начало псалма № 50.

От первой буквы до последней точки.
Великолепный список мелочей
Влечет река времен, верней, ручей.
Единственно существенное тут,
Что рано или поздно истекут,
И на впусую прожитую жизнь
Ты скажешь, как и водится: «Джин-джи».

26 августа 2015

* * *

Когда не совладать
С тоскою, друг Гораций,
Такая благодать —
По городу скитаться.

Не важно, будь Ижевск,
Иль Будапешт, иль Вена.
Осенний дивный блеск
Ловить самозабвенно.

Следить, как облака
Меняются во взоре —
Быстрее ледника,
Но медленней, чем море.

Как неземную весть,
Вдыхать целебный холод,
Как будто порох есть,
Как будто снова молод.

Как будто вволю нас
Судьба не истерзала...
Так хорошо сейчас
На лестнице вокзала.

ДВЕ РЫБЫ, ПЯТЬ ХЛЕБОВ. »

Красивый соткан вид
Из разноцветных ниток,
А ветер налетит —
Сорвется листьев свиток.

А если первый снег —
Запахнет Новым годом.
Не важно то, что век
Проходит мимоходом —

Так на душе светло
И невесомо тело,
Поскольку отошло,
Поскольку отлетело.

И, может, лучший гимн
Чистилища иль рая
Еще мы создадим,
Гораций, догорая.

28 октября 2015

* * *

Понеже* жизнь висит на нитке
И до кости обнажена,
Возьми *Château Margaux* по скидке
И пей из горлышка до дна.

Запоминай, как пахнет дымом,
Бензином, яблоком, сосной;
Разлукой с городом любимым
И расставаньем со страной.

Благоразумья — нет в помине.
Благополучье — не в чести.

* Поскольку, так как, потому что (*устар.*).

Не важно, в улицы какие
За Музой край плаща нести.

Внимай, как горним откровеньям,
Венецианским башмачкам,
По мостовой и по ступеням
Звучащим звонко здесь и там.

На них пылинками — суглинок,
И лунный грунт, и чернозем.
То с карнавала, то с поминок
Каких еще путей хлебнем?

Непостижимо продолженье:
В каком аду, в каком раю
На этот раз воображенье
Отыщет плоть и кровь свою?

5 ноября 2015

* * *

Сначала ветер *a cappella*,
Потом душа моя запела
И ни о чем, и ни о ком.
Мне эта песенка казалась
Безделицей и пустяком,
Но всё же привносила радость,
А это главное, когда
Со всех сторон грозит беда
И город за спиной несносен...
Шумящие верхушки сосен
Напоминают корабли.
В мозаике земли и снега
Пока поболее земли,
Но, боже мой, какая нега
По неподмерзшим тропам нам

» ДВЕ РЫБЫ, ПЯТЬ ХЛЕБОВ. «

Бродить, глазеть по сторонам
И слушать ветер *a cappella*...
В конце концов и ты запела
О том, как ожидаем мы
Великолепия зимы.
Так на вокзале ждут экспресса —
То выпьют чашечку эспрессо,
А то швейцарский шоколад
На всех разделят и съедят.
Признаемся, совсем не скудны
Зимы предтечи и кануны.
Казалось, различает слух
Трех дятлов прозрачные дробы,
Но мы с тобою только двух
Сумели отыскать в чашобе:
Стучат, долбят без суеты,
Роняют щепки с высоты.
Когда бы хлопья полетели,
Как провозвестники метели,
Как в сумерках пчелиный рой,
Сопровождая нас домой.
Оставим сухари да сушки
На нашей елочке в кормушке,
На все лихие времена
Подсолнечные семена.
Потом пойдем неторопливо,
Как вдоль ручья ветла да ива.
Взойдем на сломанный мосток
Следить воды прозрачный ток:
Как твой снежок, моя мадонна,
Плывет и тает обреченно,
Так исчезает жизнь моя,
Когда со мною нет тебя.

23 ноября 2015

* * *

Как снежные стога,
Еловый дремлет бор.
Куда же ты? В бега
На север, на простор.

Здесь тысячи ельчат,
Как новые слова,
Верхушками торчат
Из-под снегов едва.

Здесь чудится кругом
Ваятеля рука.
Вот совершенный гном
Из цельного куска.

И белка, и медведь,
И множество других.
Зависит, как смотреть
И как чеканить стих.

Здесь можно без прикрас
Увидеть жизнь свою.
Ведь ты не в первый раз
Охвачен дежавю.

Как будто тайный знак
Из прошлого вернул
Далекий лай собак
И самолета гул.

И скрип, и шелест лыж
Уже который круг...
Постой, товарищ! Слышь,
Возможно, дятла стук.

» ДВЕ РЫБЫ, ПЯТЬ ХЛЕБОВ. «

Возможно, что санскрит,
Но кто ж его поймет:
Всевышний говорит?
Вселенная поет?

И отбиваешь такт,
И повторяешь песнь.
Бесспорно. Это факт.
Она — твоя болезнь.

Но без нее тебе
Существования нет:
И жизнь — небытие,
И смерть — такой же бред.

22 декабря 2015

* * *

...где с воробьем Катулл и с ласточкой Державин.

Владислав Ходасевич

Дятел — словно божество.
Одиноко без него
В мире призраков и прочих.

Удивителен и прост,
Опирается о хвост
И стучит, как молоточек.

Ударяет по сосне,
Словно что-то хочет мне
Сообщить с печалью дятел.

Я бы тоже рассказал,
Как дерзил и как дерзал,
Как напрасно жизнь потратил.

Даже бы пустил слезу.
Он — вверху, а я внизу,
И настойчив, и неистов.

Лыжной палкой тук-тук-тук,
Как тюремный перестук
Одного из декабристов*.

Есть спасенье для меня
И в застенках бытия —
Сердцем друга обнаружив,

Повторяться раз по сто,
Спрашивать его: ты кто?
Отвечать ему: Бестужев.

3 февраля 2016

* * *

По истечение карантина
В лесу сплошное волшебство.
К примеру, вдоль лыжни калина,
На ней три ягодки всего.

* Декабрист Михаил Бестужев, находясь в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, в 1826 году придумал перестукиваться через стены одиночных камер с товарищами. Об этом он подробно рассказал в своих мемуарах.

Оставлю две на корм синицам,
Одну сорву губами так,
Как прикасаются к ресницам
И раздувают перья птах.

Пускай любимой поцелуи
Давно исчезли вместе с ней,
Но память все-таки, как улы,
Полна и духов, и теней.

Лови последний, незаконный,
То леденящий, словно *frost*,
А то как в горне раскаленный
И долгий, как Калинов мост.

1 марта 2016

* * *

...как старая кукла в волнах...

Иннокентий Анненский

И удивительно, и щедро
Еще один дарован день!
Опять в заснеженные недра
Лечу, пусть медленнее ветра,
Зато быстрее, чем мигрень.

Уже остались за плечами
И перекресток, и ручей.
Чем дальше, тем необычайней
Чуть обогретое лучами
Великолепье мелочей.

Как видно, здесь трудился дятел —
Под елью круг сухой коры.
Мой друг, мой призрачный приятель,
Наверное, полдня потратил,
Во все стараясь топоры.

О, сколько на деревьях тропок,
Путей воздушных и дорог!
Сугроб на ветке так неловок.
Казалось, невесом, как хлопóк,
Но звук падения — хлопóк...

Остановившись после бега,
Смотри, какой печальный вид!
Здесь кукла, как внутри ковчега,
Оставлена еще до снега
И вот теперь под снегом спит.

Потом найду ее в апреле,
Покуда же пора домой,
Чтоб у камина, где потéпле,
Пить кьянти и следить, как в пепле
Мерцает день прошедший мой.

8 апреля 2016

ПОМПЕИ

Везувий зев открыл...

Александр Пушкин

Всё меньше вспоминаю о тебе,
Такую роль сыгравшую в судьбе,
Какую только в древности Везувий.

Опустим описание безумий
И паники, поскольку ни к чему
Мой крах благополучью твоему,
И перейдем ко времени раскопок.

Как будто наваждение и морок,
Из-под камней, и пемзы, и земли
Пришедшие на помощь дни и ночи
Старательно мой город извлекли
Почти таким, каким задумал зодчий.

Теперь, когда иду по мостовой
И так чиста лазурь над головой,
Представить трудно, что под слоем пепла
На месте тел животных и людей,
Чья плоть давно рассыпаться успела, —
Как коконы неведомых идей,
Образовались страшные пустоты.

Вот редкий шанс спросить у смерти: кто ты?
Заполнить емкость гипсом, словно снять
Посмертно маску, — может быть, с авгура?
А может, с хлебопека? Не понять,
Но в результате — все-таки скульптура,
А не распад, не тефра*, не зола.

Им имя — легион. Им нет числа:
Добытчик серебра, торговец, пахарь,
Ремесленник, патриций, жрец, плебей,
Историк**, гладиатор, виноградарь,
Ловец креветок, заклинатель змей,
Погонщик мулов, похоронный клоун...
Короче, город призраками полон.
И повсеместно здесь, в теснине стен,
Они обречены на вечный плен.

А я иду, зажмурившись от света,
Из Дома Фавна в старый Дом Поэта.
И от скитаний длительных плюсна
Мучительною болью пронзена.
Зато какое, боже мой, блаженство
Домой добраться, как вернуться в детство —
И в чудный сон без памяти упасть,
Раскинув крылья по полу, как часть
Мозаики, где несколько актеров
На репетиции, без лишних взоров,
Во власти постановки роковой...***

Что мне теперь любимый голос твой,
И ум божественный, и стрелы-брови,
И гордый нрав, и ток гремучей крови,
И нежный поцелуй, и шлем волос,
Когда тоскует дудочка до слез?

* *Тэфра* (от греч. пепел) — собирательный термин для отложений материала, выброшенного в воздух вулканом и затем осевшего на землю.

** Древнеримский писатель Плиний Старший, наиболее известный как автор «Естественной истории», погиб в результате извержения Везувия.

*** Дом трагического поэта в Помпеях назван так по выложенной в полу мозаике, на которой изображена репетиция трагического спектакля.

Что остается нам еще с тобою,
Как не играть в трагедии с судьбою?
И маски бесконечно примерять,
И роли, как молитву, повторять:
О, если бы найти такое слово,
Чтоб мертвые живыми стали снова.

24 марта 2016

* * *

По берегу траурная лента
Широкая морской травы.

По берегу, по самой кромке
Идешь, морских богов моля
Найти бы древние обломки
Затопленного корабля.
Хотя бы стертую монету,
Когда не множество монет,
Но ничего, как прежде, нету,
Но ничего, как прежде, нет.
Увы, сокровища на деле
Не попадаютя пока.
Лишь водоросли-асфодели
(Длиннее, чем твоя строка)
Гниют вдоль линии прибоя,
Как осенью в садах листьё.
Явись, событие любое!
Исполни таинство свое!
Но ничего не происходит,
Не происходит ничего.
Волна приходит и уходит,
Следы стирая твоего
Присутствия на побережье.
Как хорошо, что берег пуст!

Как жаль, что с каждым днем всё реже
Переживаешь свежесть чувств!
И вдруг (откуда здесь, у моря?),
Как будто из твоих краев,
По-свойски что-то тараторя,
Слетелась стайка воробьев.
Почти захлестнуты волною,
Клюют, щебечут про Гурзуф.
Пройди тихонько стороною,
Не потревожив, не вспугнув.
Припомни, в детстве ранним утром
Звенел вот так же сонный двор,
И свет, и тени с перламутром,
И дивный воробьиный хор.
Когда ж вернешься, без утайки
Всем по секрету объяви:
Ты думал, море — это чайки,
А море — это воробьи.

5 мая 2016

* * *

Это детство и счастье сначала...

Георгий Иванов

Возможно ли, что в круге новом
Тебе даруют, словно нимб,
Дружить с Серегой Макшаковым,
Который школьником погиб?
Не верится, что было время,
Хотя как будто бы вчера,
Мы, подрастающее племя,
Все утра, дни и вечера —
Всегда во что-нибудь играли,

» ДВЕ РЫБЫ, ПЯТЬ ХЛЕБОВ. «

Так увлеченно, что беда,
Пусть не ноктюрны на рояле,
Но в спички, в банки, в города,
В футбол на сломанной коробке,
В напильники, в значки, в войну
И в маршалы и, кстати, в пробки,
О чем отдельно помяну,
Когда писать воспоминанья
Наступит очевидный срок.
Какие чудные названья
У пробок были: колобок,
Султанчик, дамка, принц, корона
И телевизорик золотой.
Для рифмы просится «ворона»,
Но пробки не было такой.
Пустышка, слоник, клоп, солдатик*
И, как готический собор,
Какой-то чудо-многогранник —
Наверно, *Christian Dior*.
Короче, всё, чем закрывались
Одеколоны и духи
И как они именовались,
Я наконец-то внес в стихи.
Теперь закроем список скобкой —
В самой игре какая страсть!
Попробуй-ка по пробке пробкой,
Ногой ударивши, попасть.
А мы с Серегой попадали,
Как звонко щелкают орех.
И раз за разом побеждали,
Пока не одолели всех.
И в день триумфа, в день победы
В туземной пляске дикарей

* Еще были фестивалька, столбик, трактор, король...

Ободранные наши кеды
Давили пробки — кто быстрей.
О, сколько было кривотолков!
Как долго на асфальте цвел
Застывший фейерверк осколков,
Покуда дворник не подмел.
Увы, в те годы золотые
Не знали мы простых основ,
Что самые понты крутые,
Когда в помине нет понтов.
Возможно ли, что там, за краем,
В любом небытии своем
Еще когда-нибудь сыграем,
Забыв, как в детстве, обо всем?

29 мая 2016

ОДИССЕЯ

Привет тебе, ижевская хрущоба...

Всё время откладываешь на потом
Вернуться в родной приснопамятный дом,
Как будто спасительна эта отсрочка
И так милосердна, как младшая дочка;
Как будто бы вечность еще впереди
И пламенный двигатель в слабой груди;
Как будто, дружище, тебе не под силу
С начала начать, как покинуть могилу,
Где тысячи прахов иллюзий, утрат
И воспоминаний вповалку лежат.
Какие обрывки, останки, фрагменты,
Случайные кадры твоей киноленты!

» ДВЕ РЫБЫ, ПЯТЬ ХЛЕБОВ. «

И ты принимаешь, как призрачный дар,
В соседнем подъезде полночный пожар;
Ирги перезревшие сизые грозди;
Зеркальный секретик и ржавые гвозди,
Которыми всё в шалаше скреплено;
У бабушки прялку и веретено;
В подвале скелет, нарисованный мелом
Безвестным художником и неумелым;
Хромую собаку по кличке Пират;
И больше, и больше еще во сто крат —
Надежды, победы, подарки, потери;
Кошмарные сны, что не заперты двери;
Коллекцию марок, значков; дневники;
Ушибы, царапины и синяки,
И даже брызгалку из тюбика клея,
Где мало патронов, но жми не жалея.

И вот наконец-то при слабом огне
По узкому выступу в старой стене,
Как будто над бездной, идешь еле-еле,
Цепляясь за выбоины и за щели.
О, как растянулась цепочка друзей —
И Димка Бурлак, и Васильев Сергей,
И Мышкин, и Фефилов Макс, и Брекоткин,
Не ведая, будет ли путь наш далеким
И ждут нас какие чужие края!
Всё это и есть Одиссея твоя...

25 июня 2016

* * *

Сейчас сюда бы карту вин...

Признаться, жаль, что Казанова
Энциклопедию вина
Со вкусом (тонко и толково)
Не написал — его вина.

А мог бы довести до блеска,
Как похождения свои,
Ламбруско, кьянти, барбареско,
Бастардо, асти, мюзины.

Шабли, вувре, амонтильядо,
Вальполичелла, помероль —
То карнавал, то серенада,
А то трагическая роль.

В конце раскрыл бы по секрету,
Как самую большую страсть,
Как из Венеции в Винету*,
Минуя горести, попасть.

Воистину, недолги сборы —
Бароло, шакетра́, аи.
In *vino veritas*, синьоры,
Как счастье темное в крови!

12 июля 2016

* *Винета* — сказочный город, якобы опустившийся на дно Балтийского моря.

НЫРЯЛЬЩИК

Вот так и смерть, да, может быть, вот так.

Иван Бунин

На винноцветном том просторе,
Как при Гомере, тот же блеск!
Смотреть бы и смотреть на море
И слушать бесконечный плеск.

Стоять бы и стоять на камне
В предвосхищении прыжка.
О, неужели это канет —
Виденья, ветер, облака?

Я помню — в Пестуме гробницу,
Чья роспись вызывала дрожь.
Ныряльщик там похож на птицу,
Точней, на ласточку похож.

Такой стремительный, стрельчатый,
Из света в сумрак переход
В четыреста восьмидесятый
До нашей эры горький год.

Во тьму, пронизанную светом,
Во мрак в убранстве дорогом
Нырнуть бесстрашно в мире этом,
А вынырнуть уже в другом.

28 июля 2016

* * *

Он увидел белую обнаженную линию ее позвоночника и темную тень головы с выдающимся вперед мечом.

Эрнест Хемингуэй «Старик и море»

Как говорил старик Хемингуэя,
Встречай беду, когда она придет,
Покуда же осенняя аллея
Дарует листьев праздничный полет
И до того блистательны в лазури
Гонимые ветрами облака!

А ты опять, как будто после бури,
Влачишь, как знамя мертвого полка,
Обернутый вокруг мачты рваный парус —
И у тебя такой веселый вид,
Что даже вечный вездесущий Аргус,
Как за ребенком, за тобой следит.

Оглянешься — как в прошлом, так и ныне
Нет сил сказать, как падает вода,
Как ветер поднимается в пустыне,
Какие есть на свете города,
Какие люди есть на белом свете,
Куда ведет оборванная нить,
Как чудно жить, как невозможно эти
Чудесные явления сохранить.

Казалось бы, невиданную рыбу
С трудом поймал и тянешь за собой,
Могучую серебряную глыбу
С туманною полоской голубой.
Казалось бы, благословляет гений
Родной язык, магическую речь,

» ДВЕ РЫБЫ, ПЯТЬ ХЛЕБОВ. «

Но от акул — от страхов, от сомнений —
Не хватит сил, как прежде, уберечь.
В конце концов останется подстрочник
О смерти, о печали, ни о чем —
Прекрасной рыбы белый позвоночник
И голова с зазубренным мечом.

14 ноября 2016

* * *

А знаешь, рыжики пошли —
Великим табором, гурьбою,
Плотнее рыбьей чешуи.
Давай и мы пойдем с тобою
За ними хоть на край земли.
Оставим аромат бензина
И суматоху городов.
Да будет наша страсть взаимна —
До верха полная грибов
Легка тяжелая корзина.

30 ноября 2016

* * *

Из восемнадцатого века
Мне речи Лейбница слышны*
В защиту прав не человека,
Но гуманоида с Луны,
Когда бы чудная машина
Его на Землю принесла...

* В 1704 году Готфрид Лейбниц написал работу «Новые опыты о человеческом разуме», где рассуждает о правах иноземных существ, если бы вдруг такие появились «с Луны при помощи какой-нибудь машины».

Немыслима его личина,
Неведомы его дела.
Не знаю, где его там носит,
Но всё ж на Лейбница слова,
Надеюсь, явится и спросит:
«Какие у меня права?».

7 декабря 2016

* * *

Весь мир — театр.

Шекспир

Шекспир, при смене декораций
Неутешителен итог.
Четыре строчки, если вкратце,
Всё остальное — между строк:

Случилось большинство событий,
Которым было суждено.
В конце — осталось лишь одно.
Не знаю, как его избыти...

Но с дерзновением тоски
Смотрю, как движутся над бездной
Для новой пьесы неизвестной
Тяжелые колосники*.

Смотрю мучительно и долго
На то, на что смотреть нельзя —
На закулисы бытия
В простых приготовленьях Бога.

4 января 2017

* *Колосники* — деревянные или металлические брусья, соединенные в виде решетки в верхней части театральной сцены и служащие для укрепления декораций.

РЕМАРКА

— Не пишите больше! — попросил
пришедший умоляюще.

Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита»

И графоман, и графобоб,
Настанет время, лягут в гроб,
Пока же в качестве ремарки
Скажу без толку, без помарки:
Прошу покорнейше простить,
Но вычеркнуть меня из списков,
Чтоб хоть немного сократить
«Поэтов легион неистов».
И так уже прохожу нет,
Как нет Поэзии при этом.
Блажен, кто молча был поэтом,
Не засоря Интернет.

19 января 2017

* * *

Раз в неделю там, за краем,
Мы прогулки совершаем.
В воскресенье — тут как тут
Удивительный маршрут.
В сосняке у нас — маслята,
Но покуда рановато.
На плотине — кромка льда.
Кажется, что не вода
Подо льдом сквозит, а рыбки.
Очертания то зыбки,
То отчетливы, как ртуть.
Помоги мне как-нибудь!

Оторвать не в силах взгляда
От запретного обряда,
Застываю на мосту —
Всё смотрю на пустоту,
На незримый мир за гранью,
Недоступный пониманью...

За рукав тяни сильней!
Мы же шли смотреть коней:
В чистом поле, как бураны,
Чалый, в яблоках буланый,
Рыжий, серый, вороной,
Изабелловый, гнедой
Бьют копытом, добывая
Из-под снега травы рая.

25 января 2017

SANTA MARIA DELLA NEVE

Мне снилось, что над римским Эсквилином
В начале августа кружится снег,
То озаряясь вдруг сияньем дивным,
То пропадая в сумраке навек.

Казалось бы, едва, куда как скупо
Снежинки осыпаются на склон...
Но вот уже почти готовый купол
И сорок ионических колонн.

Пускай снежинок — лишь четыре вида:
Пластинка, столбик, звездочка, игла,
Но вот уже капелла и апсида,
И колокольня, и колокола.

Как незаметно в воздухе возникла
И светится в мозаике, во льду
Базíлика прекрасней бази́лика,
Цветущего в божественном саду.

Я дочкам показал — Екатерине
И Анне — где у северной стены
В семейном склепе крепко спит Бернини*
И видит ослепительные сны.

Джованни спит и видит сновиденья,
И, кажется, мы тоже видим их —
Великие его произведенья
Из удивительных миров иных.

Слоняясь от фонтана до фонтана
(Тритона, Пчел и Четырех великих рек),
Он любит отдохнуть в тени платана,
Послушать Рим, не поднимая век.

В конце всегда, хотя совсем не близко,
Бредет без сил, чтоб напоить слона,
Несущего громаду обелиска**,
И чашу на двоих испить до дна.

3 февраля 2017

* Итальянский архитектор и скульптор Джованни Лоренцо Бернини умер в Риме в 1680 году и похоронен вместе с родителями в фамильной усыпальнице в базилике Санта Мария Маджоре (раньше — Санта Мария делла Неве).

** На площади Минервы в Риме расположен древнеегипетский обелиск, основанием которому служит скульптура слона, созданная по проекту Бернини.

* * *

Представь себе: февральский лес
Практически совсем исчез,
Накрытый тяжкими снегами.
Такое множество скульптур
Ты, может, лишь в парижском храме
Встречала раньше, *mon amour*.
На ветках, на стволах сугробы,
Как мрамор самой высшей пробы,
Что удержался и повис
На хвое головою вниз...
Но тут ворвался ветер вольный,
По лесу загудели волны.
Куда ни глянь, везде обвал,
Тотальная бомбардировка,
Но я, мой друг, не спасовал —
Что значит опыт и сноровка —
По просеке во весь опор
Рванул на лыжах на простор.
Мой бег достоин эпопеи:
Как водится в конце игры,
Я чудом покидал Помпеи,
А сзади рушились миры.

7 февраля 2017

ЭМИНЕ-БАИР-ХОСАР

Жара ужасней, чем пожар,
Но всё же есть по крайней мере
Убежище в такой пещере,
Как Эминé-Баír-Хосáр*.

Как поразительна прохлада,
Когда вверху бушует зной!
Воистину здесь неземной
Покой утраченного сада.

Скрывает глубоко земля
Непостижимое убранство,
Напоминая нам пространство
Космического корабля.

У нас пока на все вопросы
Одна догадка: неужель
Натеки эти и наросты
Есть управления панель?

И если мы не будем робки —
Попробуем, сообразим,
Нажмем на правильные кнопки —
То прямо к звездам воспарим?

18 февраля 2017

* *Эмине-Баир-Хосар* — карстовая пещера, расположенная на нижнем плато массива Чагыр-Даг в Крыму. В переводе с тюркского — «колодец на склоне возле дуба».

* * *

Доставая в сумерках дрова,
Я нашел в поленнице случайно
Ящерку, заметную едва,
Скрытую, как призрачная тайна.

Словно веточка, она спала
В воздухе уже совсем осеннем
С жалкими крупницами тепла,
Что уносит тяжким дуновеньем.

Спящую я в дом ее занес
Осторожно, чтоб не испугалась.
Рядом с яблоками на поднос
Положил невиданную радость.

Что ей снится? Может, остров Крит,
Как она разнежилась на зное,
Или как созвездие горит*,
Или, может, что-нибудь иное.

Спи спокойно. В сумрачные дни
Мы еще поборемся с безумьем.
Ничего — теперь мы не одни.
Ничего — теперь перезимуем.

24 февраля 2017

* *Ящерица* (лат. *lacerta*) — созвездие северного полушария неба, содержащее 63 звезды, видимые невооруженным глазом в широтах от +90° до -33°.

* * *

На редкость снежная зима!
Давно такого не бывало.
Народ измучился весьма
Дворы откапывать, дома,
Автомобили после вала.
А мне — нагрузка по плечу,
А мне — работа эта в радость.
Лопату приравняв к мечу,
Я так снегов еще хочу,
Чтоб битва долго продолжалась.

25 февраля 2017

ПРОГУЛКА

...впивая теплый со свежестью запах снега и воздуха...

Лев Толстой «Анна Каренина»

1

О, наслаждение — мороз!
Давай сбежим от разной хвори!
Давай забудемся всерьез,
Впивая запах снежной хвои,
Лазури, блеска, лошадей,
Прошедших рядом по дороге;
Костров, полуденных теней,
И померанца, и тревоги.

Мы так мобильны, как листок,
Что ветер гонит на восток —
Куда летим, не знаем сами.
Под тучами, под парусами,
Вперед подавшись, вдаль смотря,

Любимая, ты как богиня,
Как изваянье корабля!
Остановившись на плотине,
Давай отметим сей момент
И бросим в воду горсть монет.
Недаром же нам день отпущен...

Чем дальше, тем сильнее и пуше!
Какие чудные места,
Еще не виданные нами!
Скажу печальными устами:
То маета, то маэста* —
Вот жизни формула простая,
А вот снегирь, перелетая,
Рассеял снежную пыльцу...

2

Тебе сердиться не к лицу.
Постой чуть-чуть — такая нега!
Не говори, что до весны
Придется ждать, пока с сосны
Собью снежками шапку снега.
Я попаду, я был горазд
Когда-то, много лет назад.

Вот заготовка для баллады —
Я помню бой ночной в снежки
(Мы их пекли, как пирожки,
А запускали, как снаряды).
Сполагоря** незнамо где,
На станции какой ж/д,

* *Маэста* (итал. *maestà* — величание, возвеличивание) — разновидность изображения Богоматери, сложившаяся в Италии в XIII веке.

** Легко, нетрудно (*устар.*)

Во время долгой остановки
При слабом свете фонарей
Неслись снежки моих друзей
Масштабнее артподготовки.
Конец каникулам, всему,
И госэкзамены маячат,
И неизвестность — посему
Был этот бой последний начат.
В отчаянье метался снег,
Как будто в двадцать первый век,
В его широты и долготы;
Как будто снежные комки
В себя вобрали соль тоски
И все грядущие заботы.

3 марта 2017

* * *

С улиткою, плывущей по крови...

Поскольку никуда не хочется, дремли
Под вековым таврическим платаном.
Как будда, созерцай края земли
Обратным взором — долгим, неустанным.
Не может человек пересказать всего,
Что память сохраняет благодарно.
Оркестр вступит, словно волшебство,
И кофе принесут из «Флориана»,
И праздный гул из сотен голосов
Охватит вдруг печалью неземною,
И гондола в ущелии дворцов,
Обглоданных зеленою волною,
Исчезнет, но возникнет катерок,

Ползущий по каналам Амстердама.
Куда тебя еще закинет рок,
Капризная судьба, таинственная карма?
На холмах Рима, в лондонском метро,
В музее бабочек, на променаде в Ницце —
В попытке отыскать свое ребро,
Чтоб от фантомной боли излечиться.
В миланской галерее, в Тюильри,
На венском кладбище и в «Уголке поэтов».
Не спрашивай, не задавай свои,
Чтоб снова не остаться без ответов.
Шагая по Гааге, пей портвейн
За «Девушку с жемчужною сережкой».
В том месте, где впадает Мозель в Рейн,
Броди ночами лунною дорожкой.
В коллекцию монеты доставай
Со дна великолепнейших фонтанов.
А на прощальный пир возьми айсвайн*,
Немного сыра, жареных каштанов.
Добавь в свое последнее меню
Горшочек мидий с пряностями в Брюгге,
В Сиене — пиццу, в Цюрихе — фондю
И поделись со всеми по округе.
О, где ты только рыб и голубей
Не угощал родным ижевским хлебом!
Каких ты только не встречал теней
Под бесконечным европейским небом!
Записывай: в Брюсселе — сюр Магритт
И звон стрижей над башней Сан-Марино.
Помпеи словно бы метеорит,
Флоренция как будто окарина.
Не знаю, может быть, нужны века,

* *Айсвайн* (нем. eiswein; англ. ice wine) — ледяное вино.

Чтоб жизнь пересказать до мелочи, до блика
И чтоб на вспаханный листок черновика
С твоей руки переползла улитка.
А впрочем, что еще нам делать там,
Где вечности бескрайние владенья,
Как вновь не возвращаться к пустякам,
Что составляют чудные мгновенья?

17 марта 2017

* * *

Марине Серовой

...поэта неведомый друг.

Анна Ахматова

Подобно сорванным осенним листьям,
Что ветер гонит к берегам чужим,
Приблизимся к финалу, что немислим,
И невозможен, и непостижим.
Казалось бы, события случайны,
Всё совершается само собой,
Но в результате — разглашенье тайны,
Что время нас готовит на убой.
Приблизимся вплотную и на кромке
Задержимся, поскольку дальше львы.
Что было нами сделано, потомки
Оценят соответственно, увы.
Но в безнадежности существованья,
Как в русском алфавите буква Ё,
Есть дерзость быть собой, осознавая
Присутствие незримое твое.
Приблизимся. Стопами революций,

Где пыль веков, где не видать ни зги,
На лестнице пустынной раздаются
От вещества до вечности шаги.
Когда-нибудь закончится, наверно,
Сей бесконечный беспощадный сон.
С Вергилием преодолев инферно,
Сквозь лес скульптур крылатых и колонн,
Пройдя чистилище, достигнув рая,
Сумеет ли, привыкнем ли к тому,
Что вновь живем, уже не умирая,
И вновь не постигая почему.
Приближимся. Поднимемся на холмы,
И обойдем Ижевск, и вступим в Рим.
Ведь мы с тобой одним огнем жегомы
И рано или поздно догорим.
Приближимся. Избавимся от страха
И полночью, и посредине дня.
Ведь эта книга создана из праха,
Из пепла, что остался от меня.
Добавлены частицы, как в бумагу,
Так в краску типографскую — чуть-чуть.
Благодарю, читатель, за отвагу,
За труд совместный и за долгий путь.

29 марта 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНИ

«Вся комната озарена...».....	5
«На темный, на апрельский наст...»	-
«Весну мы встретили едва...»	6
«Чем дольше остаешься здесь...»	-
«Констатация смерти. О трупных пятнах...»	7
«Щелчки кузнечиков в нагретой траве...»	8
«О, горе не бывает гостем неожиданным!».....	-
«Пишу карандашом по белому столу...»	9
«И я для верной смерти не был назван...»	10
«И доля львиная листвы уж на земле...»	-
«Как шелест выше, Машенька, как шелест...»	11
«Апрель артезианский дорог мне...»	-
«По древнему воздуху города...»	12
«Весеннего снотворного холодная вода...».....	-
«Дубовый лист из Павловского парка...».....	13
«А когда унынием все внутренности съедены...»	-
«Брысь, деревья, в чашу леса...».....	-
«Мир измениться не успел...».....	14
«Что тьма светла, себя сама, сова, хвали!».....	15
«Прости меня. Беспамятства огонь...»	-
«Всё призрачно, как баркарола...»	16
«Пройдешь по старой улице, как гость...».....	17
«Кисть виноградная дремоты словно тень»	-
«Звучанье шороха, как хора...»	18
«Не это превращает тело в тушу...».....	-
«Губы твои — волчата...»	19
«Оснежь застывший занемевший лес...»	-
«Над садом дней летание теней...».....	20
«Мне зимние дни мои, о, Мнемозина...»	-
«Спокойно прощается снег...».....	21

«И верный труд, Мари, и верный труд...».....	21
«Весь снежный мир, Мари, весь снежный мир...»	22
«Всё более телесный снег весенний...»	-
«Вин нежных поляны, как слайды, в потоках...».....	23
«И сонный, и сумрачно-солнечный день...»	-
«Когда меня охватывает хаос...»	24
«Черемухи холодный мрамор...»	-
Лев	-
«Как воздух липовый пленит...»	25
«Окрестность спит. Свой крестный ход...»	-
«На город бесподобный водопад».....	26
«Воздушные шары — деревьев невесомость».....	-
«Слепит глаза мне луч, лущенный...»	27
«Когда снимаешь маску из воды...».....	-
Реквием	28
«Твой лик цветист, о, птиц великий вождь...».....	-
«И стыдно, и стадно. И я говорю не с тобой...».....	29
«От марева лишь шнур бикфордов...»	-
«Мой ум боготворит умерших женщин мгла»	30
«Никто не слушает борьбу. Я — посторонний...».....	31
«И время от времени я содрогаюсь...»	-
«Мир возникал мечтанием возникнуть...».....	32
«Любимую речь я лью на лютый...».....	33
«Словно Шива многорукий в ночь играет на гармонии...».....	-
«Как выше головы стоит болиголов!».....	34
Земляника	35
«И светопись, и помрачение...».....	-
«Песочный берег. Жаркий лоб...».....	36
«Как лентой клейкою, я чередую горной...».....	-
«И словно улитка на грозную гроздь...»	-
«Какая зима! И мне так горячо!».....	37
«Дирижирующий веткой у костра глотает дым...»	-
«Последней бабочкой бессильной...».....	38
«Малиновые сотинки и соты»	-
«Не вынесу соль на спине чернокрыло...».....	39
«Прозрачнее, преступнее, пустыней...»	-
«Завидна мне ты, участь Агасфера!»	40
«По камням обрыва карабкался страх...»	41

«И вырезан, и вырван гарпуном...»	42
«Мы — демоны. Мы — скрипачи. Как вечер...»	-
«Ты столько раз губам моим внемли...»	43
«Избитый стрелками часов...»	-
«Как знает глаз свою необходимость...»	44
«Мне всё случайностями резко сведено...»	45
«В вечерней комнате от окон...»	-
«Как дико являться забывшей земле...»	46
«Коль ты симфония, то февралю сим фоном...»	-
«И временел за северным сияньем...»	47
«И Гефсиманский сад сквозь веки...»	-
«Я марширую под весенний маршик...»	48
«Пучина звать голос теряла. Пустело...»	-
«О, боже мой, как лиственны ветра!»	49
«Как потемнел невыносимо жаркий...»	-
«Кто мог бы пристальней смотреть...»	50
«Пусть свет приносит ветер, ветер приносит свет»	-
«Как в той игре, пока стоит спиной...»	51
«Освещенный снегом лес...»	52
«Мир словно шар стеклянный, полый, полный...»	-
«И головная боль смывает берега...»	53
«Какие летаргические сны...»	-
«Для комаров мы только кровь...»	54
«С чего бы чваниться, с чего бы?»	-
«Прозрачным утром сквозь дремоту бубен...»	55
Крысолов.....	-
«Как антарктические льды...»	56
Похороны	-
Танец	57
«Морозный воздух, как вощина...»	-
Обратное движение.....	58
Язык.....	-
Музыка	59
«Светильник приглушен пеленкой...»	-
«Прихожу на кладбище смеяться...»	60
«В холодильнике — будильник...»	-
«Вдох-выдох, словно лыжник, по морозу...»	61
«По-прежнему пугаешься своей...»	62

«Как никогда сегодня небо гулко!»	62
«Снег отмечается у редких фонарей лишь...»	63
«Долженствующее произойти происходило непрерывно...» ..	64
«И тени, как разводы акварели...»	-
«Нет никакой опасности. Закрой...»	65
«Тот сон, потом как выяснилось вещей...»	-
«По прошествии дней понимаешь, какая отрада...»	66
«Как зарастает родничок...»	-
«И я там был. И я в апрельский день...»	67
«В бору сосновом ранним утром...»	-
«Я гимны дарю морозному утру...»	68
«В конце концов и даже очертанье...»	-
«Прочитай мне, как сказку, страничку из небытия»	69
«Я пьету свою не помню и молюблю светомощность...»	-
«Дождь незаметен, но земля в глазах...»	70

РУНЫ

<i>О. Седакова</i> [Предисловие]	72
«Дождь незаметен, но земля в глазах...»	74
«Лучи прощальные сухие, как трава...»	76
«Глазея удивленными глазами...»	-
«Как в парнике весеннего двора...»	77
Эвтаназия	-
«Под вечер лишь проходит голова...»	78
«Побудь еще, дух глúхий и немой»	-
«Как смешан наш язык, но знаю я твои...»	79
«Как беспокойно тройня спит!»	-
Выход	80
Наследство	-
«Как хитроумный муж-воитель Одиссей...»	81
«Смерть подошел, и, втягивая ноздри...»	-
«Три версии убийства. Ни в одной...»	82
«Как растворяется рассудок...»	-
«Какой морозный сон, как будто это полюс...»	83

«Мой альтовый концерт, концерт в старинном стиле...».....	83
Сад камней.....	84
«Как хищного зверька, бросок земли лопатой...».....	85
«Сад голосом твоим отверзся...».....	-
«В земле великой Уц в садах полдневный жар...».....	86
«“А у меня второй язык...».....	-
«Сад ветренен, велеречив и страшен...».....	87
«Заговори, такое чудо...».....	88
«Она сказала: “Помнишь, в нашем старом...».....	-
«Холодная, пустынная квартира...».....	89
«За пазухой судьбы, в укромном уголке...».....	-
«Точней часовщика, жадней ростовщика...».....	90
«Нард, шафран, аир, корица...».....	91
«Событие, приведшее к таким...».....	-
«Как старый снимок, мой воскресный день...».....	92
«Как распускаются улитки...».....	93
«На горестном моем костре...».....	-
«Десятый месяц — мой недуг».....	94
«Мы под грибком в песочнице — зажаты в кулаке...».....	-
«Как бурное allegro аллергии...».....	95
«Шиповника гудящий куст...».....	96
Кенотаф.....	-
Бокал.....	98
«Во тьме, как будто легких снимок...».....	-
«Как и предсказано тобой...».....	99
«Какой смиренный и какой здесь усыпительный покой!»... ..	100
«И шишек треск, и хруст сосновых игл...».....	101
«Лес в ноябре зияет пустотой...».....	102
Слова.....	-
«И слегшую траву, и почерневший клевер...».....	104
«Возможно, где-то существует город...».....	-
«Воскресному еще не время утру...».....	105
«И осени замешана палитра».....	106
Хроника.....	107
«Живу в чужом столетии, в чужом...».....	109
«Что хочешь делай. Спи. Читай».....	-
Буквицы.....	110
Переселение.....	111

Орфей.....	112
«Как сломано что-то внутри...»	113
«Буду варваром, грабившим Рим».....	114
«Неведомых и сумрачных времен...»	-
«Она проснулась поздно в январе...»	115
«По старой дороге, по стертým каменьям...»	116
«Не более боли. Не более боли. Вонми»	117
«Как речитативы того, чему и названия нет...»	-
«Прежде, нежели я отойду и не будет меня...».....	118
«Возле сонного дивана...»	-
«Уже не важно — было что в начале...»	119
«И воздух был словно дыханье воловьё»	120
«Когда бы ночь точнее астрóлябий...»	121
Памятник.....	-
Скудельница	122
«И, обожженный в тигле дней...»	123
Вторая трава	-
«Как хорошо вернуться в старый дом...».....	124
«Продлénный день — морская полночь...»	-
«Чалму поднял высоко клевер...».....	125
«Течет река из-под горы»	126
«Дорога серого песка...».....	-
«Мы вынесли сами себя на разбитых щитах...»	127
«Вот огонь и дрова. На морском берегу...».....	128
«Этот пышно устроенный город...»	-
«Наконец я, вступающий в возраст...»	129
Психея	130
«И подошел к огню, как тень...»	-
«Колючей тенью помавая...»	131
Итака	-
Сонет	132
«Сегодня все живы, и всё хорошо...»	133
«В конце существования язык...»	-
«Как волны, повторяются слова...»	134
«Еще следов свежа печать...».....	135
«Ты говоришь “история”, как тот...»	136
Книга	-
«По возвращении в места, какие помню...»	137

БЛАЖЕННОСТЬ РАССТАВАНИЙ

«По возвращении в места, какие помнишь...»	139
«Собака в ворохе листвы...»	140
«Чужой страны чужие города...»	141
«Кустарник укрывает дом...»	142
«Тихонько на залив Сиваш...»	-
«И зайчик солнечный от золотых часов...»	143
Аарон	144
«И снова начиная говорить...»	145
«В десятый месяц и последний день...»	-
«Я просто слушаю тебя...»	146
«В эпической поэме “Возвращенье”...»	147
«А впрочем, послушай, а впрочем, послушай...»	148
«Теперь тебе ни редких встреч...»	-
«Иди туда, куда влечет...»	149
«И прозорливец, и слепец...»	150
Лацерты	151
«Вот заболеешь вдруг, и что тогда?»	-
Царский курган в Керчи	152
«Апрель второго дня две тысячи шестого...»	153
«Деревьев позвоночных хруст»	154
«О чем тебе сказать еще?»	-
«Охватывая голову руками...»	155
«И город, названный в честь Митридата...»	-
«Шары большие фонарей...»	156
«На золотом на берегу...»	157
«В Каламитском заливе на верфи...»	158
«И жалость словно жимолость растет...»	-
«Как навеситель чуждый, я пришел...»	159
«Проснулся и опять заснул...»	160
«Устроим проводы теней...»	-
«Исполнимся. Сомкнемся темным смехом»	161
«Укройся с головой и спи»	162
«Пусть это лишь блаженство расставаний...»	163
«Когда проснешься ночью...»	164
«Беги. Скрывайся от меня»	165
«Неужели ты колдунья, нежная моя?»	-

«И, может быть, мы встретимся с тобой...».....	166
«За что упорна так болезнь...»	167
«Как в Первой Книге Царств Саул грозит Давиду...».....	168
«Евпаторийского трамвая узкоколейка хороша».....	170
«Вагон печальный, душный, тесный».....	171
«Попробуй веки разожми...»	-
«Как серебристы кипарисов...».....	172
«Креветки, мидии, рапаны...»	173
«И мне дарует мой недуг...»	-
«Платан раскинул ветви так...».....	174
«Уклони в печали очи...»	175
«И взоры утолил, и никнет голова...».....	176
«В какой-то город неземной...».....	177
«Приятно, что июль. Ведь налицо — сентябрь».....	178
«О, кем ты стала для меня?».....	-
«Как прежде, на пустынный берег...»	179
«А в темные часы мои...»	180
Песенка	-
Минотавр	181
«Что заставляет говорить...»	182
«Опомнимся. Пускай у самой бездны...»	183
«Как Экхарт говорил, себя вкушает Бог...».....	184
«Проснемся поздно и пойдем...»	185
«Прими воскресный день как дар...»	186
«И соль-минорный дорог день...».....	187
Post scriptum	
1. «Я так надеялся, что больше никогда...».....	188
2. «Пусть не укрыться за высоким штилем...»	190
3. «Как сладостна медлительная месть!»	-
Вивальди	192
Обратная дорога	
1. «Что видится тебе в окно вагона?».....	194
2. «В каком-то поезде на верхней полке...»	196
Стрва. <i>Триптих</i>	
1. «Смеркается на Северном кладбище»	198
2. «Пусть невозможно подобрать слова...»	199
3. «Как странно, что по истеченье дней...».....	200
«Неутешительный итог. Я позабыть тебя не смог...».....	202

«По берегу в порыве резком...».....	203
«Под небом сладостным твой дом».....	204
«Когда-нибудь тебя простят...»	205
«Ты спрашиваешь, почему я решил изменить вдруг судьбу...».....	206
«Когда бы выбирать возможно было сны...»	207
«Прощайся, Эвридика, горлинка, со мной»	209
«Как тяжкую болезнь перенеся разлуку...».....	210
«Ничего не осталось у нас»	211
Энциклопедия сыров	212
Готический собор	213
Post Dante	
1. «Всё больше погружаешься во сны...».....	215
2. «Вода и камни. Камни и вода».....	216
3. «Единственно, что мне пока дано...»	218
4. «Всё больше погружаешься в себя...».....	219
5. «Как будто бы звенящие ключи...»	221
6. «Как наше разлучение лучисто!»	222
7. «Но ты мне несказанно дорога...»	223
8. «Всё больше погружаешься туда...».....	224
9. «Когда же ты пойдешь, как говорят псалмы...»	226
10.«Как будто бы за жемчугом ныряльщик...»	227

ДВЕ РЫБЫ, ПЯТЬ ХЛЕБОВ

«Положеньё вещей изменилось, и ты...»	229
«Осенний сад как особняк»	230
«По берегу траурная лента широкая морской травы».....	-
«Как воздух оживляет бронхи...»	231
«По истечении беды душа живет несуетливо»	-
«Больше ничего не будет».....	232
«О, поднимайся! На площадке...».....	233
«И даже после многих дней...»	234
«Город, усыпанный цветом акаций...»	235
«И светотень, и хор цикад...»	236
«Изведай вечный “Коктебель”...»	237
«Прощания не продлевай...»	238

«Базилика торжественна чинары».....	238
«Улицы пустынный зноя»	239
«Приснилось слово урильрик»	240
«Листва пушиста и перната...»	-
«Как будто бы на ней лежит вина...».....	241
«Какая разница заполнить чем...».....	242
«Читая проповедь Екклесиаста...»	-
«Наконец начинается речь...».....	243
«Душно, как внутри цветущей липы...».....	244
«Спрячься в черепаший панцирь...».....	245
«Подводя итоги в сорок...»	246
«День изумителен в лучах...».....	-
«Кто придумал из моллюсков делать пурпур драгоценный?».....	247
«Возвращаться — это глупо...».....	-
«Чередом своим музыка течет»	248
«Февраль, подверженный печали...»	249
«А твой прощальный взгляд меня во сне настиг...».....	250
«Сонливый тусклый день по завершение мая»	-
«Развязанный тобой напрасен жаркий бой...»	252
«И обратился и увидел...»	253
«“Путешествие не может сделать навсегда счастливым...” ..	254
Каменщик.....	-
«Сквозь Дантовы круги единственная нить...»	256
Гимерра	
1. «От приступа панического страха...».....	257
2. «Как холодно посередине марта...».....	258
«Больше от тебя ни звука не услышу никогда».....	259
«В серебристые стрекозы ты пробилась из наяда...»	-
«Время исчерпало свой потенциал».....	260
Елка	
1. «В темнеющем лесу светло от снега»	261
2. «Чудесен день последний декабря...»	262
3. «Представь себе, как дочь Екатерина...».....	263
«Оказавшись в старом граде...»	265
«Он стонет так, как длинные гудки...».....	266
«Ноябрь тринадцатого года...».....	-
Вид из окна	267
«Я знаю, что и эти строки...»	268

«Подводя итоги строго...»	268
Лонки-Ворцы	269
«Оказавшись после всех событий...»	-
«По Пушкинской проходим вчуже...»	270
«Снег в декабре еще так тонок...»	271
«О, как по-разному звучит...»	272
«Этот город, теряющий вид...»	273
«В лесу такая тишина...»	-
«Дай обниму тебя, плачя...»	274
«Как после ветра буйного с лыжни...»	275
Снежный шар	276
Геката	277
«Городок в Тоскане, как почивший в бозе»	278
Отрывок	279
Палио	280
«Под вечер, окончательно устав...»	281
«Как ветвь, избавившись от груза...»	282
«С печальной иронией взгляни...»	-
«Когда не совладать с тоскою, друг Гораций...»	283
«Понеже жизнь висит на нитке...»	284
«Сначала ветер а саррелла...»	285
«Как снежные стога, еловый дремлет бор»	287
«Дятел, словно божество»	288
«По истечение карантина...»	289
«И удивительно, и щедро еще один дарован день!»	290
Помпеи	292
«По берегу, по самой кромке...»	294
«Возможно ли, что в круге новом...»	295
Одиссея	297
«Признаться, жаль, что Казанова...»	299
Ныряльщик	300
«Как говорил старик Хемингуэя...»	301
«А знаешь, рыжики пошли...»	302
«Из восемнадцатого века мне речи Лейбница слышны...» ...	-
«Шекспир, при смене декораций...»	303
Ремарка	304
«Раз в неделю там, за краем...»	-
Santa Maria della Neve	305

«Представь себе: февральский лес...».....	307
Эмине-Баир-Хосар.....	308
«Доставая в сумерках дрова...».....	309
«На редкость снежная зима!»	310
Прогулка	
1. «О, наслаждение — мороз!»	-
2. «Тебе сердиться не к лицу».....	311
«Поскольку никуда не хочется, дремли...»	312
«Подобно сорванным осенним листьям...»	314

Владислав Федорович Шихов

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

Сборник стихов

Дизайн, верстка, оригинал-макет

И. Г. Абуговой

Подписано в печать 07.12.2017

Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 17,22

Издательство «Алкид»

426004, Ижевск, ул. Ломоносова, 9 а

alkid-book.ru

E-mail: lit@alkid-book.ru

Тел. (3412) 644-277

ISBN 978-5-6040579-0-2

9 785604 057902